

Тяжело
КРАМЕР

ЖЕНА САМУРАЯ

© 2004 K&H

•

Марина Крамер
Жена самурая
Соседи

Алиса Власьевна, пожилая дама в потертом пальто, возвращалась из гостей. «Поздновато гуляешь, голубушка, – ругала она себя, аккуратно продвигаясь по скользкому асфальту темной арки к подъезду. – Засиделась чуть не за полночь».

Алиса Власьевна преувеличивала – время едва подбиралось к десяти, однако для старушки, крайне редко выбиравшейся куда-то, было уже поздно. Но подруга юности Василиса Артемьевна, или просто Васена, только вчера выписалась из больницы после инфаркта, и в беседах за чашкой чая они и провели весь вечер.

Четыре старые, «сталинской» постройки трехэтажки образовывали некое подобие «колодца», внутри которого располагался небольшой дворик с игровой площадкой и парковкой, заполненной машинами. Очень удобно – даже охраны не требовалось, из двора был только один выход – через длинную темную арку, и тот запирался на ночь при помощи кованых решеток с небольшой калиточкой в них. Ключ же хранился у Андрея Ильича – председателя товарищества собственников жилья. Управдома, как именовал он себя, а вслед за ним – и все жильцы.

Алиса Власьевна почти добрела до своего подъезда и остановилась буквально на секунду, перевести дух. Ее взгляд уперся во что-то темное, похожее на большой тюк.

«Совсем обнаглели, лень до мусорного бака добраться и туда бросить!» – возмущенно подумала старушка, подслеповато щурясь и доставая из кармана очки, чтобы лучше рассмотреть странный предмет. Когда она, подойдя ближе, склонилась над тюком, из ее груди вырвался сначала возглас ужаса, а потом и вовсе истошный крик – снег вокруг был окрашен красным, что отчетливо просматривалось в исходящем из окна первого этажа свете. На крик из окна выглянул мужчина, узнал в вопящей старушке свою соседку и открыл форточку:

– Что случилось, Алиса Власьевна?

– Ва-ва-вадик... – еле выговорила она, осторожно отступая от зловещего свертка в сторону подъезда. – Вы-вызывай милицию...

– Да что случилось-то? – не мог понять сосед, однако трубку на столе нашарил. – Толком скажите.

– Тут, кажется... труп... – выпалила тонким, срывающимся голосом Алиса Власьевна и повалилась в снег.

Александра

– Итадакимасу![1] – Я склонилась в почтительном поклоне, согнулась, почти коснувшись лбом татами. Сидеть на коленях было не очень удобно, но уже почти привычно.

Акела одобрительно хмыкнул, подхватил с подставки палочки-хаси и выразительно взглянул на меня. Ох, как же тяжело мне давались все эти его ритуалы, кто бы знал! Но я вот уже два года стараюсь делать все, чтобы порадовать мужа.

За это время много всякого случилось, Сашка перенес пару операций по пересадке кожи, и теперь его обожженное лицо приняло мало-мальски человеческий вид. Мы переехали в город из поселка – опять же, Сашка настоял, мотивируя это тем, что Сонечке, нашей шестилетней приемной дочке, в городе куда больше возможностей для развития. Тут сложно было спорить – возить ребенка каждый день на машине смысла не имело, да и папа мой тоже поддержал зятя. Продав коттедж, мы купили большую хорошую квартиру в старом районе города – «сталинку» с высокими потолками, – и Сашка почти полгода занимался там ремонтом, руководил нанятой бригадой строителей, оставив нас с Соней на попечении отца. Я тоже не осталась без дела – засела за книги и написала-таки диссертацию, вернулась на работу, на свою любимую кафедру нормальной анатомии. От моей частичной парализации почти не осталось следа, да и левой рукой я научилась владеть почти так же отлично, как правой. Единственное неудобство состояло в том, что мне пришлось приложить немало усилий, чтобы научиться еще и трупы препарировать, держа скальпель в непривычной левой руке. Но и это я сумела преодолеть – нет ничего невозможного, я-то это точно знала.

Сашка же ушел от моего отца, решив вспомнить то, что хорошо умел и знал, – восточные единоборства. Он открыл клуб и набрал несколько групп учеников и теперь пропадал в небольшом

полуподвальном помещении дни и вечера, а в выходные брал с собой на занятия и Соню.

Весь уклад жизни полностью изменился. Мы отказались от услуг домработницы – ну не то чтобы совсем, но, во всяком случае, приходила она теперь раз в неделю, делала генеральную уборку, а все остальное время мы с Соней поддерживали, как могли, чистоту. Я научилась готовить – тоже прогресс для меня, избалованной папиной дочки. Мне хотелось во всем потакать прихотям мужа, и потому я хитрилась овладеть искусством японской кухни. Соня, видя, как и чем увлечен ее обожаемый папа, в котором она просто не чаяла души, довольно быстро освоила технику еды с помощью палочек-хаси, и даже мой отец, забирая ее на выходные к себе, удивлялся, как смог такой маленький ребенок научиться делать это так ловко и так быстро.

– Вы из нее что вырастить хотите? – грозно вопрошал мой родитель, возвращая нам дочь вечером воскресенья. – Гейшу?

– Папа! – предостерегающе начинала я, но Акела, сделав мне знак умолкнуть, спокойно отбивал папины нападки:

– Что дурного в том, чтобы девочка видела что-то еще, кроме традиционных вещей?

– Ну, то-то ты ее в свой клуб и таскаешь! Еще меч ей всучи!

– Захочет – возьмет сама, – отрезал Акела, и папа, только махнув рукой, умолкал, зная, что переспорить немногословного, но упорного зятя ему не удастся.

Финансовый вопрос у нас остро не стоял – я работала, Саша тоже, кроме того, вполне приличные суммы лежали на счетах в банках, но мы как-то сразу договорились не прикасаться к этим деньгам без особой нужды. И только с отцом спорить по этому вопросу оказалось невозможно – ежемесячно его телохранитель привозил крупную сумму для Сони. Эти деньги папа так и называл – «Сонькина стипендия». Отказываться мы пробовали, но мой отец был слишком крут нравом и слишком много прошел в жизни, чтобы не справиться с нами. Да и обижать его не хотелось – кроме меня и Сонечки, у него больше никого не осталось, только сестра, но она давно жила отдельно и к брату в гости не навещалась. Мои братья погибли по собственной глупости и слабости, а я выжила, хоть и оказалась изрядно потрепанной. Но рядом со мной всегда был муж, которого я не могла разочаровать таким простым выходом из запутанной ситуации, как

смерть. И я – выкарабкалась. И теперь у нас дочь. Я чувствовала себя совершенно счастливой и состоявшейся, моя жизнь наконец-то обрела смысл, я сумела свить гнездо, и даже птенец у меня в нем появился, пусть и не родной по крови. Но, видимо, так уж было написано обо мне в Книге Судеб там, наверху, – я ведь и сама была не родной отцу. Он удочерил меня четырехлетней, но узнала я об этом случайно, будучи уже взрослой. За все это время ни разу ни папа, ни братья мне даже не намекнули на то, что я на самом деле не Гельман, как они. Для моей семьи я всегда была своей – любимой младшей сестренкой, которой можно доверить любой секрет с уверенностью, что он секретом и останется, любимой дочерью с характером мужским и упрямым, с которой можно обсудить любые дела и знать, что поймет, не осудит, поддержит. Папа научил меня простому, но очень мудрому правилу – свой за своего. У меня ни на секунду не возникало сомнений в том, что только так и нужно жить.

Муж тоже разделял эту теорию, однако считал, что у меня – женщины – это не должно стоять на первом месте. Потихоньку, мягко, как-то совсем незаметно даже для меня, Сашка сумел воспитать во мне другое полезное умение – быть женой. Женой во всех смыслах этого слова, более того – практически в самурайских традициях. Если бы кто-то раньше сказал мне, что я стану спокойной, уравновешенной, буду говорить тихим голосом, не срываясь по каждой мелочи в крик, я ни за что не поверила бы. Мне, избалованной, воспитанной мужчинами практически без женского участия (брат-гомосексуалист не в счет), ближе были мотоциклы и огнестрельное оружие, нежели кухонная утварь и ведение домашнего хозяйства. Но Сашка как-то ненавязчиво сумел сделать так, чтобы я сама – сама! – захотела пересмотреть свою шкалу ценностей. Да и появление в доме Сони тоже оказало на меня сильное влияние.

Девочка первое время практически не воспринимала меня как взрослую: еще бы – худая, маленькая, носившая одно время короткую стрижку, я скорее походила на подростка, чем на серьезную преподавательницу. Да и на роль мамы годилась с огромной натяжкой. Со стороны, наверное, казалось, что у Акелы две дочери... Но со временем ситуация поменялась. Соня все чаще предпочитала мое общество Сашкиному, старалась как можно больше быть возле меня, крутилась в кухне, с интересом наблюдая за тем, как я учусь готовить

что-то японское, помогала по мере сил. Мы вели с ней долгие разговоры, я рассказывала какие-то сказки, которые вспоминала из собственного детства, а Соня с каждым днем раскрывалась мне навстречу, и слово «мама», вырвавшееся у нее во время первого новогоднего утренника в детском образовательном центре, куда я водила ее, было для меня лучшей наградой за все. Точно так же в свое время я ждала от мужа – тогда еще не мужа – слов любви...

Мы стали жить чуть скромнее финансово – и не потому, что денег не было, просто мой Акела наконец получил возможность делать то, что хочет лично он, а не те, кто нанимал его на работу. А он был просто помешан на традициях средневековой Японии, и потому в квартире у нас царил мебельный минимализм, Соня воспитывалась строго, хотя и в огромной любви и внимании. Баловать ее мы как-то сразу не стали, и только папа нарушал установленный порядок, задаривая единственную внучку подарками. Запретить ему делать это мы были не в силах, и даже Акела молча махнул рукой, понимая, что переделать тестя на свою колодку не сможет.

– Ладно, пусть, – скупно бросил он мне, давая понять, что не одобряет, но и противиться не будет.

В общем, наша жизнь оказалась счастливой, спокойной и вполне удовлетворявшей нас обоих.

Неожиданно для меня Акела вдруг увлекся новым видом – тэссен-дзюцу, искусством боя на металлических веерах-тэссенах.

– Как это? – с недоумением спрашивала я, разглядывая странный предмет, ничем не напоминавший грозное оружие.

– Аля, веер – не орудие нападения. Это – защита.

– В смысле?

– В прямом. Им невозможно убить – если, конечно, не махнуть по сонной артерии. – Едва улыбнувшись, Сашка забрал у меня веер и, раскрыв, показал острый край: – Вот этим.

– Но это же сложно.

– Для этого есть специальная техника. Мой первый учитель был единственным в стране мастером тэссен-дзюцу. Не знаю, как сейчас, а в то время – да, единственным. Да и сэнсэй Табанори, к которому я езжу в Осаку, считается лучшим мастером этого вида боя. Почему-то сегодня ему уделяют мало внимания, наверное, дело в том, что техника изготовления боевых вееров практически утрачена.

Я не могла понять одного – ну, зачем ему еще и это? Ведь и так – шест бо[2], кэндзюцу[3], куда еще-то? Ведь это время... Сашка не мог относиться к делу поверхностно, если брался за что-то, то доводил до идеального состояния, следовательно, все свободное время теперь будет уходить на изучение техники боя на веерах. Я и так редко вижу его. Но что поделать – таков уж Акела.

Наша трехкомнатная квартира в старом «сталинском» доме напоминала скорее музей, чем жилище. У Акелы имелась обширная коллекция старинного японского оружия, множество ценных гравюр и настоящие боевые самурайские доспехи. О существовании многих вещей я даже не догадывалась, выходя за него замуж, хотя о коллекции мечей он рассказал мне как-то. Это был подарок за верную службу от одного из его прежних «работодателей» – когда-то давно мой муж был телохранителем очень высокого класса, а в случае надобности мог легко решить любые проблемы – даже кардинально и... эээ... не совсем законно.

И была в этой коллекции пара мечей, которой Сашка дорожил особенно – подарок его первого учителя, сэнсэя, как он его называл. Этими мечами в черных лакированных ножнах он мог любоваться часами, бережно протирать их специальным материалом, сдувать пылинки. Даже мне было строжайше запрещено прикасаться к ним, а сам Акела делал это исключительно в белых матерчатых перчатках.

– Лак на ножнах – вещь тонкая и нежная, чтобы не повредить, приходится вот так осторожничать, – объяснял он мне, а я уже передала домработнице Гале строжайший наказ не прикасаться к оружию. Та только перекрестилась:

– Да бог с тобой, Сашенька! Экие страсти! Пусть уж Александр Михайлович сам...

Самурайскими доспехами Акела тоже дорожил, пожалуй, больше, чем собственной жизнью, – однажды, протирая пыль, едва не уронил шлем на пол, так я на его крик бежала из кухни, испугавшись, что у мужа сердечный приступ.

– Аленька, это очень дорогая вещь, – пояснил он, когда я ворвалась в комнату и обнаружила, что с ним все в порядке, а дело всего лишь в упавшем с манекена шлеме. – Не только по стоимости, но и по исторической ценности. Это боевые доспехи одного из даймё[4] эпохи Токугава. Я привез их из Осаки, когда был там впервые.

Сашка любовно протер тряпочкой шлем, смахнул невидимую пыль с наплечников из какого-то тяжелого металла.

– Ты только представь – эта амуниция вся целиком весила очень много, а ведь воевали самураи на лошадях. И на эту лошадь нужно было еще как-то забраться! И воспользоваться помощью слуг было нельзя – позор, самурай не должен быть слабым.

Я заворожено слушала и боялась даже пошевелиться. Рассказы мужа всегда напоминали мини-спектакли. Он умело перевоплощался то в императора, то в какого-нибудь знатного самурая высокого рода, то в простого ронина[5], а то и в гейшу. Его искренний интерес к Японии и к традициям самураев оказался заразительным, и теперь я с удовольствием сама читала книги и смотрела фильмы Куросавы. Библиотека у Акелы насчитывала больше тысячи книг о Японии и ее обычаях, попадались также редкие старинные издания на японском языке, прочесть которые я, увы, была не в состоянии.

Мне страшно хотелось выучить японский, но сперва диссертация, затем каждодневная работа на кафедре, домашнее хозяйство и маленький вертлявый ребенок, отнимавший все свободное время. Однако, несмотря на все это, я ухитрилась найти в городе курсы и вот уже почти три месяца посещала их дважды в неделю. Просить Акелу помочь я не решалась – муж был занят не меньше, уставал и был все-таки не совсем еще здоров. Кроме того, он вдруг заявил, что собирается снова поехать в Осаку, к Табанори Казуки. С этим японцем Акелу связывала давняя дружба. Тэссен-дзюцу – искусство владения боевым веером – он постигал именно у Табанори-сан, одного из немногочисленных оставшихся мастеров этого вида боя в Японии.

Ольга

– Н-да-а! – задумчиво проговорил эксперт Нарбус, разглядывая лежащий перед ним обезглавленный труп неизвестного мужчины. – Вы смотрите, Оленька, как ровненько...

Высокая стройная девушка в расстегнутой куртке и темно-синих джинсах, которой предложили «посмотреть», только головой мотнула. Находка оказалась та еще... Рухнули мечты о спокойном дежурстве, о тихой ночи в кабинете у телевизора. Черт бы побрал эту бабку с ее любопытством! Но труп и правда странный – голова отсечена так ровно, что даже никакая мысль об оружии убийства не приходит. Чем, интересно, можно так отсечь башку, а? И где она сама, кстати?

– Один удар, всего один удар... – бормочет Нарбус, аккуратно обследуя рану. – Он даже охнуть не успел, бедолажка... никаких шансов позвать на помощь...

– Чем его? – хмуро спросила Ольга.

– А хрен знает! – буркнул эксперт, сдергивая резиновые перчатки и пряча озябшие руки в карманы куртки. – У него теперь не спросишь. Всадник без головы, мать его...

– Очень смешно, – автоматически отозвалась Ольга.

– Да какой тут смех! – согласно кивнул Нарбус, уже начавший закрывать свой чемоданчик. – Первый раз такое вижу. Должны быть хоть какие-то надрубы, надсечки, отломки костные – хоть что-то. А тут – ни фиги! Ни крошки! А удар спереди нанесли – срезано снизу вверх спереди назад. Как шашкой рубанули. И головы нет... Зачем голова-то понадобилась? Как трофей, что ли?

Ольга скривилась, представив, какую боль и ужас пережил за мгновение до смерти этот неизвестный мужчина. Судя по его одежде и багрово-синюшным рукам, принадлежал покойный к малоуважаемой, но многочисленной касте бомжей. Да и наколки, явно просматривавшиеся на скрюченных пальцах, тоже говорили в пользу этой догадки.

– Потом следователь по картотеке отпечатки пробить попросит, – словно услышал ее мысли эксперт. – Судя по всему, парняга судим, и не единожды – вон, малолеточная «синька» на пальце, а рядом – уже серьезная, на взрослой такие делают.

– Спасибо, – машинально проговорила Ольга.

Она работала всего полтора месяца и за это время на труп выехала впервые – в основном ковырялась в прозекторской, а сегодня Нарбус вдруг потянул ее с собой. Валентин Станиславович, полноватый блондин из Темиртау, давно уже осевший с семьей в этом городе, испытывал к Ольге какую-то привязанность, чего не скажешь о его отношении к двум остальным интернам – Ксении и Артему. Тех он просто не замечал, а вот Ольгу нагружал, как за растрату. Дежурить с Нарбусом оставалась только Паршинцева, все интересные вскрытия проводила только Паршинцева – и так во всем. С одной стороны, это было лестно – Нарбус считался едва ли не лучшим судмедэкспертом в городе, но с другой – хлопотно и утомительно. Если Ксюша и Артем уходили из морга ровно в три, как положено, то Ольга – не раньше

семи-восьми. Если у двух остальных интернов были законные выходные, то у Паршинцевой даже в субботу-воскресенье мог зазвонить мобильный, и мягкий, с легким акцентом голос Валентина Станиславовича приглашал приехать на какое-нибудь «экстренное» вскрытие.

– Ну, что думаете? – спросил меж тем эксперт, сунув в рот сигарету. – По-вашему, на что похоже?

– А? – встрепенулась Ольга. – Вы об оружии? Даже не знаю... Края ровные, насечек нет, костной крошки – тоже... Что-то настолько острое, что отсекло голову с первого удара... Да и сила у нападавшего должна была быть приличная – убитый-то не маленький мужичонка... Рост около ста восьмидесяти, вес... ну, пусть килограммов семьдесят даже – все равно многовато.

– Ну, это дело не наше, если честно. Так и напишем – удар нанесен спереди назад снизу вверх, ориентировочно холодным режущим орудием. И пусть уже следователи об этом думают, как и о том, где же все-таки его голова. Протокол оформили?

Ольга кивнула и протянула Нарбусу несколько листков, заполненных мелким острым почерком. Шеф пробежал их глазами и одобрительно кивнул, Ольга сунула поглубже в рукава куртки замерзшие руки и побрела в машину следом за Нарбусом.

Он удалялся от места убийства, держа в руках большую спортивную сумку. Старался идти спокойно, размеренно, чтобы не привлекать внимания. Вдох-выдох... вдох-выдох... ровнее дышать, ровнее, чтобы сердце не колотилось так бешено. Все прошло как нельзя лучше, именно так, как он задумал. Теперь останется только совершить все необходимые процедуры, и начало коллекции положено.

Александра

Папа в последнее время сильно сдал. Возраст, да и годы, проведенные в местах заключения, все чаще давали о себе знать. Иногда, приехав в гости, я заставала его у камина с алюминиевой кружкой, с неизменной «беломориной» в пальцах. Он смотрел на огонь и думал о чем-то. Пару раз я попыталась выяснить, о чем именно, но папа только отмахивался:

– Да перестань ты, Санька! Тебе мое грузило зачем?

Подспудно я догадывалась о причинах плохого настроения папеньки. Его внезапно стало глодать то, как он в свое время поступил с ближайшим другом и «соратником» Бесо. Дядя Бесо, вернее, его внебрачный сын и племянник жены, оказались замешаны в серии покушений на членов нашей семьи. От их рук погибли мои братья, а отец и муж едва не отправились на тот свет, прихватив было заодно и меня. Дядя Бесо не был в курсе делишек Рамзеса и Реваза, но папа считал иначе, а потому решил вопрос жестко, заставив Бесо переписать все имущество на свое имя, а потом вынудив уехать из города. Тайком от папы я все это время перезванивалась с ним – Бесо был для меня почти отец, как и второй папин компаньон дядя Моня. Старый грузин не осуждал моего папу, так и говорил – мол, на его месте я бы еще хуже поступил, это ж моя кровь, как они могли, и я в ответе теперь, так что все, мол, правильно. Мне, конечно, это было непонятно, вот это их уголовное братство и «кровничество», но спорить я не решалась. Папа же как отрезал – никогда не говорил о Бесо вслух, будто его и не было вовсе. Даже с дядей Монею они это не обсуждали. Но, заставая папу в одной и той же позе у камина, я догадывалась, что он переживает и явно корит себя за крутость нрава.

Вот и сегодня, когда мы с Соней приехали с утра в поселок к отцу, он уже был в каминной с неизменным чифирем и «беломориной». Соня, не потрудившись даже сбросить лыжный комбинезон, надетый специально для катания с горки, забралась к нему на колени, сунула было палец в кружку, обожглась, смешно сморщилась и звонким голосом спросила:

– Деда, что ты пьешь такое... страшное?

Папа крякнул, отставил кружку на каминную полку и обнял Соню:

– Все-то тебе надо знать, коза! Сильно палец прижгла?

– Нет, – беспечно отозвалась она, развязывая шапку. – Ты поедешь с нами на горку?

– Хочешь, чтобы деда потом по костям собирали? – хохотнул папа, помогая ей раздеться. – Я же старый уже, Сонюшка, разок скачусь – и рассыплюсь.

Соня округлила глаза:

– Рассыплешься? Как Кощей Бессмертный?

– Ну, вроде того, – кивнул папа.

Сонька рассмеялась, чмокнула его в щеку и сообщила:

– Я пойду к бабе Гале! – и практически мгновенно исчезла.

Мы переглянулись, без слов понимая друг друга. Домработница Галя, как и мой отец, постоянно баловала Соню, но на свой лад – кормила пирожками, булочками и прочими сладостями, а также непременно держала в кармане фартука огромную конфету «Гулливер», которые девочка любила больше остальных вкусов.

– Садись, Саня, – пригласил папа, указывая на кресло, стоявшее напротив него.

– Ты чего такой? – поинтересовалась я, опускаясь в кресло.

– Волосы, смотри, совсем длинные стали, – игнорируя мой вопрос, заметил отец. – Так-то лучше, а то совсем пацан-сорванец.

– Пап, ты не увливай – случилось что?

– А должно?

Н-да, несмотря на то что мы не были родственниками по крови, кое-какие привычки совпадали до мелочей. Манеру вот так уводить разговор в сторону я переняла у отца, и он по этому поводу страшно сердился.

– Вроде нет, – я пожала плечами и вытащила сигарету. – Но вид у тебя какой-то...

– Сегодня день рождения Бесо, – вдруг сказал папа и отвернулся к камину, снова уставился на лижущие поленья языки пламени.

Я поняла, что момент удачный, и, быстро набрав номер мобильного телефона Бесо, протянула трубку отцу:

– Прекрати. Поговори с ним.

Глаза отца бешено сверкнули, и я поняла, что сейчас телефон мой полетит в камин, однако в этот момент раздался мягкий голос Бесо с его неповторимым акцентом, и папа вдруг, схватив трубку, заорал:

– Бесо? Генацвали, с днем рождения! Это я, Фима!

Я бросила сигарету в камин и вышла, чтобы дать отцу возможность спокойно поговорить. Мне пришло в голову, что, возможно, мое присутствие будет стеснять его – папа поклялся никогда не общаться с Бесо, но я же видела, как ему трудно, все-таки такая давняя дружба обязывает, да и пару раз они крепко выручали друг друга. Честно сказать, я изначально была очень против этого разрыва, считала, что Бесо не должен отвечать за своих родственников, но кто меня-то спрашивал... Акела же коротко и ясно дал понять, что

вмешиваться я не имею права, а спорить с мужем – это совсем не то же самое, что спорить с папой.

Вспомнив, что дочь моя где-то опасно притихла, я направилась в полуподвальную кухню и, естественно, обнаружила там и Соню, и Галя. Дочь сидела за кухонным столом в фартуке, с руками, запорошенными мукой, как снегом, а Галя укладывала на противень только что слепленные пирожки. Следующая партия готовых лепешек дожидалась начинки на столе.

– Вот вы где! – Я чмокнула Соню в макушку, и дочь проворно выскочила из-за стола и обхватила меня за талию.

– погоди, оглашенная! – охнула Галя, сунув противень в духовку и устремляясь ко мне с полотенцем. – Все брюки матери извозюкала!

– Баба Галя, да ты что, они ведь кожановые! – с серьезным лицом пояснила Соня, и мы с Галей так и покатались со смеху.

– Соня – кожаные, ко-жа-ны-е, поняла? – по слогам пояснила я сквозь смех.

Соня надулась – она терпеть не могла критики и считала свои словечки единственно правильными.

– Галя, как у папы здоровье? – усаживаясь за стол, спросила я.

– Да как, Санюшка... Он разве скажет когда? Врача вот позавчера вызывали, сердце опять.

– А мне почему не позвонили?

– Ефим Иосифович запретил, сказал – тебе своего хватает.

– Так, Галя, чтобы больше таких разговоров не было! – отрезала я. – Он мой отец, я имею право знать.

Галя промокнула вмиг заслезившиеся глаза уголком фартука, сунулась в духовку – вроде как пирожки посмотреть, передвинула что-то на рабочей поверхности:

– Эвон как... а все говорят «кровь, кровь»... вот ты не кровь никакая, а лучше родной ему.

– А, ты вон о чем... – Я указала глазами на замершую у стола Соню.

Галя спохватилась:

– Да, что это я... кошелка старая, раскудахталась...

– Баба Галя, кошелка – это такая сумка для продуктов, мне папа сказал, – наставительно произнесла моя дочь с серьезным видом. – Значит, она не может кудахтать. А ты – женщина, а не сумка. Вот.

Мы снова рассмеялись, с облегчением констатировав, что неприятный момент позади.

Я не говорила Соне, что мой отец – вовсе не родной мне. Так решил Акела, хотя я собиралась сразу об этом рассказать, думая, что так девочке будет легче принять тот факт, что и она – приемная. Но Саша решил, что всему свое время, да и Соня очень быстро забыла, что не всегда жила в нашем доме, и считала нас своими родителями. Отцом она отчаянно гордилась, рассказывала о нем в детском саду такие сказки, что воспитательница руками разводила, а про мою работу говорила только самым близким подружкам по секрету – «моя мама знает, как люди внутри устроены и из чего сделаны». Никому в голову не приходило, что девочка взята нами из детского дома всего два года назад.

В кухню спустился отец, и Соня мгновенно повисла на нем. Я же отметила, что его глаза как-то влажно поблескивают, а мой телефон он сжимает в руке.

– Поговорил? – невинным тоном осведомилась я.

– Да. Спасибо, Саня, – вывернул папа, протягивая мне телефон.

– Ну, как там Бесо?

– Нормально. Младшая дочь к нему переехала, зять погиб.

Это я знала, но все-таки сделала вид, что удивилась.

– Но теперь хотя бы Бесо не будет так одиноко – все-таки трое внуков, да?

– Внуки – это хорошо, – подхватив Соню на руки, изрек папа. – Да, Сонюшка?

– Да, деда! – с комичной серьезностью подтвердила она, снова вызвав у нас приступ веселья.

Ольга

Не давала покоя мысль, посетившая ее во время осмотра трупа. Ольге вдруг пришло в голову, что таким поставленным ударом мог обладать человек, владеющий техникой боя на мечях. «Надо же, – подумала она тогда, глядя, как Нарбус перечитывает протокол. – Прямо самурай какой-то работал или казак... Самурай?! А что – это ведь тоже мысль! Сейчас много народа на Японии сдвинуто – вон, суши-бары кругом, рестораны... Опять же – столько школ восточных единоборств...» Ведь на самом деле отсечь голову несчастному бомжу мог и человек, увлеченный самурайскими традициями – почему нет?

Это вполне в духе того времени – опробовать, скажем, новый меч на «простолюдине». Хотя версия с казаками тоже годилась – в городе был даже казачий корпус и несколько классов в средних школах.

Всю ночь Паршинцева провела в раздумьях – говорить ли о своих мыслях Нарбусу, не вызовет ли попытка поиграть в следователя насмешку со стороны начальника? К утру в голове роились толпы самураев и казаков, размахивающих длинными мечами и шашками и кричащих что-то друг другу. Ольга потрясла головой, словно призывая непрощенных гостей уgomониться и вести себя прилично, наскоро умылась под краном в туалете и поплелась ставить чайник.

Кафедра еще пустовала – лаборантка Света должна прийти минут через двадцать, Нарбус закрылся в своем кабинете и наверняка еще спит. Студенты явятся к половине девятого, Ольга в это время уже будет в морге, да и раздражала ее вся эта суета. Она уже не раз ловила себя на том, что с живыми людьми хлопотно, то ли дело их клиенты – никуда не торопятся, не опаздывают, ничего не требуют, не возмущаются и не жалуются.

К ее выбору профессии мама отнеслась с ужасом – как это так, учиться шесть лет, чтобы потом всю оставшуюся жизнь потрошить мертвецов? Но Ольга была непреклонна – только судмедэкспертиза, ничего другого.

То, что живые люди со своими болезнями раздражают ее, Ольга Паршинцева поняла уже на третьем курсе, после практики на «Скорой помощи». Все эти дедушки-бабушки с гипертонией, инфарктами и прочими жалобами повергали ее в уныние. Не раз и не два Ольга подумывала о том, чтобы бросить мединститут и найти что-то другое, но всякий раз останавливала себя. И оказалась права, как выяснилось. На шестом курсе, прямо на первом же цикле в сентябре она оказалась на кафедре судебно-медицинской экспертизы и поняла, что нашла именно то место, где сможет работать спокойно и с удовольствием.

Ее не мутило при виде мертвых тел, не бросало в дрожь при мысли о вскрытии – она довольно легко бралась за скальпель и вскрывала любой труп без отвращения и вообще каких бы то ни было эмоций. Надо – и делала. Профессор Нарбус сразу выделил эту молчаливую худощавую девушку из толпы студентов, почувствовал в ней что-то родственное. По окончании последнего государственного экзамена Валентин Станиславович поманил Ольгу пальцем и спросил:

– Паршинцева, куда вы собираетесь двигаться в дальнейшем? В каком направлении?

– Я хотела бы работать у вас, – честно ответила Ольга, и это тоже понравилось Нарбусу – не юлит, не прощупывает почву, сразу говорит то, что на уме.

– Прекрасно. Как раз об этом я и хотел поговорить...

Так Ольга Паршинцева оказалась на кафедре судебной медицины, а заодно и в Бюро судебно-медицинской экспертизы, где Нарбус работал.

Криминалистика интересовала Ольгу мало, она хотела заниматься именно экспертизой, выявлять истинные причины смерти. Но приходилось также копаться и в так называемых криминальных трупах.

Наталья Ивановна постоянно интересовалась, не собирается ли дочь вернуться к «нормальным» людям, к живым, но Ольга только усмехалась:

– Ну, что ты, мам! Работать надо там, где тебе интересно и где от тебя есть польза. А какая польза от меня, скажем, в терапии? Она мне еще в институте опротивела, как я могу работать терапевтом?

– Ну, пусть не терапевтом. Хирургия чем плоха? – не отступала мама.

– И хирургия не плоха, и акушерство вместе с гинекологией, – согласно кивала Ольга. – Но это не мое, мама, понимаешь? Я не могу позволить себе заниматься делом, которое мне не по душе. Вряд ли папа осудил бы мое решение...

Это был, что называется, убойный аргумент – отец Ольги погиб во время пожара в госпитале воинской части, погиб, спасая своих пациентов, растерявшихся в отрезанной огнем палате, выталкивал их из окна, но сам уже не успел. За это военврач второго ранга Паршинцев был награжден посмертно. Слово и мнение отца всегда было для Ольги законом, который не обсуждается. И его пример тоже. Отец, военный хирург, не раз бывавший в «горячих точках», сумел воспитать в дочери чувство долга и привычку всегда поступать только по совести, даже если это шло ей во вред.

– Я не могу лечить людей, мама, потому что мне это неинтересно. А вот понять причину смерти – интересно, поэтому именно этим я и занимаюсь.

Мать после этого разговора долго плакала на кухне, вспомнив погибшего мужа, Ольга мучилась в своей комнате, понимая, что своим выбором профессии лишила маму ее надежд на то, что единственная дочь станет выдающимся врачом. Но и изменить свое решение тоже не могла.

...Кофе остыл, и Ольга вылила его в раковину, снова включила чайник и достала из сумки бутерброд с колбасой и сыром. Мама постоянно сетовала на то, что во время дежурства Ольга плохо и не вовремя питается, старалась сунуть ей с собой что-нибудь. Иногда Ольга забывала о покоящемся в сумке завтраке и обнаруживала его только спустя несколько дней по характерному запаху. Но сегодня мамин бутерброд оказался кстати. Откусив кусок, Ольга снова вернулась мыслями во вчерашнюю ночь. Может, стоит пойти к следователю и рассказать о своей догадке?

Александра

– Саша, у меня новости. – Я бросила сумочку на зеркало, а варежки и шапочку – в шкаф, скинула сапоги и короткую шубку и прошла в комнату.

Муж лежал на низкой софе, забросив за голову руки. Его лицо было холодным и отстраненным, единственный глаз прищурен и смотрел в невидимую мне точку на потолке.

– Саш... – Я села на пол рядом с софой и положила ладонь на открытую вырезом кимоно грудь мужа, прикрыв вытатуированного самурая, занесшего меч над поверженным противником. – Что с тобой? Тебе плохо? Что-то болит?

– Болит? – отрешенно переспросил Акела. – Нет, не болит. Где ты была?

– На курсах. Такой мороз – ужас! От остановки еле добежала. Сонька спит? Ты ужинал?

– Я ее накормил, мы почитали, и теперь она спит.

– А сам что же с ней не поел? – ласково спросила я, поглаживая разводы якудзовской татуировки, которую так любила рассматривать.

– Как я могу ужинать без тебя? Переодевайся.

Я поспешно вскочила и побежала в спальню. Почему-то вдруг я ощутила легкое чувство вины – муж никогда не садился за стол без меня, а я сегодня позволила себе задержаться сперва на кафедре с очередной барышней, исправлявшей полученную за контрольную

работу двойку, а потом в магазине. Встретила соседку по подъезду, интеллигентную пожилую старушку Алису Власьевну, и та захлеб, шепелявя от возбуждения, рассказала мне ужасную историю...

Облачившись в домашнее кимоно, расписанное аистами и цветами лотоса, я собрала отросшие до плеч кудрявые волосы в «марумагэ» – прическу замужних японок, укрепила узел двумя деревянными шпильками и пошла в комнату, накрывать на стол. Но сперва заглянула в детскую, где, раскинувшись на заправленной розовым в бабочках бельем кровати, спала наша Сонечка. Присев на край, я осторожно погладила спутанные кудряшки. С каждой минутой пребывания этой девочки в нашем доме я все сильнее проникалась к ней острым материнским чувством – она была моя, моя, кто бы что ни говорил об этом. Со временем Соня как будто забыла о своей жизни в детском доме, никогда не вспоминала, не рассказывала ничего – словно всегда жила с нами, называя нас мамой и папой. Психолог, к которому мы ходили всей семьей, как и было положено приемным родителям, объясняла это тем, что девочке комфортно и спокойно с нами, она доверилась нам полностью и искренне поверила в то, что мы – ее родители.

– Детская психика лабильна. Она выбрасывает негатив, едва только появляются позитивные эмоции. Девочку любят – и это хороший мотив для того, чтобы двигаться дальше, а не жить воспоминаниями о грустных моментах, – объясняла психолог, и мы были искренне рады этому.

Поцеловав дочку в румяную от сна щеку, я вышла из детской и плотно закрыла дверь.

Пока я расставляла на столике тарелки, подставки для хаси и мисочки для соуса, Акела поднялся с софы, отошел к балкону и сделал несколько дыхательных упражнений – верный признак, что муж чем-то обеспокоен и старается взять себя в руки. Но спрашивать было не принято – когда сочтет нужным, расскажет сам.

– Так что ты говорила про новости? – спросил Акела, располагаясь за столом и наблюдая за тем, как устраиваюсь я.

– Представляешь, – начала я, отложив взятые было хаси обратно на подставку, и Акела мягко подсказал:

– Концы не должны смотреть влево – это знак угрозы.

– Ой, извини, я отвлеклась, – я поспешно поменяла расположение палочек на подставке так, чтобы их острые концы не смотрели в левую сторону, и продолжила: – Я встретила в магазине Алису Власьевну, знаешь, такая старушка с третьего этажа, она еще летом кота на поводке во двор выводит?

– Да, помню.

– Так вот. Она неделю назад нашла во дворе труп!

– Что нашла? – переспросил Акела удивленно.

– Труп, представляешь?! Самый настоящий труп... только обезглавленный. Тело лежало, а головы не было. Алиса Власьевна сказала, что эксперты между собой поговаривали, будто очень странная травма – ровный, идеальный край, словно голову отрезали чем-то острым и в один мах...

Я вдруг замолчала, заметив, как побледнело лицо Акелы, а глаз вообще превратился в щель.

– Саша... Саш, ты что, не слышишь меня?

– Слышу, – спокойно отозвался он, однако выражение лица не изменилось. – И что? Нашли убийцу?

– Нет. Алиса Власьевна сказала, что ее уже несколько раз к следователю вызывали. Даже подозреваемых нет...

– Хватит об этом, – перебил вдруг муж, вставая с софы и направляясь в большую комнату, переделанную под спортзал. – Ужинай.

Я взялась за хаси, но есть расхотелось. Вот и Сашка встал из-за стола голодный. Что-то в поведении мужа показалось мне необъяснимым. Его чем-то задел рассказ об обезглавленном трупе, это было очень заметно. Но что такого? Разумеется, убийство в собственном дворе не очень приятная тема для разговора за ужином, однако Акела отреагировал на это более чем странно.

Кое-как заставив себя проглотить несколько роллов, я принялась убирать со стола. Это не отнимало много времени – минимум посуды, которую нужно мыть, смахнуть со стола несуществующие крошки, задвинуть сам стол в угол комнаты – и все. Со временем я научилась даже получать некое своеобразное удовольствие от домашних хлопот, к которым раньше допущена не была. Мой папа всегда оплачивал услуги домработницы, и у меня не было особой нужды в возне с посудой и пылесосом, но постепенно муж приучил меня к мысли, что

ему гораздо приятнее есть обед, приготовленный моими руками. Оказалось, что и я разделяю его мнение... Даже премудрости японской кухни дались мне почти совсем запросто, и теперь я радовала своих домашних разными диковинками.

Обстановка в нашей квартире тоже была минимальной, если не считать огромных стеллажей с книгами в коридоре да тщательно обставленной детской комнаты. Кухонька оказалась малюсенькая, и мы сразу решили снести стену и отгородить барной стойкой уголок с плитой и раковиной. Остальная часть кухни отошла в пользу столовой-гостиной, где располагались стол на низких ножках, софа, на которой любил отдыхать Акела, большой плоский телевизор на стене напротив софы. Пол застилали циновки, стены оклеены обоями, имитирующими ткань. Гравюры, изображающие самураев в бою, несколько свитков с иероглифами, самурайские доспехи на манекене, несколько подставок с коллекционными мечами – все украшение. Самая большая комната в квартире превратилась в мини-спортзал, там Акела часами отрабатывал стойки и движения, а также технику владения веером или мечом. В эти моменты я просто замирала от восхищения, сидя тихо в углу и прижав к себе Соню, – муж выглядел таким прекрасным и притягательным, что у меня щемило сердце.

Акела был старше меня на двадцать лет, а внешний вид еще добавлял ему возраста, так что я рядом с мужем казалась совсем молодой девочкой. Но я ни за что не променяла бы его на кого-то моложе – я их просто не замечала, как вообще не замечала никаких мужчин. Мой молчаливый, одноглазый, с обожженным лицом и покрытым затейливой японской татуировкой телом муж казался мне идеальным, и желать большего означало страшно, непоправимо грешить. Он понимал меня с полуслова, с крошечного жеста, чувствовал кожей и всегда знал, как лучше для меня. Но в последнее время что-то изменилось. Саша стал молчаливее обычного, часто замирал в одной позе и как будто всматривался куда-то внутрь себя. Меня такие моменты пугали, но выяснить причину я никак не могла – любые разговоры Акела пресекал и становился мрачным и жестким, а я не любила, когда он бывал таким.

Соседи

– Вот я тебе говорю, Ильич – это наш «японец» натворил! – округлив глаза и вцепившись в рукав теплой куртки управдома,

говорила Алиса Власьевна.

Она только что вернулась от следователя и там узнала новую версию убийства неизвестного бомжа.

– Он меня спрашивал – а нет ли среди жильцов дома людей, у которых может быть оружие! А ведь у японца-то наверняка есть!

Андрей Ильич сделал попытку избавиться от назойливой собеседницы и уйти, но Алиса Власьевна нуждалась в слушателе, а потому не выпускала его рукав.

– Да бог с тобой! – отмахивался управдом. – Что плетешь-то? Александр Михайлович человек порядочный, спокойный, что ты чушь всякую собираешь?!

– Да?! А зачем ему, порядочному, столько оружия в доме? – не отставала старушка.

– Да ты-то почему знаешь про его оружие?! Вот же кукушки неугомонные, до всего дело есть!

Алиса Власьевна обиженно поджала губы. Про оружие, хранящееся в квартире Сайгачевых, знали многие – из своих поездок хозяин вечно привозил что-то новое, а участковый потом приходил, осматривал, делал какие-то записи. Старушке было непонятно, почему у него первого не возникло подозрения в отношении ее соседа, ведь все так очевидно! Полна квартира мечей, сабель каких-то...

И вообще – странный он человек, этот Александр Михайлович. И в доме у них все странно устроено. Алиса Власьевна однажды заходила к его жене Саше, собирала деньги за уборку подъезда, и пока молодая женщина рылась в сумке и кошельке, успела разглядеть прихожую и гостиную, видневшуюся из-за отодвинутой ширмы, расписанной красивыми картинками. Совсем нет мебели, вся прихожая – в книжных полках от пола до потолка. В гостиной вместо ковра на полу какие-то циновки, на стене – свитки с непонятными иероглифами. Разве нормальному человеку придет в голову так обставить квартиру? И Саша эта дома ходит со странной прической и в шелковом платье, похожем на то, что показывают в кино про Японию, и дочка у них временами лопочет на странном языке. И потом – Александр Михайлович занимается какой-то восточной борьбой, даже преподает ее в спортивном клубе – так разве не мог он отсечь голову несчастному бомжу? Да и лицо у него больше похоже на уродливую маску, какие продают в отделе всякой ерунды в близлежащем

магазине. Как только ребенок не боится? По представлениям Алисы Власьевны, все странности соседа вполне укладывались в образ хладнокровного убийцы...

«М-да... Мог бы быть и поприятнее, да ладно... Работаем с тем, что есть. Грязное дело, оказывается, мне даже в голову это не приходило. Хорошо, что отсутствует во мне чувство брезгливости. Я не боюсь крови, не боюсь смерти. Вообще мало чего боюсь. Единственное, что всегда меня пугало, это отвращение на ее красивом лице и фраза: «Ну, что ты за мужчина? Ничего не можешь!» А вот и могу, могу, дорогая!»

Ольга

Ольга мучилась своей догадкой вот уже вторую неделю. Мысль о неизвестном самурае, оттачивающем технику на бомже, не давала покоя, постоянно заставляла думать об этом. Когда же сегодня они с Нарбусом ехали на очередной труп, Ольга была почти уверена, что картину увидит такую же, как и две недели назад. И не ошиблась...

Тот же антураж – темный двор, мертвое тело без головы. Только вместо истерично оравшей старушки – парочка студентов, решивших попить пивка в подворотне. Теперь эта парочка с круглыми от ужаса глазами давала показания оперативнику.

– Смотрите – совсем как в прошлый раз, – не поднимаясь с корточек, проговорил Нарбус. – Опять ровный край, один удар... Серийник, однако.

– Да уж вижу, – хмуро отозвался стоящий рядом оперативник Карепанов, молодой, неприятный на вид мужчина в кожаном пальто и какой-то ковбойской шляпе.

«Глеб Жеглов в усеченном варианте», – с неприязнью подумала Ольга. Под усеченным вариантом она имела в виду недалекость Карепанова, какую-то отталкивающую тупость и показную неотесанность. Карепанов словно гордился тем, что его кругозор не простирается дальше игры в «подкидного дурака» и пятничного распития пива в гараже.

Когда Ольга пришла к нему со своей догадкой, Карепанов высмеял ее и попросил не соваться туда, где ей не место.

– Ты эксперт? Вот и проводи экспертизу, а в процесс следствия не лезь. Гении, понимаешь! Шерлоки Холмсы! Начитаются книжек и

начинают, понимаешь, учить оперативников информацию собирать! Мисс Марпл нашлась!

Ольга поняла, что все попытки обратить внимание опера на возможную правдивость своей версии обречены на провал, а потому молча поднялась и ушла из кабинета с чувством досады и обиды.

И вот опять Карепанов не хочет замечать очевидного – ведь это уже почерк, отличительная черта конкретного преступника! Наверняка орудие убийства то же самое! И убитый – опять бомж! Ведь даже не надо быть оперативником, чтобы это понять!

Карепанов тем временем склонился над обезглавленным трупом и обреченно вздохнул. Ничего хуже не придумаешь, как иметь дело с серийным убийцей. И мотив... Какой мотив у человека, отсекающего головы бомжам? И где эти головы, кстати?

– Как вы думаете, Валентин Станиславович, куда пропадают головы? – спросил он у эксперта, поднимаясь на ноги.

Нарбус только плечами пожал. У него не было времени рассуждать на эту тему, да и к чему? Это не его дело.

Михаил

Михаил шел по улице, ежась от холода. Опять забыл дома перчатки, руки приходилось прятать в карманах куртки, чего он не любил. Анжела в очередной раз выгнала его. Михаил не понимал, чего еще не хватает избалованной красавице – вроде с деньгами проблем нет, он владеет большой сетью кафе быстрого питания, а это весьма прибыльный бизнес. Анжела может позволить себе все, что только захочет, от походов в лучшие косметические салоны и бутики до поездок на модные курорты, и даже на показы мод в Париж и Милан. Однако ее все время что-то не устраивает, всем она недовольна. И главное – она постоянно обвиняет его в мужской несостоятельности. А ведь это неправда. Просто аппетит у Анжелы такой, что и Казанова бы взмолился. Но ее упреки невыносимы.

Михаил остановился и тупо уставился на дверь, перед которой оказался. Это был его офис. Что ж, отлично, переночует здесь, благо рядом с кабинетом оборудована маленькая комнатка с диваном.

Михаил никак не мог понять, что заставляет его по-прежнему жить с Анжелой. Но страх потерять ее был сильнее всех оскорблений, что она регулярно наносила ему, сильнее всех обид. Желание быть рядом с этой женщиной перевешивало все.

Анжела родилась для того, чтобы покорять мужчин, вызывать восхищение одним своим присутствием. Тонкая, гибкая фигура, точеные ноги, длинные вьющиеся волосы цвета меди, зеленые кошачьи глаза, чувственный рот, возбуждающий немедленное желание... Такая женщина никогда не остается без внимания, где бы ни оказалась. Михаил в душе был уверен, что только его деньги привлекли внимание красавицы Анжелы, потому что внешне он ничем не выделялся. Более того – его нельзя было назвать не то что красавцем, а хотя бы мало-мальски привлекательным. Белесые волосы, ресницы и брови, бледная кожа, покрываемая красными пятнами в моменты волнения или просто сильных эмоций, широкие плечи, но короткие ноги, зато руки такие длинные, что создавалось впечатление, будто Михаил может коснуться ими земли, даже не наклоняясь. Анжела звала его «мой орангутанг»...

Кроме того, Михаил страдал излишней потливостью, и никакие средства не помогали. В жаркие летние дни он чувствовал себя губкой, из которой сочится вода, при малейшей возможности бежал в душ или просто менял рубашку, однако и это не спасало. Ему постоянно казалось, что от него исходит зловонный запах, и боязнь этого превратилась в манию. Михаил использовал литры туалетной воды, в результате чего за ним постоянно тянулся шлейф аромата. Сотрудники офиса прозвали его за глаза «мистер Кошарель»...

Мобильный телефон оторвал его от раздумий – это оказалась Анжела. Ее мелодичный манящий голос заполнил его душу:

– Мишутка? Ну, куда ты пропал? Я уже соскучилась!

И Михаил мгновенно забыл, что всего два часа назад томная красотка напоминала базарную бабу, визжащую и брызжущую слюной...

– Ангел, дорогая моя, я уже бегу!

«Успеть бы купить букет цветов... Анжела любит бордовые розы...»

Акела

– Мацумура Сокон, известный самурай, был призван однажды во дворец сёгуна. Тот хотел убедиться в том, что Мацумура на самом деле может поразить противника с помощью веера...

Акела расхаживал вдоль шеренги сидящих на пятках подростков в белых кимоно. Они не сводили внимательных глаз со своего

наставника и с трепетом ловили каждое его слово.

– Слуга сёгуна передал приказ явиться во дворец и сообщил, что в качестве противника будет бык. Тогда Мацумура пошел на хитрость – десять дней подряд он пробирался в стойло, где содержался бык, и что есть силы лупил его по морде боевым железным веером до тех пор, пока бык не падал на колени. В назначенный день Мацумура предстал перед сёгуном совершенно безоружный, только с веером в руке. Этот самый веер он и развернул перед выпущенным из стойла быком. Увидев самурая, бык рухнул на колени, а Мацумура спокойно сложил веер и убрал его за пояс.

– Учитель! – раздался откуда-то из конца шеренги звонкий мальчишеский голос, и Акела обернулся. – Учитель, но ведь это обман.

– Это не обман, Витя, это военная хитрость. Самурай должен быть умным и находчивым. Ведь любому понятно, что с помощью веера невозможно победить быка. С помощью веера можно, например, изменить направление летящей стрелы или брошенного кинжала. В ближнем бою можно закрыть обзор противнику или нанести удар по слабо защищенным частям тела – по кистям рук, по шее, например.

– То есть веер – это больше оружие защиты? – не унимался Витя, и Акела удовлетворенно улыбнулся – ему нравился этот парень.

– Не совсем. Веер используется совместно с коротким мечом – танто. В этом случае веер используется как щит. Кроме того, открывая и закрывая веер, ты рассеиваешь внимание противника, и это тоже дает тебе преимущества.

– Спасибо, учитель, – паренек смущенно покраснел, и это не укрылось от Акелы.

– Не стесняйтесь спросить, даже если вопрос кажется вам глупым, – он обвел учеников взглядом. – Лучше лишний раз спросить и утвердиться в своем мнении, чем постесняться и пойти по ложному пути.

Завершив тренировку церемонией прощания, Акела прошел в душевую и долго стоял под холодной водой, подставив под струи изуродованное ожогами лицо. На душе было беспокойно и тревожно, вот уже несколько недель он не находил себе места. Происходило что-то, чему никак не находилось объяснения.

– Учитель, учитель! – вернул его к действительности голос Вити.
– У вас звонит телефон!

– Да, спасибо.

Завернувшись по пояс в полотенце, Акела прошел в тренерскую и взял со стола мобильный. Звонила жена:

– Сашенька, извини, что отвлекаю тебя. Ты поздно сегодня вернешься? – голос был каким-то странным, напряженным.

– Я уже собираюсь уходить, значит, через час буду. Случилось что-то?

– Я не хочу по телефону... Ты возвращайся скорее, пожалуйста...

Она бросила трубку, и Акела обеспокоенно подумал, что все-таки произошло что-то, иначе Алька не позвонила бы ему – никогда не была истеричкой. Он наскоро оделся и поспешил на остановку.

Ольга

– Оленька, ты совсем ничего не ешь, – заметила Наталья Ивановна, наблюдая за тем, как вернувшаяся с дежурства дочь вяло возит ложкой по тарелке с супом.

Они сидели в маленькой кухне, где пахло борщом и жареной картошкой, а на подоконнике цвели фиалки и герань.

Ольга даже не услышала вопроса, продолжая думать о своем. Мысль об убийце-самурае разъедала ее изнутри, как раковая опухоль, Ольга не могла работать, не могла спать, есть...

Равнодушие оперативников задело ее, девушка не могла понять, как можно отмахиваться от версии, пусть даже она бредовая и неправдоподобная. Ведь в кино любая версия тщательно проверяется и отрабатывается...

– Ты меня не слушаешь, что ли? – Наталья Ивановна слегка толкнула дочь в локоть, и Ольга потрясла головой, отгоняя мысли:

– Нет, мама, слушаю...

– Тогда повтори, что я сейчас сказала! – потребовала она, и Ольга понурилась.

– Мам... ну, проблемы у меня на работе, никак не могу отвлечься, прости...

Наталья Ивановна понимающе улыбнулась. Конечно, она до сих пор не могла смириться и принять выбор дочери, однако ее увлеченность работой не могла не радовать. Ольга своей серьезностью напоминала отца – тот тоже считал, что свое дело нужно делать только с полной самоотдачей, иначе это уже не работа, а халтура. Но одержимость дочери порой пугала Наталью Ивановну – у нее совсем

не оставалось времени на личную жизнь, не было любимого человека, даже просто какого-нибудь приятеля, с которым ходят в кино. А ведь пора бы уже подумать и о семье.

– Ты, Оленька, хоть бы сходила куда, – предложила она, убирая тарелку с почти нетронутым борщом и придвигая новую, с румяным картофелем.

– Куда? – не понял Ольга, беря вилку и замирая над очередным блюдом.

– Ну, не знаю – в кино там или на концерт какой...

– В кино... – повторил Ольга, чувствуя, как в голове зарождается какая-то мысль. – В кино, в кино... Мам, ты гений! – выкрикнула она неожиданно, поняв, что именно ей следует сделать, и принялась споро поглощать жареную картошку.

– Да что с тобой сегодня? – удивленно спросила мама, наблюдая за тем, как быстро исчезает с тарелки еда. – То сидишь и не ешь ничего, а то мечешь, как пять дней голодала?

– Потом, мамуля, все потом! – Ольга вскочила, чмокнула мать в щеку и убежала в прихожую, а через пару минут хлопнула входная дверь.

Ольга остановилась только у автобусной остановки, заметив, что вызывает удивленные взгляды прохожих, пошла медленнее, стараясь восстановить дыхание. Она твердо знала, куда направляется – в большой музыкальный магазин на центральном проспекте, там отличный выбор дисков и кассет с фильмами. Возможно, просмотрев что-то про самураев, она, Ольга, сможет найти ответ на мучивший ее вопрос.

В магазине Ольга даже растерялась сначала от обилия ярких коробок, но к ней уже спешила высокая стройная блондинка с копной кудряшек, кокетливо подобранных кверху ярким голубым шарфиком:

– Вам помочь?

– Да, если можете... Я ищу фильмы о средневековой Японии и, если возможно, что-то о современных самураях.

Продавец отошла к стеллажу, начав рассматривать выставленные там диски, а Ольга обвела взглядом просторный зал магазина и вдруг остолбенела. Прямо на нее двигалась неземная красавица, стройная, высокая, медноволосая, в дорогой норковой шубке дымчато-голубого цвета и высоких лаковых сапогах на тонкой шпильке. Что-то в облике

женщины показалось ей смутно знакомым, узнаваемым... И этот жест, которым она небрежно отбросила за спину волосы... Ольга взглянула в лицо девушки и обомлела – Анжелка, Анжелка Сокольникова из параллельного класса! Вот так да...

– Анжела? – не очень уверенно произнесла она, протянув руку и коснувшись рукава шубки.

Девушка, уже начавшая рассматривать полки, обернулась и тоже ахнула:

– Ольга?! Ольга Паршинцева?! Ольга из одиннадцатого «А»?

– Ну да! – радостно подтвердила она, разглядывая старую знакомую с интересом. – Ну, ты изменилась, Анжела! Еле узнала, честное слово! Всегда была красавица, а теперь... просто высший класс!

Анжела кокетливо поджала губы и прищурила ярко накрашенные глаза:

– А ты, Олечка, все такая же... Милая девочка-зубрилка.

– Я уже не зубрилка, между прочим, – слегка обиделась Ольга, и Анжела рассмеялась:

– Не дуйся, я пошутила! Никогда не считала тебя зубрилкой, наоборот – удивлялась, откуда ты столько всего знаешь. Где работаешь, Олечка?

– В судмедэкспертизе.

Идеально выщипанные брови Анжелы от удивления выгнулись дугой.

– Это что же – с покойниками возишься?

– Боишься – от шубы трупами запахнет? – насмешливо спросила Ольга, кивнув головой на свою руку, так и замершую на мягком голубом мехе.

Анжела чуть смутилась, порозовела и помотала головой. Ольга улыбнулась и отпустила ее рукав:

– Странные существа – люди. Надо бояться живых, а мертвые вообще никакой угрозы не таят. Но что мы обо мне да обо мне? Ты-то как? Замужем, небось?

– И да и нет, – загадочно проговорила Анжела. – Это неинтересная тема, знаешь ли... Ты торопишься?

– Нет, я совершенно свободна до завтра, – радостно сообщила Ольга. – Можем посидеть в кафе.

– И посидим! – кивнула Анжела. – Только давай сперва диски глянем, а то мне вечером совершенно нечего делать будет.

Анжела пошла в отдел «ужастиков», а Ольга повернулась к терпеливо ожидавшей конца беседы девушке-продавцу. Та держала в руках внушительную стопку дисков:

– Вот... все, что удалось найти. Выбирайте.

У Ольги мелькнула шальная мысль купить все, не перебирая коробки, но потом она вспомнила, что собралась с Анжелой в кафе, следовательно, стоило быть экономнее. Она наскоро отобрала несколько дисков и пошла к кассе. Вскоре к ней присоединилась и Анжела, небрежно обмахивающаяся тремя плоскими коробочками с кровавыми рисунками и ужасными мордами на этикетках.

– Люблю на ночь нервишки пощекотать, – объяснила она удивленной Ольге.

Расплатившись за покупки, они вышли из магазина и попали под снегопад. Снег валил хлопьями, оседал пушистыми перьями на ветках деревьев, на шапках прохожих, на тротуарах и невысоких металлических заборчиках, огораживавших клумбы. Анжела накинула капюшон, натянула лайковые перчатки и вопросительно взглянула на Ольгу. Та мучительно соображала, куда же пригласит ее приятельница, в какое именно место. Беспокоил еще один щекотливый и неприятный вопрос – деньги. В кармане лежало всего несколько купюр, тысячи полторы, а внешний вид Анжелы красноречиво свидетельствовал о том, что в заведение из серии «поел – убери за собой» она не заглядывала со времен школьной юности. Проницательная Анжела уловила замешательство и мягко взяла Паршинцеву под руку:

– Идем, Олечка, я знаю хороший бар здесь, за углом, там варят прекрасный кофе, можно курить... И цены демократичные. Я, конечно, могу заплатить за тебя, но согласись – это как-то... И потом, зная тебя, не думаю, чтобы ты согласилась, правда? – она лукаво взглянула в ее глаза, чуть отогнув край капюшона, и Ольга утвердительно кивнула. – Ну, я так и думала. Идем, в «Карамболе» на самом деле все так, как я сказала.

Акела

Он взлетел по ступенькам на свой пятый этаж, торопливо открыл дверь и с порога крикнул:

– Аленька, ты дома?

– Да, я в спальне, – раздался голос жены, и Акела немного успокоился.

Чувство беспокойства и тревоги не отпускало его всю дорогу до дома, он не мог представить, что стряслось у Али, если она решилась позвонить ему на работу – это было не принято. И сейчас, застав ее дома, Акела окончательно взял себя в руки. Когда дело касалось жены и дочери, он забывал свои самурайские привычки и правила, хотя не показывал этого, считая все-таки это проявлением слабости, недостойной мужчины. Алю он очень любил, старался оберегать от неприятностей, однако был требовательным и порой даже жестким. Но у него всегда находилось время, чтобы выслушать ее, дать совет. Его радовало, что жена стремится разделить его образ жизни, что она предпринимает попытки выучить японский, читает книги из его библиотеки и интересуется всем, что связано с ним. Да и Соню Аля воспитывала так, как хотел Акела, – девочка, при всей своей непоседливости, была все-таки упорной и непременно должна была довести любое начатое дело до конца, будь то загрузка посудомоечной машины или картинка к празднику для деда. Став отцом в том возрасте, когда многие его сверстники уже подумывают о внуках, Акела старался дать приемной дочери все что мог. Он считал необходимым окружить девочку атмосферой любви и уважения, интереса к ее маленьким делам и проблемам, а потому каждую свободную минуту проводил вместе с ней – читал, играл, рисовал и потихоньку учил японскому языку, которым сам отлично владел. Смышленая Соня схватывала конструкции на лету, и дело продвигалось довольно быстро.

Сейчас, обеспокоенный звонком жены, Акела не мог думать ни о чем, кроме того, что же произошло в его семье. Убрав куртку в шкаф, он сразу прошел в спальню, где обнаружил Алю лежащей в постели в теплом халате.

– Что с тобой? Ты заболела? – Он сел рядом и коснулся ладонью ее лба.

Аля отрицательно покачала головой, поежилась, обхватила себя руками за плечи и посмотрела на мужа виноватым взглядом:

– Саш... мне нужно тебе сказать кое-что...

– Что?

– Я сегодня очень сильно поссорилась с Алисой Власьевной во дворе, – призналась она, опустив гладко причесанную голову.

– И все?! – с облегчением выдохнул Акела, в голове которого уже возникли ужасающие картины болезней жены или дочери, перед которыми он окажется бессильным.

– Ты не представляешь, что она говорит! – горячо воскликнула Аля, сжав кулачки. – Она всем соседкам рассказывает, что это ты убил того человека – помнишь, я говорила? Как тебе темка?!

Глаз Акелы превратился в щель, тонкие губы поджались, и от всей его фигуры вдруг повеяло каким-то холодным напряжением.

– Не слушай старых сплетниц.

Он развернулся и вышел из комнаты, а через несколько секунд глухо стукнулась в стену ширма, отделяющая спортзал от коридора – значит, пошел заниматься. Саше стало неудобно – она ждала, что муж отреагирует как-то иначе, станет опровергать болтовню Алисы Власьевны, но он только рассердился и ушел в зал, где сейчас будет работать до ужина, хотя только что пришел из клуба. Это верный признак сильного волнения и душевной тревоги.

Акела осторожно вынул из сейфа в небольшой нише предмет, напоминающий кинжал в ножнах. Вещь была явно старинная, украшенная яшмой. Бережно держа предмет на вытянутой ладони, Акела всматривался в отсветы настенных светильников, отражающиеся в крупных камнях на рукоятке. Резким движением он развернул руку, и оказалось, что держит он вовсе не кинжал, а металлический веер, разложившийся от взмаха. Довольно толстые резные пластинки, удобная рукоять, которую плотно обхватили сильные пальцы, а самый верхний край настолько острый, что мог соперничать с бритвой. Это и был тэссен – боевой веер, искусством работы которым Акела теперь владел почти в совершенстве. Кроме того, в сейфе лежал еще один веер, попроще, без украшений и излишеств. Его Акела использовал во время тренировок. Веер принадлежал отцу его матери – известному востоковеду, осужденному в свое время как японский шпион. Дед умудрился сохранить драгоценное оружие каким-то непостижимым образом даже в лагере в глухой сибирской тайге. Настоящее сокровище для тех, кто понимал.

Мать часто рассказывала маленькому Саше историю жизни его деда, рассказывала как сказку на ночь, и в памяти мальчика дедушка

запечатлелся сильным великаном. Позже, увидев старые фотокарточки, Саша почувствовал укол разочарования – дед оказался маленьким, сухоньким старичком с длинными вислыми усами и совершенно плоским лицом, изборожденным морщинами.

Мама всегда говорила о своем отце почтительно и восхищенно, и Александру передалось это уважение к деду, однако несходство реального образа и того, что рисовало воображение, немного пошатнуло его веру. Но не уменьшило интереса к восточной культуре. Возможность изучать ее дал университет, а боевые искусства – различные полулегальные школы карате и дзюдо. Но по-настоящему больших высот Акела достиг в кэндзюцу, а затем и в тэссен-дзюцу, которым увлекся очень основательно. В первой же поездке в Осаку на чемпионат он поразил даже местных мастеров и тогда же познакомился с Табанори Казуки, который и предложил ему свою помощь в дальнейшем изучении интересовавших Акелу техник. Табанори был едва ли не единственным мастером тэссен-дзюцу, так как уже много лет этот вид единоборства не получал должного развития. В странном человеке из России, с его обожженным лицом и отсутствующим глазом, старик Табанори разглядел талант и упорство в достижении цели, а потому подошел к нему после окончания чемпионата и на ломаном английском заговорил о перспективах. И был крайне поражен, когда тот ответил на вполне сносном японском. Так между ними возникла симпатия, и Акела стал по мере возможности приезжать к Табанори в его маленькую школу и наравне с тремя его учениками-японцами постигать хитрости обращения с таким мирным на первый взгляд предметом, как веер.

И вот этот почти антикварный тэссен, что держал сейчас в руках Акела, был подарком Табанори-сан. Он принадлежал роду Табанори на протяжении многих лет, и решение отдать такую реликвию говорило о высшем расположении наставника. Акела очень берег веера, никогда не забывал запереть дверцу сейфа, вмонтированного в нишу-такном специально для хранения тэссенов. Сверху сейф маскировал длинный свиток с иероглифами, на котором было начертано тушью танка Фудзивары Киёскэ. Акела доставал веера только в минуты сильного волнения, как будто старинное оружие могло успокоить, вселить уверенность. Выполняя упражнения и принимая боевые стойки, он приходил в себя, а взмахи веера изгоняли все дурные мысли.

– Саша, все готово, – прошелестел из-за чуть раздвинутой ширмы голос жены, и Акела защелкнул тэссен.

Аля за несколько лет совместной жизни хорошо усвоила все его привычки и правила этикета, которых Акела придерживался многие годы. Ни разу за все время, что они жили отдельно от ее отца, она не сделала и не сказала ничего, что рассердило бы или вывело его из себя, хотя прежде непростой нрав и склонность жены к авантюрам доставляли Акеле немало беспокойств. В последнее же время он иногда поражался тому, насколько тонко чувствует его Аля, как улавливает каждое его движение, правильно понимает любой взгляд. Это было очень ценным качеством для фанатично следующего самурайскому кодексу Акелы. Его раздражали современные девицы – вульгарные, хамовитые и размалеванные студентки, которых он встречал в медицинском институте, когда приезжал встретить жену с работы, или слишком расчетливые зубастые дамочки из маленьких городков и поселков, так и высматривающие, где бы найти себе мужа-спонсора. Аля оказалась именно той женой, какую он себе и хотел. Акела постоянно чувствовал желание защищать ее, опекать, оберегать. Иногда в выходной он мог позволить себе отступить от правил и сам готовил обед и ужин, что умел делать не хуже шеф-повара в японском ресторане. Он довольно редко говорил жене о своих чувствах, но она и не требовала – ей достаточно было просто его улыбки, ласкового прикосновения ладони к щеке. В такие моменты Акела понимал, что семейная жизнь полностью сложилась и соответствует его идеалу.

Ольга

Третий обезглавленный труп принадлежал женщине. Совсем молодой женщине, однако тоже бомжеватого вида. Грязное пуховое пальто некогда фиолетового цвета, сейчас залитое кровью, заношенные сапоги-дутики, руки характерного багрово-синюшного оттенка, неоднократно обмороженные и давно не мытые. Головы не было, что, впрочем, уже не удивляло ни оперативника Карепанова, ни эксперта Нарбуса, ни даже интерна Паршинцеву. Женщину нашли за пустующим ларьком недалеко от железнодорожного вокзала. Новая дворничиха решила осмотреть всю вверенную ей территорию и, заглянув за полуразрушенный ларек, еле успела добежать до здания вокзала и сообщить о находке первому встретившемуся ей по пути

милиционеру. После чего благополучно упала в обморок прямо ему под ноги.

Карепанов, присев на корточки, рукой в резиновой перчатке пытался найти в карманах пальто убитой хоть что-то, что помогло бы установить ее личность, но не обнаружил ничего, кроме мятой десятки, дешевой синей зажигалки и тюбика помады. Эта последняя находка вызвала у него усмешку.

– Ты глянь – баба даже в таком виде баба, ишь, помаду в кармане таскала. С покрашенными губами больше денег давали, что ли?

Ольга скривилась и отвернулась. Карепанов раздражал ее все сильнее, и, как назло, общаться с ним приходилось все чаще.

Нарбус покашливал – простыл в кабинете, где всегда открывал окно, чтобы хоть немного рассеять табачный дым, и теперь недомогал и злился на все и вся.

– Ольга, помогите, – попросил он раздраженным голосом, и Паршинцева присела рядом, поворачивая обезглавленное тело на бок.

В луже крови, натекающей под спину трупа, Ольга заметила не то камешек, не то осколок пивной бутылки и потянулась к нему пальцем в резиновой перчатке. Ковырнув, извлекла предмет и подбросила на ладони – это оказался камешек размером с пробку от бутылки, округлый с одной стороны и плоский с другой.

– Что у вас там, Ольга? – по-прежнему раздраженно спросил Валентин Станиславович, которого забивал кашель.

– Да вот, нашла...

– Что, покажи! – мгновенно метнулся к ней Карепанов, и Ольга протянула раскрытую ладонь с лежащим на ней камешком. – Ого... под трупом лежал? – подцепив находку двумя пальцами и разглядывая ее на свет, спросил оперативник.

– Да. Что это?

– Это, если я правильно понимаю, какой-то камень, выпавший из украшения. Видишь, одна сторона плоская, как будто ложе, а вторая – выпуклая, как капля? И, насколько я понимаю, украшение это ну никак не могло принадлежать нашей красавице, – Карепанов кивнул на тело женщины. – Потому что, будь у нее хоть что-то мало-мальски ценное, она мигом в лавку за спиртом сбегала бы, чтоб погреться – мороз-то нешуточный.

– А может, это совсем не ценный камень, а обманка? – спросила Ольга с сомнением. – Ведь есть такие украшения, в которых используют стекло, ограненное под драгоценные камни...

– Эх, Оленька... – со вздохом проговорил Карепанов, насмешливо глянув на девушку. – Делать-то делают, да только вот это – настоящая яшма, я тебе со всей ответственностью говорю – у меня тесть на камнях помешан, вся квартира завалена и драгоценными, и полудрагоценными, да и вообще всяким хламом. Так вот это – желто-коричневая яшма, поделочный камень. Сам по себе не особенно дорогой, но в изделии приобретает определенную ценность. Только что это было – брошь, наверное, или кольцо? Правда, для кольца великоват бульжник...

– Ну, кольца тоже разные бывают, – подавив приступ кашля, выговорил Нарбус. – Сейчас вон чуть не с блюдце величиной. Вчера у своей Стаськи такое видел – чайную чашку удержать можно на кольце.

При упоминании о Стаське, старшей дочери эксперта, Ольга хмыкнула. Надменная красотка часто бывала на кафедре с единственной целью – одолжить у отца очередные тысячу-две. О том, что Станислава играет на автоматах, Нарбус не догадывался, а Ольга не говорила – к чему лезть в чужую семью? К тому же сама она узнала об этом пристрастии дочери своего начальника случайно, заметив как-то белокурую Стаську выходящей из зала игровых автоматов и направляющейся к ближайшему банкомату.

Карепанов упаковал находку в небольшой пакетик и принялся составлять описание вещдока, а Ольга помогла Нарбусу закончить осмотр трупа и, пока эксперт, кашляя и ругаясь вполголоса, заполнял строчки протокола, собрала в чемодан все инструменты.

– Н-да... А головы опять нет, – протянул Карепанов, оглядываясь по сторонам, точно искомая голова могла обнаружиться где-то поблизости. – На кой черт этому маньяку отсеченные бошки, а? Коллекционирует?

Ольга поежилась, а Нарбус спокойно закурил и проговорил, снова кашляя:

– А вы не помните, как два года назад трое студентов-медиков вынесли из анатомички института голову и проехали с ней по всему городу, упаковав в полиэтиленовый пакет? А потом и вовсе бросили у

какого-то ларька? И все ради чего? Чтобы перед девчонками покрасоваться. Тьфу, уродцы...

Эту историю Ольга тоже слышала, ее тогда обсуждал весь город, парней с треском отчислили и завели уголовное дело, а в анатомичку запретили проносить сумки и вообще любые вещи.

– Ну, не думаю, что тут кто-то решил девушку поразить широтой природы и отсутствием каких-то комплексов, – пробормотал Карепанов, роясь в карманах плаща. – Это уже клиника какая-то – бомжи, головы пропавшие... бр-р-р, какая хрень! Кстати, Валентин Станиславович, а ваша помощница-то решила стать второй мисс Марпл, – с усмешкой бросил он, чуть покосившись на Ольгу.

– В смысле? – не понял эксперт, борясь с приступом кашля.

– А вот в том самом смысле, что она тут мне версии выдвигает. Самурай, говорит, завелся в городе. А вот интересуюсь я знать – почему ты на казаков-то не грешишь, Ольга? Может, это кто-то из казачьей сотни упражняется?

– Нет, – спокойно ответила чуть покрасневшая Паршинцева, которой было очень неприятно, что опер пытается выставить ее идиоткой в глазах наставника. – Нет – потому что казаки оставили бы голову на месте. А вот у самураев существовал обычай изготовления бундори.

– Чего? – переспросил Нарбус, заматывая шарф вокруг шеи и стараясь надвинуть поглубже шапку, чтобы не так дуло в уши.

– Бундори, Валентин Станиславович. Это как трофей, как скальп у индейцев, только... голова поверженного врага.

– Откуда познания такие, девушка? – снова усмехнулся Карепанов.

– Ну... сейчас ведь много книг, кассет...

– Во-от! – воскликнул оперативник, подняв вверх палец. – Именно! Именно это – много кассет, книг и прочей ерунды, посмотревшись и начитавшись которой каждый интерн считает себя сыщиком круче Пинкертон! Предупреждаю – не доставай меня своими теориями, Паршинцева! Не лезь в следственный процесс!

– Но...

– Все, никаких но! – отрубил Карепанов, направляясь к милицейской «дежурке». – Если закончили, то давайте уже поедem отсюда.

Нарбус последовал за опером, а Ольга все еще топталась на месте, мрачно наблюдая за тем, как санитары упаковывают тело в черный полиэтиленовый мешок и грузят в подогнанную машину.

– Ольга! – окликнул Нарбус. – Поехали!

– Нет, я на автобусе, – отказалась Паршинцева и побрела в сторону остановки.

«Ну, что за морда? Неужели в таком молодом возрасте можно так опуститься? – он с отвращением взирал на мертвое лицо и морщился. – Это ж сколько грима надо, чтобы привести тебя в должный вид?»

Теперь процедура стала уже почти привычной, руки работали механически, выполняя все необходимые манипуляции, а тошнота практически прошла. Оказывается, ко всему привыкаешь, и любое действие становится в конце концов обыденным.

Михаил

– Мишутка, на носу выходные! – капризным тоном объявила Анжела, вытянув на подлокотник его кресла длинные ноги с ярко-красными ноготками. – Как мы их проведем?

Михаил машинально опустил руку на гладкую кожу, провел снизу вверх, но думал о чем-то своем, и Анжела толкнула его в локоть второй ногой:

– Ты меня не слушаешь?

– А? Нет-нет, дорогая, конечно... все, что хочешь, – пробормотал он, и Анжела разозлилась:

– Ну, разумеется! Все, что хочу! Что ты вообще позволяешь себе, а? Я разговариваю сама с собой, а ты витаешь где-то в облаках! Мне надоело это, Миша!

Михаил понял, что допустил оплошность и сейчас ему грозит крупный скандал. А потому поспешно опустился на пол и поцеловал Анжелину коленку.

– Прости, Ангел, я задумался... на работе неприятности...

– Меня не интересуют твои неприятности! – высокомерно заявила Анжела, прикусив нижнюю губу. – Меня интересуют выходные!

– Скажи, чего бы ты хотела, и я выполню любую просьбу, – смиренно проговорил Михаил.

Он не мог объяснить этого удивительного феномена – Анжела порой выводила его из себя своими капризами и хамством, но он терпел это, молча снося все колкости и обиды, потому что боялся

потерять ее. Он терпел даже постоянное присутствие и в квартире, и в кровати ее мерзкой собачонки – той-терьера Пушка. Какой, к черту, Пушок, если эта дрянь была абсолютно голой! И это вечно дрожащее собачье Квазимодо на тонких лапках и с выпученными круглыми глазами Анжела любила едва ли не больше, чем всех остальных живых существ. Едва ли не больше, чем саму себя, и уж точно гораздо больше, чем Михаила. Именно этому бобику Анжела покупала разнообразные одежки, какие-то фантастически дорогие консервы, потому что эта пакость ничего другого не ела, возила его в парикмахерскую стричь когти и везде таскала с собой. Михаилу порой казалось, что исчезновение Пушка расстроит Анжелу гораздо сильнее, чем сообщение о том, что он, Михаил, угодил в больницу, например.

Михаил сел на ковер, положил голову на колени Анжелы и заглянул ей в глаза.

– Ну, не сердись, прошу тебя... Скажи, чего бы ты хотела, а? Хочешь, полетим на Мальдивы? Я сниму номер люкс, и мы проведем там все выходные, начиная с пятницы? Ты будешь лежать в постели столько, сколько захочешь, а я буду ухаживать за тобой... Шампанское, море клубники со сливками, икра... океан, пляж, белый песок... Хочешь? Ну, соглашайся, Ангел, я тебя прошу...

Анжела покапризничала еще пару минут, но потом согласилась, в знак примирения чмокнув его в щеку. Михаил возликовал – мир в семье восстановлен хотя бы на выходные...

Акела

Он возвращался домой после тренировки. Сегодня почему-то чувствовалась моральная опустошенность, усталость, навалившаяся на плечи и пригибавшая его к земле. Уже давно Акела не пребывал в подобном состоянии, и это раздражало. Умение контролировать свои эмоции всегда было сильной стороной, он не позволял себе раскисать или предаваться унынию. Но в последние несколько недель ему никак не удавалось держать себя в руках. Акела раздражался по любому ничтожному поводу, с трудом подавлял вспышки гнева. Бедная Аля сновала по квартире как мышка, стараясь не попадаться мужу на глаза, уводила Соню в детскую и сидела там с ней, хотя в разговорах с домашними Акела все-таки старался сдерживаться.

Бросив сумку в угол, он убрал в шкаф куртку и прошел сразу в спортзал, задвинул за собой роликовую дверь и плашмя упал на маты,

установился в потолок.

«Где и когда я совершил ошибку? Когда и как?»

В дверь осторожно постучали:

– Саш... ты будешь ужинать?

– Нет.

– Можно мне войти? – И, не дожидаясь ответа, Аля раздвинула двери и вошла.

Вид мужа, раскинувшегося на матах, напугал ее, девушка приблизилась и, опустившись на колени, положила руку на его грудь:

– Что с тобой? Ты не заболел?

Акела накрыл ее маленькую ладонь своей чуть обветренной рукой и закрыл глаз.

– Нет, я здоров, Аленька.

– Тогда... что случилось? Ты уже столько времени сам на себя не похож.

– Полежи со мной, – вместо ответа попросил он, чуть потянув Алю на себя.

Она послушно легла рядом, устроив голову на его плече, и замерла, прислушиваясь к напряженному дыханию мужа.

– Как твои дела на курсах? – вдруг спросил он, и Аля изумленно подняла голову.

– Трудновато, – честно призналась она. – Говорить намного проще, чем читать и писать. Такие конструкции непонятные, и к тому же иероглифов слишком много, я просто не в состоянии запомнить... Мне кажется, даже Сонька лучше меня соображает уже.

– Во всем нужна система, Аленька, и в изучении языка тоже, – спокойно проговорил муж, по-прежнему не открывая глаз. – Если хочешь, посиди с нами после ужина, послушай, как я с Соней занимаюсь, может, тоже поучаствуешь. Нужно же мне знать, насколько хорошо моя жена владеет языком, – грустно улыбнулся он, садясь.

Аля удивилась и обрадовалась этому предложению, вскочила и проворно побежала в кухню, начала накрывать на стол, аккуратно расставляла на столе тарелочки с соусом и васаби, пиалки для супа и плоские подносы для суши. Поколебавшись, убрала назад в навесной шкафчик бутылку sake – муж ничего не сказал по поводу спиртного, значит, вряд ли станет пить его. Иначе спросил бы, поставила ли Аля sake в горячую воду.

Акела чуть задержался, принимая душ, и Александра уселась на пол рядом со столом, вытянув ноющие от высоких каблуков ноги. Близились сессия, и ей приходилось много времени тратить на сдающих «хвосты» студентов, пропадать в анатомичке до вечера.

Акела с повисшей на его шее Соней неслышно вошел в гостиную и увидел, что жена сидит спиной к двери, вытянув ноги, прикрытые до щиколоток бледно-розовым кимоно. Из высокой прически выбилась темная кудрявая прядь, извивалась по длинной шее за воротник, напоминая змею. Акела приблизился и убрал локон, заставив Алю вздрогнуть.

– Вы напугали меня... Садитесь, я сейчас...

Но он удержал ее за руку, усадил на место:

– Я сам. Садись, красавица, – это относилось к дочери, и Соня мигом заняла свое место за столом.

– Асита ва наниёби десу ка?[6] – неожиданно спросил ее отец, подхватив кусочек рыбы и лукаво прищурил глаза.

Соня порозовела, с трудом отыскивая в памяти слова, обозначающие завтрашний день недели:

– Асита... ва каёби... десу.[7]

Акела ободряюще кивнул:

– Ну, видишь? Ведь ничего сложного. Завтра вторник. А как спросить, какое число сегодня?

Соня задумалась, припоминая конструкцию предложения, а потом виновато взглянула на отца:

– Подскажи начало...

– Ну-ка, мы маму спросим, – улыбнулся он, и Аля проговорила:

– Ке ва... – и дочь тут же подхватила:

– Все-все, вспомнила! Ке ва наннити десу ка?[8] Правильно?

Акела рассмеялся:

– Правильно. Ты умница. Да и мама у нас тоже молодец, все и не настолько плохо, как она мне тут рассказала. Вполне прилично, во всяком случае, на уровне бытовых разговоров вполне можешь управиться.

– Нет, мне не надо на уровне бытовых! – с жаром возразила жена, довольная похвалой. – Я ведь учу для того, чтобы читать, а не про дни недели разговаривать!

– И прекрасно, – согласно кивнул Акела. – Но начинать все равно нужно с простых фраз и выражений. Если получится, летом возьму вас с собой в Осаку, там и сможете попрактиковаться.

– Аригато[9], – пробормотала Соня, а Аля ласково потрепала ее по кудрявым волосенкам:

– Ты ешь давай, аригато! – И девочка снова взялась за хаси.

Михаил

– Ты уходишь? – Анжела удивленно приподняла правую бровь и наблюдала за тем, как Михаил неуклюже пытается попасть ногой в брючину, балансируя и стараясь не упасть.

– Да, дорогая, мне нужно...

– Надолго?

– Надеюсь, что нет.

Анжела недовольно фыркнула, дотянулась до лижущего лапу Пушка, прижала его к себе и заворковала:

– Вот так, мое сокровище, только ты меня никогда не бросаешь, только ты всегда будешь со мной... Сейчас мамочка тебя покормит, помоеет, и мы с тобой поедем по магазинам. Да?

Михаил испытал легкое раздражение – и тон Анжелы, и смысл ее слов ему не нравились. Сейчас будет час возиться со своей шавкой, купать в шампуне, сушить феном, потом нацепит на животину какой-нибудь дурацкий комбинезон и шапочку, сунет себе под шубу и поедет в торговый центр тратить деньги. Это Анжела умела как никто. С легкостью могла спустить пару тысяч долларов просто на безделушки, которым потом не могла найти применения. Михаил, с одной стороны, сердился, но, с другой, понимал, что запретить капризной девушке делать это не может. Он отдавал себе отчет в том, что основу их отношений составляют деньги, но изменить ничего не мог и не хотел. Материальных проблем он не испытывал, так что пусть Анжела развлекается так, как хочет.

Ольга

Паршинцева спала после ночного дежурства. В комнате было открыто окно, и Ольга ежилась под тонким одеялом, но вставать и устранять причину дискомфорта не хотела, ленилась.

– Ма-ам! – крикнула она, надеясь, что Наталья Ивановна не ушла в магазин.

Никто не отозвался, и Ольге пришлось выбираться из-под одеяла и, покрываясь от холода мурашками, закрывать окно. «Черт... ну и холодина!» Она юркнула обратно в постель и закуталась в одеяло, как в кокон.

На столике у телевизора призывно возвышалась стопка дисков, но для просмотра нужно было снова встать, теряя драгоценное тепло. Коммунальщики в этом году решили сэкономить на отоплении, а потому батареи в доме еле-еле дышали, не согревая воздуха в комнате даже до восемнадцати градусов, а мама еще и окно зачем-то открыла. Но такое правило негласно действовало в доме при жизни отца – утром, встав в шесть, он приоткрывал окна в спальне и комнате Ольги, чтобы чистый утренний воздух сделал пробуждение более легким. И вот отца нет, а мама по-прежнему делает это...

Решительно откинув одеяло, Паршинцева прошлепала босиком в кухню, вытащила из-под полотенца несколько свежих, еще теплых оладий, бросила их на блюде. В большую белую кружку, расписанную красными горошками, опустила пакетик чая, залила водой из чайника, бросила туда же пять кусков сахара и, подхватив блюдечко с оладьями, направилась в свою комнату. Устроившись в постели, Ольга включила проигрыватель дисков и, поглощая завтрак, принялась внимательно следить за действием фильма, стараясь не упустить ни одного движения актеров, ни одного взмаха мечом. Сюжет волновал ее мало, но вот все эти позы, взмахи, удары... было в них что-то завораживающее, интригующее. Ольга настолько погрузилась в атмосферу фильма, что не заметила, как съела все оладьи и теперь нетерпеливо шарилла рукой по пустому блюду. За этим занятием ее и застала Наталья Ивановна.

– Опять в постели ешь? – укоризненно спросила она, подхватывая готовое упасть на пол блюде.

– Ну, мам! – отмахнулась Ольга. – Не ругайся. Принеси еще оладушков, а?

Наталья Ивановна только головой покачала – когда дочь увлеченно чем-то занималась, то словно отключалась от внешнего мира и не замечала ничего вокруг.

Она ушла в кухню и села за стол, подперев кулаком щеку. Ольга все больше становилась похожа на отца, в ней постепенно проявлялась

та же твердость характера и преданность своему делу. Лишь бы не стала такой же фанатично отдающейся работе...

– Мама! Ты про меня забыла? – раздался из комнаты возмущенный голос, и Наталья Ивановна, встрепенувшись, принялась складывать в блюдо оладьи.

Из подвала пахло сыростью и плесенью. Мужчина, поморщившись, спустился вниз и, нащупав на полке справа от лестницы свечу, зажег ее. Дрожащее пламя слабо осветило помещение, выложенное кирпичом. Вдоль стен высились полки, забитые всяким хламом – пустыми стеклянными банками, какими-то коробками, стопками старых журналов и книг, перевязанных бечевкой, узлами с тряпьем... Обычный подвал, в каких люди хранят то, что уже не нужно, а выбросить пока жалко. Сюда свозятся старые вещи, сопровождаемые фразой: «Может, пригодится на дачу», старая обувь, вышедшая из моды, но «еще хорошая и почти новая». В таких подвалах можно отыскать и бабушкины сундуки, потемневшие от времени, а в них – старые фотоальбомы с множеством черно-белых карточек внутри...

Но главной достопримечательностью этого подвала являлось совсем другое. На противоположной от лестницы стене расположилась добротная новая полка из массивной доски, а на ней – три человеческих головы на небольших деревянных подставках. Аккуратно причесанные волосы, чуть подкрашенные лица... и рядом с каждой прикреплена табличка с датой.

Мужчина придирчиво осмотрел «экспонаты» и пробормотал вслух:

– Замечательно... осталось еще четыре...

Соседи

– Я вам говорю, товарищ милиционер, – это точно он! – возбужденно говорила маленькая, сухонькая старушка в потертом клетчатом пальто и смешной круглой шляпке-котелке, сидя на краешке стула в кабинете старшего оперуполномоченного Карепанова. – Я не вчера родилась, понимаете? И могу отличить убийцу от невиновного человека!

– Не застряли ли вы в тридцать седьмом году, уважаемая Алиса Власьевна? – со вздохом проговорил Карепанов, перебирая листы в папке, и старушка вдруг выпрямилась и приосанилась:

– Выбирайте выражения, молодой человек! Тогда и порядка было больше! Да, случались перегибы, но в основном все правильно было!

«Сейчас произнесет сакраментальную фразу «Сталина на вас нет», – с тоской и жалостью к себе подумал Карепанов, не поднимая глаз от папки с делом. – Черт принес эту сумасшедшую бабку! Все нормальные люди обедать ушли, а я вынужден сидеть здесь с ней и выслушивать старческие бредни!»

А посетительница тем временем уже стучала по столу морщинистым пальцем с пораженными ревматизмом суставами, распаяясь все больше и больше, выкрикивала смешные угрозы. Карепанов, которому порядком надоел этот фарс, уже собрался отбросить все церемонии и выпроводить назойливую старушку, как вдруг она произнесла фразу, заставившую его передумать:

– ...полна квартира оружия, чего только нет! Этак он и нас ночью перережет, упражняясь, а милиция так и будет в кабинетиках чай распивать! Управы нет на вас!

– Так-так-так, стоп, Алиса Власьевна! – перебил ее Карепанов, подвигая к себе чистый лист бумаги и готовясь записывать. – Вот с момента про оружие – пожалуйста, чуть подробнее...

Акела

Он расхаживал перед шеренгой сидящих на пятках учеников, заложив большие пальцы рук за пояс кимоно. В зале стояла такая тишина, что был слышен треск ламп накаливания под потолком. На высокой подставке лежали два меча в простых ножнах – длинный и короткий. Ребята с интересом косились на необычные предметы – сегодня им впервые предстояло взять в руки шинаи, тренировочные мечи, состоящие из четырех бамбуковых полос, связанных вместе, а эти мечи были самыми настоящими, да к тому же привезенными из Японии и принадлежавшими ранее какому-то знатному самураю. И Александр Михайлович как раз рассказывал об основных положениях учения Миямото Мусаси – непревзойденного мастера и основоположника фехтования двумя мечами одновременно.

– Сейчас я покажу вам, как выглядит защита в кэндзюцу. – Акела повернулся лицом к ученикам и стал демонстрировать доспехи, в которые был облачен. – Вот это – мэн, или маска, она должна защитить вашу голову. Далее – котэ, защита для плеч и предплечий, до – для туловища и, наконец, тарэ – защита паха и бедра. Все это вместе

призвано защитить ваше тело от ударов. Но, разумеется, никакие доспехи не помогут, если вы не будете владеть техникой боя и техникой самозащиты.

Тренировки в клубе «Каскад» всегда больше напоминали мини-лекции, чем спортивные занятия. Акела считал, что прежде чем дать в руки юношей пусть и деревянное, но все же оружие, стоит сначала морально подготовить их, воспитать чувство ответственности и понимания. Поэтому он старался как можно больше рассказать своим воспитанникам о культуре, традициях, принципах самураев. Кроме того, он часто общался с учениками наедине, пытаясь выяснить, что творится в голове того или иного подростка. Тех, в ком улавливал склонность к насилию или агрессии, пытался незаметно переключить на более спокойное восприятие окружающего мира, а уж если не удавалось, категорически отказывал таким в праве посещать секцию.

– Я учу вас тому, что меч должен подниматься только для защиты. Поэтому тем, кто хочет применять полученные у меня знания для нападения, здесь места нет, – жестко говорил Акела. – И это правило, которое я никогда не нарушал и не нарушу.

И действительно – его ученики не смели применять свои умения в драках, чем он втайне гордился. И дело было не в отсутствии мечей – их, если владеешь техникой, можно с легкостью заменить палками или кусками арматуры. Просто авторитет учителя и его доверие были превыше всего.

– ...представьте, что ваш противник заносит меч для удара и острие приближается к вам, – продолжал свой рассказ Акела, прохаживаясь перед воспитанниками. – Идеально нанести удар в тот момент, пока он поднимает свой меч. Для этого вы должны занять позицию суйгэцу, иначе – «луна в воде».

Тренер обвел всех взглядом. Мальчишеские лица были сосредоточенными и внимательными, никто не шевелился и не издавал ни звука – настолько ребята погрузились в атмосферу рассказа.

– Так вот, – продолжил Акела. – Суйгэцу определяет расстояние между вами и противником – такое, чтобы его меч не мог коснуться вас. Суйгэцу – это искусство незаметно и неожиданно сближаться с противником. Ведь отражение луны в воде ведет себя так же. Для успешного исхода поединка вам нужно успеть оценить это расстояние заранее.

Он остановился перед стойкой и взял в руки длинный меч.

– Школа меча Синкагэ содержит три элемента и пять основных пунктов начальной стойки. Элементы – это стойка, руки и ноги и меч. На элементах же я остановлюсь подробнее. – Он взял меч двумя руками и встал боком к ученикам. – Запоминайте – свое тело нужно держать боком к противнику. Руки его должны быть на уровне ваших плеч. Кисти рук используются в качестве щита. Правый локоть нужно чуть выдвинуть вперед, вот так, – Акела продемонстрировал прием. – И последнее – вес тела переносится на переднее колено, на опорную ногу, а заднее колено выпрямляется. Таким образом, мы имеем начальную стойку, иначе именуемую «колесо». Она не предназначена для нанесения удара, скорее для отражения. Именно поэтому мы рассматриваем ее в самом начале. Все хорошо запомнили? – Он обвел учеников внимательным взглядом. – Теперь рассмотрим наш учебный инструмент. Шинай – это имитация меча. Он годен для обучения, но не для реального боя. – В свободной руке Акелы оказался один из укрепленных в стойке мечей. – Видите? Шинай безопасен в применении, чего, разумеется, не скажешь о боевом мече. В трактате «Кэндо Рон» сказано: «Во время поединка мы должны руководствоваться мыслью, что в руках у нас боевой меч. Никогда не ставь шинай ниже боевого меча», – процитировал он. – Это относится к вашим разговорам о том, что якобы махать палкой проще, чем мечом. Научитесь уважать любое оружие. Теперь подойдите к стойке и возьмите шинай, будем отрабатывать «колесо».

Убрав в ножны свой меч, Акела ходил между учениками, поправлял, подсказывал. Ребята работали сосредоточенно и серьезно, никаких шуток, смешков или улыбок. Даже необходимость подолгу повторять одно и то же не вызывала ни у кого протестов.

– Чтобы овладеть искусством боя на мечах, нужно уделять много внимания именно правильной стойке, – говорил Акела, поправляя руку вихрастого Вити, отставленную слишком сильно в сторону. – Без этого мы не сможем двигаться дальше. И есть еще одно правило, которое должно неукоснительно соблюдаться – меч и ум должны составлять единое целое, одной техники недостаточно, как и одного духа.

Заметив, что один из ребят размахивается шинаем из-за головы, Акела, приблизившись, дождался, пока он со всей силы ударит по полу

и ломает учебное оружие, подобрал обломки и, усмехнувшись, сказал:

– И на этот случай есть прекрасная цитата из «Кэндо Рю» – «Одна сила недостойна внимания, ибо подведет того, кто уповает на нее». По-русски это звучит примерно как «сила есть, ума не надо». Отожмись сто раз, – бросил он виновнику, и парень безропотно опустил на пол и начал отжиматься от пола.

Акела тотчас же потерял интерес к происходящему: он прекрасно знал, что наказанный не сделает ни на одно упражнение меньше – это было просто не заведено, все строилось на доверии.

Занятия продолжались еще около часа, и Акела остался доволен тем, как быстро и с удовольствием его мальчишки учатся принимать правильную стойку. Он вкладывал душу в свою работу и всегда радовался, когда ученики достигали успехов. Но сегодня к обычной радости примешивалось какое-то неприятное чувство, мешавшее ему уже на протяжении нескольких недель. Что-то шло не так...

Ольга

Паршинцева чувствовала себя разбитой и уставшей. Вот уже несколько дней она практически не отдыхала – конец года, на кафедре подводили итоги за первый семестр, плюс к этому Ольга постоянно просматривала купленные диски, отчего в голове регулярно возникали батальные сцены с участием самураев. «Еще чуть-чуть – и я сойду с ума, – с жалостью к себе и в то же время как-то отстраненно думала Ольга, видя в зеркале свое потемневшее лицо и провалившиеся глаза. – Может, прав был Карепанов? Ну, на фиг мне это? Что я – следователь, опер? Нет. Адвокат чей-то? Чей? А-а, короче! Надо заканчивать с этим пинкертономством, в самом деле».

Но решить было значительно легче, чем сделать. Паршинцева в душе была одержима желанием докопаться до истины и доказать высокомерному Карепанову свою правоту. А в том, что она права, Ольга почти не сомневалась. Просмотр учебных фильмов по боевым искусствам только утвердил ее во мнении, а взятая в библиотеке книга о принципах самурайского кодекса лишний раз убедила в том, что подозрения Ольги верны. Чтобы хладнокровно отрубить голову человеку, да еще и не одному, а нескольким, нужна большая сила духа и абсолютное презрение к смерти, а этим как раз и должен отличаться человек, вставший на путь японского воина.

«Господи, сколько же в мире придурков, – потирая переносицу и пытаясь сосредоточиться на заполнении дневника практических навыков, думала Ольга. – Не живется людям спокойно, постоянно острых ощущений хочется».

Ей самой острых ощущений не хотелось, да и времени на них тоже не было. Пару раз позвонила Анжела, предложила встретиться, но Ольга вынуждена была отказаться – дежурила. В голосе одноклассницы послышались нотки недовольства, но Паршинцева не обратила на них внимания – особой дружбы и взаимной привязанности между ними и в школьные годы не существовало, а уж после стольких лет...

Та встреча в кафе убедила ее, что от Анжелы вообще лучше держаться подальше. Не стесняясь в выражениях, она легко и как-то буднично рассказывала, что живет с богатым типом, неприятным внешне, зато очень денежным и щедрым во всем, что касается ее.

– И тебе не противно? – брезгливо сморщилась Ольга, представляя, чем именно рассчитывается за подобную щедрость Анжела.

Та только пожала плечами:

– Противно. Но оно того стоит.

– Не понимаю, – вздохнула Паршинцева, отпивая кофе. – Зачем тебе это, а?

– Ой, Оля, вот только не исполняй мне тут моралистку! – скривилась одноклассница, доставая из сумочки узкую пачку сигарет. – Ты еще скажи – надо работать, приносить пользу обществу – чтоб уж совсем в духе соцреализма! А я не хочу, понимаешь, не хочу ишачить на дядю за копейки! Я хочу достойно и красиво пожить, пока молодая и привлекательная, пока у меня есть возможность использовать все это, – тут она довольно бесстыдно выпятила вперед грудь, обтянутую тонкой блузкой, – чтобы получить все, что я хочу.

– Да? И чего же ты хочешь? – поинтересовалась равнодушно Ольга, которую уже немного тошнило от Анжелкиной искривленной морали.

– Денег, – спокойно ответила она. – Денег – много, чтобы хватило надолго.

– Откладываешь на старость?

– Да, – не смутилась Анжела, картинно выпуская дым. – Открыла счет в банке, туда и складываю.

Ольга смотрела на нее во все глаза и поражалась произошедшим в девушке переменам. В школе Анжелка не была такой расчетливой и зубастой щучкой... И ей вдруг отчего-то стало даже жаль ее – такая красивая, видная девчонка, а продает себя, как последняя путанка.

– Что, Олечка, жалеешь меня? – словно прочитав ее мысли, проговорила Анжела с легким смешком. – А ты не жалеи, не надо. У меня все отлично.

– Сама-то веришь?

– А то ж! – девушка вздернула подбородок, но в глазах Ольга успела заметить что-то, убедившее ее в обратном...

Больше они не встречались, только по телефону пару раз разговаривали.

Сегодняшний вечер Ольга провела в любимой позе – на своем диване, с тарелкой печенья и большой кружкой молока она просматривала очередной фильм. Мама несколько раз заходила в комнату, качала головой, видя, что дочь поглощена зрелищем и ничего вокруг не замечает, только рука движется туда-сюда от тарелки с печеньем ко рту.

– Ольга! – не выдержала Наталья Ивановна. – Ты умяла килограмм печенья! Не его жалко – тебя! Поужинай наконец нормально, оторвись от своих ужасов!

– Это не ужасы, мам, – пробормотала дочь, не отрывая взгляда от экрана, где в этот момент невысокий человек с выбритой головой, на которой оставалась только длиннющая коса на самом темени, размахивал двумя мечами и что-то гортанно выкрикивал. – Это кэндзюцу.

– Кин – что? – удивилась Наталья Ивановна, присаживаясь на край дивана.

– Кэндзюцу, мам. Это такое боевое искусство. А есть еще кэндо, практически запретная техника, ее применяют крайне редко, в основном для воспитания духа настоящего самурая. Понимаешь – «дзюцу» означает «искусство», а «до» – путь, и упор делается именно на духовное воспитание.

– Оленька, ты помешалась, – мама покачала головой и с тревогой взглянула в озабоченное чем-то лицо дочери. – Ты никогда прежде

столько времени не проводила у экрана...

– Мне не дает покоя одна вещь... – Ольга выключила телевизор и откинула плед, опуская ноги на пол. – Три трупа – и у всех совершенно одинаковый механизм повреждений. Понимаешь? Совершенно одинаковый – голова отсечена с одного удара, а такое возможно только при очень хорошей подготовке и только специальным орудием.

– Почему непременно специальным? – Наталья Ивановна ногой подвинула дочери тапки. – Ведь раньше казнили, отрубая головы топором – разве это не может быть топор?

Паршинцева взлохматила волосы, сунула ноги в тапки и помотала головой:

– Нет, мам. Топором все равно нельзя отсечь сразу – будет пробная насечка, как бы метка, куда нужно ударить второй раз. А тут и линия среза такая странная – снизу вверх спереди назад, так топором при всем желании не ударишь.

Наталья Ивановна поморщилась, представив, с какими кошмарами приходится сталкиваться ее девочке каждый день. Немудрено, что она так плохо выглядит, мало спит и вообще какая-то стала замкнутая.

Ольга не сказала матери еще одного – того, что недавно ни с того ни с сего вдруг записалась на курсы японского.

Зачем ей потребовалось изучение такого сложного языка, Ольга не понимала, но какая-то внутренняя сила толкала ее к зданию университета, где располагался лингвистический центр. Пройдя собеседование, она выслушала раздраженное замечание пожилой преподавательницы о том, что занятия идут уже несколько месяцев и создавать новую группу они не планировали, а значит, новоявленному полиглоту придется многое наверстывать самостоятельно.

– Я, разумеется, могу оказать вам помощь, – преподавательница выразительно посмотрела на девушку, и у Ольги не осталось выбора, кроме как кивнуть и согласиться заниматься еще и дополнительно за отдельную плату.

«На черта мне это все надо? – раздраженно подумала она, выходя из кабинета. – И теперь еще дополнительно заниматься, и оплачивать дополнительно... Где деньги-то брать? Придется просить Нарбуса, чтобы ставил меня на дежурства в морг, иначе я просто не вытяну».

...Она сразу заметила эту молодую женщину в группе из семи человек – Александра оказалась самой старательной и успешной, ей легче остальных давался непростой японский, и преподаватель часто хвалила ее, отчего глаза девушки теплели, а их жесткий взгляд смягчался. Лицо ее показалось Паршинцевой знакомым, но она никак не могла вспомнить, где и когда могла его видеть.

Александру нельзя было назвать красавицей в том смысле, какой обычно вкладывается в это слово, однако Ольге понравилось ее открытое лицо и глубокие темные глаза. Возможно, черный цвет кудрявых волос, стянутых безжалостно в тугий пучок, слегка старил ее, но не настолько, чтобы сделать внешность отталкивающей. И вообще – она была миниатюрная, статуэтчная какая-то, к тому же едва заметно прихрамывала на правую ногу, и все это вызывало у Ольги странное и необъяснимое желание защитить девушку, как защищала бы она свою младшую сестренку. Все это подталкивало Ольгу к знакомству, но Александра не реагировала ни на что вокруг, поглощенная только иероглифами.

Ольга устроилась так, чтобы сидеть впереди Александры, и все время старалась обратить внимание девушки на себя, но та никак не поддавалась и, казалось, вообще не замечала присутствия новой ученицы. После занятий она покидала кабинет первой, и ни разу Ольге не удалось ее догнать и даже заметить, в какую сторону от университета она уходит. Причина была в том, что Паршинцевой постоянно приходилось задерживаться и переспрашивать у Марии Васильевны, той самой недовольной преподавательницы, непонятное.

– Я предупреждала вас, Паршинцева, что вам будет довольно сложно – японский язык все-таки не английский. Хотя выучиться говорить на нем значительно проще, чем писать и читать. С разговорным проблем не возникнет – ну, не должно, во всяком случае – а вот с чтением...

Ольга расстраивалась – именно ради чтения она и пришла на курсы, хотела изучать интересующую ее тему по первоисточникам, а не по переводным изданиям.

– Знаете что, – изрекла однажды Мария Васильевна, сунув в рот дужку модных очков в розовой оправе. – А вы попробуйте, Паршинцева, поговорить с Сашенькой Сайгачевой.

– С кем? – удивилась Ольга.

– Ну, с нашей Сашенькой, Александрой Ефимовной. Ее супруг – известный специалист по японской культуре. Он занимается изучением восточных боевых техник, прекрасно владеет языком и довольно часто бывает в Японии. Возможно, он не откажется позаниматься с вами, раз уж вам это так важно.

И вот тут все встало на место – конечно, это имя и это лицо она знала хорошо, – Александра Ефимовна Гельман-Сайгачева преподавала на кафедре нормальной анатомии того самого института, который закончила Ольга. Правда, учиться у нее Паршинцевой не довелось – в то время Александра как раз не работала, но потом вернулась и даже сидела в комиссии на госэкзаменах. Просто Ольга никак не ожидала встретить ее в таком месте, а потому не сразу узнала.

– Если так пойдет и дальше, я тихо спячу, – заявил Нарбус, закрывая чемоданчик.

Ольга молчала, хотя ей тоже выезды на совершенно одинаковые трупы уже порядком осточертели. Очередной бомж с отсеченной головой на городской свалке... Кругом зловоние и смрад от разлагающихся гор мусора, снуют огромные собаки, истошно каркают полчища ворон... Рядом с милицейским «уазиком» трутся пятеро таких же бедолаг, как тот, что лежит сейчас в черном полиэтиленовом мешке. С той лишь разницей, что эти пятеро сегодня вечером выпьют свою дневную дозу «технаря», а Червончик – так звали бомжа при жизни – уже нет.

– Но вы точно уверены, что это он? Ничего не путаете? – донимал бомжей Карепанов, пытавшийся получить от них хоть какие-то сведения.

– Начальник, дык чего тут путать... – сиплым голосом проговорил старший из этой пятерки. – Вона и синьки его... и «ИК-10» на запястье – за то его Червончиком-то и звали, да еще за то, что чалился ровно червонец... Не, начальник, тут ошибки... эта... не может быть... – Сиплоголосый шмыгнул носом и поежился. – Вот же смерть какую принял... не приведи господь...

– Вот и будьте аккуратнее, – буркнул Карепанов, записывая что-то в блокнот. – А вообще никого странного не видали тут? Ну, посторонних каких?

Бомжи переглянулись и дружно затрясли головами:

– Не, начальник... не было никого... никого не видали... – разноголосно забормотали они.

Карепанов морщился от зловония окружающего пейзажа и от весьма своеобразного амбре, исходившего от допрашиваемых. Больше всего он мечтал сейчас оказаться в собственной ванне, смыть с себя эту вонь, которой, как ему казалось, он насквозь пропитался за это время. Это все уже походило на демонстрацию, на издевку – трупы бомжей обнаруживались с регулярностью, а никаких зацепок не было, никаких следов, кроме почерка убийцы – четкого идеального края раны и пропавшей головы...

«Черт бы побрал этого идиота... Когда уже в нашей стране всех сумасшедших будут надежно изолировать? – думал Карепанов, записывая показания бомжей. – Ведь тут явно какой-то безумец орудует – ну на фиг кому-то нормальному отсеченные головы? И почему все-таки бомжи?»

– Возможно, он проверяет остроту меча, – раздался рядом голос Ольги Паршинцевой, и Карепанов понял, что последнюю фразу произнес вслух. – Вы же помните, я рассказывала о том, что среди самураев принято было убивать неприкасаемых-эта для тренировки или проверки остроты оружия... Это не преследовалось уголовно...

– Мы не в средневековой Японии, мать твою, – пробормотал Карепанов. – И у нас убийство бомжа – такое же преступление, как убийство инженера, врача или водителя такси!

– Наш самурай живет по своим законам, ему безразлично нынешнее государственное устройство... – не уступала девушка, чем привела оперативника в ярость.

– Паршинцева, ты рехнулась?! – взревел тот. – Думай, что говоришь!

– А я и думаю... вы посудите сами – он ведет себя именно так, как должен вести самурай с традициями!

– Так, все, все! Хватит, я тебе сказал! – замахал руками оперативник. – Я уже слышать не могу о твоих самураях, традициях и япониях! Займись своим непосредственным делом, Паршинцева, и оставь меня в покое!

Ольга пожала плечами и направилась в «уазик» судебно-медицинского бюро.

«Зачем же ты, дружок, на веках татуировки-то сделал? Чем мне теперь их замазывать, не подскажешь? Весь вид испортил, дурачок... Ну, ладно, запудрим как-нибудь. А вот волосы придется сбривать наголо... Жаль, конечно, с волосами как-то солиднее, но уж больно неохота мне отмывать твою вековую грязь. Ничего, будет один лысый – для разнообразия...»

– Пойдите, пожалуйста, Александра Ефимовна, – сразу после окончания занятий Ольга вскочила из-за стола и перегородила дорогу девушке, не давая ей возможности ускользнуть, как обычно.

– Что? – нетерпеливо спросила та, демонстрируя желание поскорее покинуть кабинет.

– Я... мне... словом, Мария Васильевна сказала мне, что ваш муж может помочь мне в изучении иероглифов...

– Саша? – как-то растерянно переспросила Александра. – Не знаю, вряд ли...

– Я прошу вас – мне это очень важно... – умоляюще сложила руки под подбородком Паршинцева, и та улыбнулась:

– Да зачем вам это?

– Я не могу объяснить, но поверьте – это очень важно. Александра Ефимовна, пожалуйста, поговорите с вашим мужем, а?

– Я не знаю... у него очень мало свободного времени... у него ученики... и вообще... – темные глаза изучали лицо собеседницы. – Вы ведь Паршинцева, у Нарбуса работаете на судебке?

– Да, меня Ольгой зовут. Александра Ефимовна, если дело в оплате – то никаких проблем! – браво заявила Ольга, словно ей вообще не составляло труда оплатить любые услуги со своей стипендии и довольно скромной зарплаты.

– Нет, дело не в этом... – смутилась Александра. – Я спрошу у Саши, но ничего не обещаю. Если не выйдет – не обижайтесь, Ольга, хорошо? И еще – обращайтесь ко мне просто по имени, вы ведь уже не студентка, договорились?

– Конечно-конечно, о чем вы, никаких обид! И спасибо за переход на имена, – поспешно заверила Ольга, но в душе ей очень хотелось, чтобы этот неприступный и загадочный Саша согласился заниматься с ней.

Ответ Александра дала через три дня на следующем занятии.

– Вы могли бы прийти к нам домой в субботу вечером? Я дам адрес и телефон. Саша хотел лично с вами побеседовать, прежде чем согласиться или отказаться.

– Ой, Сашенька, вы даже не представляете, как меня обрадовали! – искренне сказала Ольга, но девушка только покачала головой.

– Погодите радоваться, Ольга. Мой муж очень сложный человек, и вполне возможно, что он вам откажет.

Но Паршинцева, окрыленная возможностью изучать язык при помощи человека, владеющего боевыми искусствами, пропустила это мимо ушей. Она была практически уверена в положительном исходе встречи.

Ровно в восемь часов вечера в субботу Ольга Паршинцева стояла у двери квартиры Сайгачевых. Она вдруг поймала себя на том, что волнуется, даже ладони стали влажными. Она надавила на кнопку звонка, но мелодии не расслышала, дверь почти мгновенно распахнулась – на пороге стояла Александра в розовом кимоно и с высокой прической, скрепленной деревянными шпильками.

– Входите, Ольга. Саша ждет вас.

Она приняла у Паршинцевой куртку, убрала в шкаф и пригласила девушку в комнату. Ольга на секунды замешкалась, оглядывая огромные стеллажи с книгами, занимавшие все стены коридора, отметила также необычное убранство квартиры – совсем не традиционное, скорее экзотическое. В комнате, куда ее провела Александра, на низкой тахте перед черным деревянным столом, подвернув под себя ноги, сидел огромный мужчина с обожженным лицом и черным кружком-повязкой, скрывавшей отсутствие левого глаза. Одет он был тоже не совсем традиционно в понятии Ольги – в черное шелковое кимоно и свободные черные же штаны. На гладко выбритой голове, на самой макушке, Ольга с удивлением увидела длинную тонкую косу, доходившую своему владельцу до пояса – конец ее свободно свисал как раз на уровне талии. Его лицо было хмурым и озабоченным, даже неприветливым. Однако когда Паршинцева поздоровалась и представилась, мужчина слегка улыбнулся и предложил присаживаться, назвав и свое имя тоже. Ольга неловко опустилась на вторую тахту, и рядом немедленно оказалась Александра с подносом, на котором стояли белые высокие чашки без рисунка и белый же керамический чайник.

– Спасибо, Аленька... дальше мы сами, иди к Соне, – негромко проговорил мужчина, и Александра отступила за дверь-ширму, задвинула ее за собой, оставив их наедине.

Ольге показалось странным такое поведение молодой женщины, да и поведение ее мужа тоже. Но она сочла за благо промолчать – зачем лезть в чужую семью со своим уставом?

Учитель налил чай в обе чашки, взял свою, повертел в пальцах, вдохнул аромат и поставил обратно, упер руки в бедра и спросил, глядя на Паршинцеву в упор:

– Так вы, стало быть, желаете научиться понимать и читать иероглифы? А позвольте узнать – зачем вам это?

Ольга решила не юлить и не вилять, а рассказать все честно, чтобы позже вдруг чего не вышло, однако потом поняла, что говорить правду не имеет права – это уголовно наказуемое должностное преступление как-никак...

– Знаете, я увлеклась недавно самурайскими традициями и обнаружила, что существует очень мало достойных книг по этому вопросу... ну, в смысле – переводных мало. И мне захотелось научиться читать на языке оригинала, понимаете?

Он внимательно разглядывал сидящую перед ним девушку. Что-то в ее словах убедило мастера, что Паршинцева все-таки сказала не всю правду и японский язык ей нужен еще для чего-то, и Ольга почувствовала исходившее от его мощной фигуры недоверие.

– Хорошо... я помогу вам, но у меня одно условие: все, что я требую, вы исполняете беспрекословно – иначе расстанемся, – жестко подытожил он. – Я требую внимания и усердия от своих учеников, и вы не исключение, Ольга. Если согласны – можем приступить хоть сейчас.

– Да-да, конечно, – выпалила Паршинцева. – Только... вы ничего не сказали об оплате...

Мастер усмехнулся:

– А оплата будет зависеть от ваших успехов. Если будете стараться и двигаться вперед, то я не возьму с вас ни копейки. Но если мне придется повторять по нескольку раз – то не обессудьте, это будет стоить дорого. Такое у меня правило.

Озадаченная Паршинцева кивнула и потянулась за своей сумкой, в которой лежала тетрадь.

Визиты в дом Сайгачевых напоминали Ольге погружение в какой-то иной мир, в мир, где все совершенно не так, как принято. Там живут по старинным традициям, когда жена не смеет в присутствии мужа повысить голос, вообще как-то обозначить свое присутствие в доме. Насколько успела заметить Ольга, Александру такое положение вещей не удручало и не тяготило. Она выполняла свои обязанности с легкой улыбкой, и в глазах сурового на вид Александра Михайловича тоже мелькало что-то похожее на радость от того, что эта миниатюрная женщина разделяет его привычки. Шестилетняя кудрявая Сонечка прониклась к Ольге дружескими чувствами и радостно встречала ее у дверей, когда Ольга приходила на занятия. Соня довольно бегло говорила по-японски, и иногда отец позволял ей присоединиться и послушать, о чем они говорят с Ольгой. Девочка садилась на тахту, аккуратно расправляла на коленях домашнее платье и замирала, становясь похожей на маленькую куколку. Ольга удивлялась, насколько терпеливой может быть непоседливая и живая Сонечка и какими влюбленными глазами она смотрит на мощную фигуру отца, на его обожженное лицо. «Интересно, он был таким до ее рождения или что-то случилось уже после? – думала Паршинцева. – Как только ребенок не боится? Я когда впервые вошла, так едва крик удержала...»

Как учитель Александр Михайлович оказался требовательным, и Ольге приходилось готовиться к каждому визиту с особым прилежанием, чтобы не опозориться перед достаточно занятым человеком, который уделяет ей время. Дело двигалось на удивление легко: то ли Сайгачев оказался таким хорошим учителем, то ли Паршинцева способной к изучению языка, – и уже через неделю Ольга самостоятельно смогла прочитать первые иероглифы. Для начала он дал ей книгу, в которой были собраны старинные танка, и велел читать каждый вечер одно-два, чтобы не только практиковаться в разборе непонятных слов, но и заодно приобщиться к культуре.

– Вы заигрались, Паршинцева, – сказал ей однажды Нарбус, когда после очередного вскрытия Ольга, моя руки, вдруг забубнила что-то на непонятном языке. – Так и не избавились от мысли, что убийца непременно связан со школами единоборств и владеет мечом не хуже самурая?

Ольга только плечами пожала – ей не хотелось обсуждать эту тему ни с кем, в ней вдруг проснулся азарт самой докопаться до истины.

Отношения с Сашей Сайгачевой тоже изменились. Девушки прониклись друг к другу симпатией и доверием. Теперь они часто вместе выходили после занятий, вдвоем шли к автобусной остановке, разговаривали, практикуясь в японском. Ольга никак не решалась заговорить с Сашей о том, что очень ее интересовало, – о странном укладе жизни в их доме. Но однажды случай все-таки представился.

Занятия закончились на час раньше, преподавательница торопилась куда-то, а потому, извинившись, отпустила курсантов. Одеваясь в гардеробе, Александра довольно улыбнулась и сказала:

– Вот и хорошо, что так получилось, а то я не успела в магазин, и на ужин нет рыбы, как раз сейчас заскочу и успею приготовить.

– Рыбы? – удивилась Ольга, застегивая свою неизменную «аляску». – Сегодня не четверг вроде.

– При чем тут четверг? – не сразу поняла Саша, а потом рассмеялась: – А-а, вон ты о чем – о ресторанах? Нет, просто Сашка любит рыбу, а мяса практически не ест. Вот я и стараюсь готовить ее каждый день.

– Слушай, Саш... – решила Паршинцева. – А скажи... у вас что – всегда так в доме заведено? Ну, в смысле, если кто пришел – ты чай подала и вон из комнаты?

– Да, – спокойно отозвалась Саша, отсчитывая мелочь на билет и убирая кошелек в сумку. – А что?

– Ну как – что? Не обидно? Дискриминация какая-то. И Соню к этому приучили – я же вижу, как ей хочется вместе со всеми посидеть.

Александра удивленно смотрела на нее, и было видно, что она искренне не понимает того, о чем спрашивает Ольга. Для нее образ жизни мужа уже давно стал привычным и обыденным, а соблюдение ритуалов таким же рядовым делом, как утреннее умывание.

– Я бы так не смогла, – продолжала Паршинцева, выходя вслед за приятельницей из здания университета. – Как-то не по-людски...

– А по-людски жить с алкоголиком? Или с человеком, который тебя бьет? – тихо поинтересовалась Саша, глядя под ноги, и Ольга приостановилась:

– В смысле?

– А вот в прямом смысле – если женщина живет с алкоголиком, то это нормально. Если он ее бьет, деньги пропивает, унижает всячески – нормально. Если женщина не чувствует в муже опоры, все на себе

тацит – тоже нормально. А если из комнаты выходит, когда к мужу кто-то пришел, – то это как-то не так?

– Нет, ты не путай... – попробовала объяснить Ольга, но Александра неожиданно перестала быть тихой и словно сбросила какую-то маску, которую носила все это время:

– Это ты не путай! Что ты все вынюхиваешь у нас в доме? Все высматриваешь, приглядываешься, оцениваешь? Не устраивает тебя что-то! Так это не мы тебя позвали – ты сама пришла! Не нравится – не держим! – С этими словами Александра развернулась и побежала в сторону остановки, а Паршинцева так и осталась стоять посреди запорошенной снегом аллеики, ведущей от крыльца университета к центральной улице.

В чем причина такой вспышки у обычно ровной, спокойной и уравновешенной Саши, Ольга так и не смогла понять, однако сделала отметку о том, что разговаривать с ней на темы, касающиеся ее семьи и уклада жизни, больше не станет. В конце концов, ей-то какое дело до того, как в этом доме быт устроен?

Огорченная ссорой, Ольга уныло побрела в большой книжный магазин. Это место оказалось притягательным, книжные полки успокаивали, и девушка, чуть расслабившись, бродила между стеллажей, изучая названия и авторов. Незаметно для себя Ольга оказалась в небольшом закутке, где стояли книги на японском языке и переводные издания. Тут она слегка оживилась, забросила ремень сумки на плечо и принялась с увлечением перелистывать страницы вынутаго наугад альбома с красочными изображениями самурайских баталий.

– Вы это купить хотите или картинки смотрите? – раздалось у нее за спиной в тот момент, когда Ольга восхищенно застыла над фотографией, изображавшей пару старинных мечей в черных ножнах – именно такие мечи она видела в доме Сайгачевых.

От неожиданности Ольга вздрогнула и едва не выронила тяжелую книгу, но стоявший рядом мужчина поддержал ее руки:

– Осторожно. Я вас, кажется, испугал.

– Нет.

– Так как – картинка нравятся?

Ольга вдруг почувствовала враждебность – ну, что мужчины за люди, почему они считают женщин не способными всерьез чем-то

интересоваться, если это не косметика, не тряпки и не глянцевого журналы? Она смерила мужчину взглядом и снисходительно проговорила:

– А еще я умею буквы в слова складывать. Правда, я способная?

Незнакомец сперва опешил, а потом рассмеялся, чуть откинув назад светловолосую голову:

– Простите, я вас не испугал, а, кажется, обидел. Ей-богу, не хотел! Но согласитесь – это редкое зрелище, чтобы девушка с таким выражением лица рассматривала не модный журнал, а фотографию старинных дайсе.

– Разные девушки бывают, – буркнула Ольга.

– Кстати, если вы всерьез, могу порекомендовать нескольких авторов, неплохо пишущих об оружии.

– С удовольствием послушаю.

Ольга сунула книгу на место и, поправив съехавший ремень сумки, вопросительно посмотрела на мужчину.

– Меня зовут Михаил, – представился тот, и девушка назвала свое имя. – Прекрасно. Ну что ж, добро пожаловать в прекрасный мир японского самурайского меча, Оля.

Никогда в жизни Паршинцева с таким интересом не слушала мужчину. Михаил то и дело выхватывал с полки очередную книгу и сопровождал свой рассказ иллюстрациями, от возбуждения его щеки пошли пятнами, а на лбу даже появилась испарина. «Ты смотри – фанатик прямо!» – с удивлением отметила про себя девушка, двигаясь за собеседником по отделу. Михаил, казалось, знал об оружии все. И, судя по всему, говорить о нем мог часами, не следя за стрелками. Так они договорились до закрытия магазина, и уже на крыльце Михаил словно опомнился:

– Ой, боже мой, Оля, я вас совершенно заболтал... Редко встретишь такого благодарного слушателя, как вы.

Ольга пожала плечами:

– Я вас не из вежливости слушала, мне на самом деле интересно.

– Да? – обрадовался он, натягивая на голову смешную шапку-пирожок и застегивая коричневую дубленку. – Так, может, мы продолжим? Тут недалеко кафе...

«А почему нет?» – подумала Ольга и согласилась.

Акела

Впервые он поймал себя на том, что ему тяжело идти в клуб. Дело было даже не в том, то он уставал от непрерывно галдящих мальчишек, задающих ему кучу вопросов, а в том, что он не находил душевного покоя и равновесия в работе, как раньше. Все раздражало...

Еще очень тревожила эта молодая женщина, Ольга, что пришла к нему заниматься японским языком. В то, что ей просто хочется научиться понимать иероглифы, Акела не поверил. В глазах Паршинцевой он разглядел какое-то скрытое любопытство, настороженность даже. Думая, что он не видит этого, девушка исподтишка рассматривала комнату и коллекцию оружия. Заметил Акела также и то, как ее взгляд то и дело скользит по катана-какэ, специальных подставках, на которых укреплены мечи, как иногда, забывшись, Ольга впивается глазами в его, Акелы, лицо. Это нервировало и раздражало, но девчонка оказалась неплохой ученицей, схватывала буквально на лету, и он не мог найти повода отказать ей в занятиях. Кроме того, это Аля просила его помочь Ольге. Нарушить данное жене обещание он не мог – это было не в его правилах. Поэтому, когда однажды Ольга попросила разрешения присутствовать на тренировке, Акела не отказал, но ощутил почему-то нервозность.

«Что ей нужно от меня? – раздраженно думал он, готовясь к очередному визиту Паршинцевой. – Такое впечатление, что она меня в чем-то подозревает, хочет уличить. Интересно, она мне правду сказала про свое место работы? Надо будет узнать у Али».

Решив так, он постарался выкинуть из головы все неприятные ощущения, связанные с Ольгой Паршинцевой, но тревожное чувство так и не оставило его.

Назавтра Ольга пришла в клуб точно к назначенному времени, и Акела одобрительно кивнул, указывая ей на стул у стены. Проводя обязательную и традиционную перед тренировкой беседу, он начал с дозволяемых в кэндо ударов.

– Мы имеем два варианта удара – рубящие и колющие, – Он, как обычно, прохаживался перед шеренгой сидящих на пятках воспитанников, заложив большие пальцы рук за пояс кимоно. – Рубящие мы можем наносить в определенные места, например по макушке, по левой или правой части головы – но никогда по лбу, затем по правому запястью в любой момент, а по левому – только если рука поднята для замаха мечом. В соревнованиях за удар в левую половину

туловища не присуждаются очки, имейте это в виду. Бить в левую половину недостойно, ибо такой удар способен вызвать сердечный приступ. Это правило не нарушалось самураями и в поединке. Зато в бою ученики школы Синкагэ-рю специально повреждали противнику большой палец руки, что лишало его возможности держать оружие. Либо, как вариант, меч подрезал коленное сухожилие, что обездвиживало противника.

В глазах ребят Акела читал целую гамму эмоций – от ужаса до восхищения. Те же эмоции, похоже, испытывала и Ольга, напряженно вытянувшаяся на стуле и, казалось, даже боявшаяся дышать. Он специально перед началом тренировки рассказывал что-нибудь – хотел, чтобы его ученики не просто механически запоминали приемы и движения, но еще и думали, что и зачем делают, чтобы приобщались к традициям и философии. Ни разу никто из мальчишек не задал вопроса «а зачем мне это знать», напротив – они готовы были слушать тренера еще и еще, потому что он обладал талантом рассказчика и умел заинтересовать тем, что интересно ему самому.

Но в последнее время Акела стал ловить себя на том, что ему трудно общаться, что только Аля, чуткая и чувствительная, не раздражает его, потому что старается не попадаться на глаза. Да еще дочь. Зато каждый вопрос, заданный учениками, каждое слово, произнесенное во время тренировки, да даже просто гомон людей на улице или в магазине – все это выводит из себя, бьет по нервам. И без того не улыбочивый Акела становился все мрачнее с каждым днем.

После тренировки Ольга дождалась его и, почему-то краснея, поблагодарила за разрешение посидеть и посмотреть.

– Вам было понятно? – спросил Акела, и она смущенно улыбнулась:

– Далеко не все, если честно. Но в общих чертах... и безумно интересно.

– Если хотите, приходите еще раз, – неожиданно для себя предложил он и, развернувшись, быстро пошел к выходу.

Ольга

– Ты даже представить себе не можешь, мама, сколько в этом доме оружия! – возбужденно говорила Ольга, сидя вместе с Натальей Ивановной за накрытым к ужину столом. – Есть такое, что я даже названий никогда не слышала. А мечи... Мама, какие у него мечи – это

же просто сказка! Мама, а как он интересно рассказывает... я была на тренировке сегодня – это что-то...

– Ольга! Остывает все, сколько же можно восторгаться! – Наталья Ивановна попыталась образумить увлекшуюся, как обычно, дочь, но безрезультатно – Ольга по-прежнему не обращала внимания на лежащие перед ней в тарелке голубцы с картошкой, а все говорила и говорила.

– Есть настолько древние вещи, что даже подумать страшно! Их держали в руках настоящие самураи, да не просто держали – воевали ими, убивали, представляешь?!

– Ужас какой, – пробормотала мать, пытаясь подсунуть дочери вилку.

– Да нет, ты что! Это же только поднимает ценность оружия! – с жаром возразила Ольга, не замечая заботливо вложенной в ее руку вилки. – То, что продают в наших сувенирных магазинах, оказывается, грубая и дешевая подделка, там даже сталь не настоящая! Это не мечи, это просто бутафория.

– Оленька, тебе не кажется, что ты немножко потеряла голову, а? – осторожно спросила Наталья Ивановна. – Ведь ты совершенно забросила все, у тебя в голове только эти мечи, самураи и непонятные слова на странном языке!

Ольга недоуменно уставилась на мать. Никогда прежде она не выказывала недовольства, чем бы ни занималась ее любимая дочь – будь то больные собаки, которых она в детстве притаскивала со всех окрестных помоек, марки, значки или модели самолетов, которые они склеивали вместе с отцом из множества маленьких пластмассовых деталек. Странное, конечно, увлечение для девочки, но они часами просиживали за столом в кухне и с азартом спорили, если та или иная деталь не желала становиться на свое место. Этими самолетами была заставлена целая полка в комнате Ольги – как память об отце.

– Мама, ты просто не понимаешь... Мне очень нужно узнать все это, нужно – чтобы доказать Карепанову и Нарбусу, что я не просто играю в мисс Марпл, а что я права и убийства бомжей на самом деле совершает кто-то увлеченный самурайским кодексом!

– Оля, а твое ли это дело? – осторожно начала Наталья Ивановна, стараясь подбирать слова так, чтобы не обидеть дочь. – Ведь ты всего лишь эксперт, к тому же еще стажер...

– Да просто я чувствую, что Карепанов не там ищет! Не там! – с досадой бросила Ольга. – А я докажу!

Наталья Ивановна только вздохнула тяжело и прекратила разговор, совершенно очевидно зашедший в тупик. Ольга ни за что не свернет с намеченного пути, так учил ее отец, и только так она и поступала всю свою жизнь.

«Главное, чтобы не набила шишек и не перестала верить людям, потому что она ведь может оказаться правой на самом-то деле», – подумав так, женщина молча забрала у дочери тарелку и поставила ее в микроволновую печь – ужин остыл окончательно.

Телефонный звонок заставил Ольгу выскочить в коридор, и до Натальи Ивановны долетело:

– Да! Конечно. Я свободна. Хорошо, а где? Да?! Все, жди, скоро выйду.

– Куда?! – возмущенно спросила мать, заглядывая в комнату и наблюдая за тем, как Ольга мечется по комнате, натягивая джинсы и свитер. – А ужин?

– Мам, потом, все потом, – пробормотала дочь, на бегу застегивая куртку и чмокая Наталью Ивановну в щеку. – Меня ждут, буду поздно, ложись спать, хорошо?

Когда за дочерью захлопнулась входная дверь, Наталья Ивановна, вздохнув, щелкнула кнопкой настенного бра, выключая свет в коридоре, и вернулась в кухню. Выглянув в окно, она увидела, как дочь бежит по заснеженной дорожке по направлению к беседке, возле которой курит, облокотившись о перила, мужчина в коричневой дубленке и шапке-пирожке. Вот Ольга сбавила шаг, поравнялась с ним, и мужчина, отбросив окурок, взял ее за руку и повел в сторону остановки.

«Надо же, а мне не сказала», – с легкой обидой на скрытную дочь подумала Наталья Ивановна.

На следующем занятии Ольга первая заговорила с Александрой. Нашла ничего не значащую тему, попросила совета в выполнении домашнего задания, и переставшая злиться Саша с готовностью откликнулась, принялась объяснять и подсказывать.

– Саша, ты не сердись на меня за дурацкие вопросы, ладно? – попросила Ольга, и та, по привычке сунув карандаш в волосы, улыбнулась:

– Это ты меня извини. Сама не знаю, что случилось... Я не думаю тех вещей, что наговорила тебе, правда, не думаю. Мне нравится, что ты приходишь к нам. У меня подруг никогда не было, а с тобой как-то легко. Да и Сонька к тебе привязалась.

– Ну, мир? – по-детски проговорила Паршинцева, подставляя согнутый мизинец, и Александра со смехом зацепилась за него своим:

– Мир!

– А пойдем в кино в субботу? – предложила Ольга, но Саша вдруг довольно резко спросила:

– Можно, я позвоню тебе завтра? Не могу сейчас точно сказать...

– И Паршинцева догадалась, что Александра должна сперва спросить разрешения у мужа, но ей не хочется, чтобы она, Ольга, об этом догадалась.

«Н-да... и как так жить? Когда ни шагу ни влево, ни вправо? Я бы не смогла», – подумала она, а вслух сказала:

– Хорошо, позвони. Я вечером дежурю, но мобильный у меня всегда включен.

Александра

Не понимаю, как это вырвалось, но вот если по-хорошему, то за такое надо бы и...

«Ты любишь свои слова и ритуалы больше, чем меня!»

Он не может любить еще больше, чем сейчас, потому что, думаю, уже невозможно – больше. Когда все отдаешь человеку, всего себя, а взамен просишь – не требуешь, просишь! – самую малость. Причем малость эта совершенно выполняма, нет никакой нужды себя ломать. И я вдруг встаю на дыбы и начинаю выговаривать. Что за привычка, не понимаю...

Я думаю, мне просто элементарно нравится сознавать, что ему без меня плохо, и поэтому я так себя веду. А ведь это неправильно! Ведь Сашка меня любит... Он ради меня под пулю подставился, он меня на ноги поставил, научил заново ходить, жить... Даже из пистолета снова стрелять я из-за него стала. Все-таки папа правильно говорил – я неблагодарная и эгоистичная.

Я, если честно, сама не ожидала, что вдруг так поведу себя, что брошу в лицо мужу эту фразу, что Акела молча развернется, возьмет сумку и уйдет, чуть задержавшись на пороге и окинув меня с ног до головы тяжелым взглядом единственного глаза. В этом взгляде было

что-то такое, что заставило меня мгновенно пожалеть о своих словах и броситься вслед за мужем, но входная дверь отрезала мне путь, и я остановилась, вжавшись лицом в пахнущую кожей обшивку. Акела ушел...

Я могла стерпеть что угодно – но не вот это молчание, не этот взгляд, не широкую спину, обращенную ко мне. Сашка отлично знал, как и чем меня наказать. Знал, что никакой ор, угрозы или – не дай бог – рукоприкладство никогда не накажут меня сильнее и больнее, чем то, что он сделал сейчас. А ведь повод для ссоры был детским. Как говорит Соня – «фигулечным».

Все началось с невинного вопроса о походе в кино. Как обычно, вернувшись с занятий, я накрывала на стол, а Сашка неподвижно сидел на циновке, скрестив ноги и закрыв глаз. Рядом пристроилась Сонька с книжкой раскрасок, возила карандашом и что-то мурлыкала под нос. Нарушать расслабленное состояние мужа я не решалась, видела, как он устал, как вообще изменился в последнее время, как сделался еще более молчаливым и погруженным в себя, словно что-то точило его изнутри, какая-то ужасная тоска или проблема. Но я обещала перезвонить Ольге и дать ответ. Потому, выждав момент, когда Акела наконец немного отойдет и сядет ужинать, я осторожно поинтересовалась:

– Саш... ты не посидишь завтра днем с Соней один? Я хотела сходить в кино с Ольгой.

Акела отреагировал странно – веко правого глаза вдруг начало заметно подергиваться в нервном тике, пальцы, в которых были зажаты хаси, побелели, и одна из палочек, не выдержав нажима, сломалась. Он отбросил обломки в сторону и устремил на меня взгляд.

– Что? – смешалась я. – Я сказала что-то не то?

– Я не хочу, чтобы ты уходила из дома, когда у меня свободный день, – процедил Акела. – И ты не должна даже спрашивать о подобных вещах.

Это меня разозлило – порой мое собственное капризное и взбалмошное «я» начинало откровенно выдираться из розового кимоно и демонстрировать не жену самурая, а Сашу Гельман – отчаянную спорщицу, авантюристку и мотогонщицу, прекрасно владевшую не только мотоциклом, но и снайперской винтовкой. Муж

очень хотел, чтобы я забыла об этом, и я старалась, но в моменты, когда Акела начинал говорить со мной в таком тоне, я теряла контроль.

– Я подумала...

– Ты не подумала – и потому спросила. Если бы ты дала себе труд задуматься, то поняла бы неуместность своей просьбы.

Тон разговора совсем перестал мне нравиться. Рядом, притихнув, как мышка в норке, сидела дочь и внимательно наблюдала за нами, а ссориться при ней мы избегали. Но сейчас мой традиционный внутренний бесик весело подталкивал меня под локоть, заставляя спорить:

– Саша, а что неуместного в моем желании просто сходить в кино с приятельницей? – настаивала я, присаживаясь на пол возле низкого столика и складывая руки на коленях. – Я и так нигде не бываю, кроме института, курсов и магазинов. Разве что к папе езжу. Я ведь не прошу чего-то необычного, но поход в кино – что такого-то?

Я действительно не видела проблемы в этом – Сашка прежде не запрещал мне ничего, хотя всегда просил согласовывать свои планы с ним.

– Не оспаривай моих решений. Жена должна беспрекословно принимать любое слово мужа и не обсуждать его. – Акела даже не повысил голоса, но мне показалось, что он кричит – кричит так, что даже вены на висках надуваются от этого крика. – Почему ты молчишь, Аля? Ты не согласна?

Разумеется, я не была согласна.

– Почему? Объясни мне – почему, – с трудом выдавила я, стараясь не встречаться взглядом с мужем и не перейти на крик, которого тот совершенно не выносил, – почему я не могу жить так, как хочу и как привыкла?

– Ты сама выбрала эту жизнь, Аля. Я не навязывал тебе ни себя, ни своего образа жизни – это было твое решение, если помнишь. И я предупреждал, что по-другому не будет. Мы пробовали – по-другому, надеюсь, ты помнишь, чем закончилось. Ты могла отказаться и выйти замуж за того человека, у которого были бы иные взгляды, чем у меня. Но ты – моя жена. И будешь вести себя так, как я это понимаю.

И вот тут я и не выдержала и выкрикнула, не помня себя:

– Ты... да ты... ты любишь свои слова и ритуалы больше, чем меня! Ты говоришь это – и любишь себя, тебе кажется, что ты

настоящий самурай! Но оглянись, Саша, – разве мы в Киото пятнадцатого века?!

Муж тяжело вздохнул и жестом показал дочери на дверь. Сонька моментально испарилась.

– Живи мы в Киото в то время, которое ты упоминаешь, и за свою дерзость ты могла бы уже лежать на ковре с перерезанным горлом, – тихо бросил Акела, и мне стало по-настоящему страшно.

«А что, если... если он сейчас встанет, возьмет кинжал и...»

Однако Акела тяжело поднялся и вышел из комнаты, а через десять минут и вовсе ушел из дома, прихватив спортивную сумку.

Я еще долго сидела на полу, обхватив себя руками, и раскачивалась из стороны в сторону. Не то чтобы я считала свою семейную жизнь неудавшейся или испорченной, но порой мне так не хватало тех самых простых развлечений или возможностей, которыми обладали мои сверстницы, например. Я скучала по своему байку, покрывавшемуся ржавчиной в гараже отца, по стрельбищу в старом песчаном карьере, куда раньше так часто ездила с кем-нибудь из охранников. Мне не хватало драйва, скорости, напряжения какого-то. С переездом в город мы стали жить абсолютно другой жизнью – размеренной, спокойной, без всплесков. Акела хотел изменить меня ради моего же блага, я это понимала, но против себя не пойдешь, видимо. Да, я принимала его условия, я была ему идеальной женой – такой, как он хотел, и я действительно сама согласилась на это. Но почему же мне теперь так тяжело? Ну, не в кино же дело, если разобраться?

Акелу, кстати, не интересовали новинки кинематографа – он предпочитал классические фильмы Куросавы, и даже Кетано считал слишком современным. Много читая, он избегал тем не менее новинок и бестселлеров, о которых разговаривали все вокруг. Когда однажды я принесла домой что-то из новинок Харуки Мураками, он, пролистав несколько страниц, хмыкнул и отложил книгу на столик.

– Не будешь читать? – удивленно спросила я, и муж в ответ снова усмехнулся:

– Аленька, как может считаться японцем человек, отринувший культуру и традиции? Он слишком давно живет в Европе и Америке, чтобы называться японским писателем. Ассимиляция видна с первых строк, его язык утратил очарование японских конструкций.

– Но ведь это перевод... – недоумевала я.

– Если текст изначально гениален – никакой перевод не в состоянии убить его. Ты ведь читаешь танка в разных переводах? Как ни переведи – если есть зерно, то его не выбросишь, ведь так?

Категоричность суждений мужа всегда приводила меня в некий ступор, я чувствовала свою несостоятельность и даже необразованность в сравнении с ним, несмотря даже на кандидатскую степень, а потому не могла найти достойных слов, чтобы ответить. Книгу Мураками я молча убрала в сумку и прочла в перерывах между практическими занятиями своих студентов, но, выслушав перед этим авторитетное мнение мужа, так и не смогла понять, понравилось мне или нет. Папа в таких случаях всегда говорил, что не иметь собственного мнения стыдно и недостойно, но я считала, что мнение Акелы в случае с японскими реалиями единственно верное, а потому разделяла его.

Но вот именно сегодня мне почему-то отчаянно захотелось выбраться из своего добровольного заточения и провести время с кем-то, кроме мужа. Я не могла объяснить, почему вдруг начала так упорствовать и спорить, почему пошла наперекор словам Акелы. Возможно, просто захотелось плотнуть хоть чуть-чуть прежней свободы...

В кино с Ольгой я все-таки пошла, отправив Соньку к папе и кое-как придумав для нее сказку о срочной командировке, в которую уехал Сашка, но никакого удовольствия от просмотра не получила. Даже название фильма не отложилось в голове, даже имен актеров, да что актеров – главных героев я не запомнила. Ольга с удивлением косилась на меня и, очевидно, никак не могла понять, почему лицо мое напоминает мрачную тучу. Спрашивать о причинах Паршинцева не решилась, памятуя, скорее всего, о состоявшемся уже между нами как-то разговоре.

Ольга

Встречи с Михаилом начисто лишили ее свободного времени, которого и так было совсем немного. Порой она ловила себя на том, что во время вскрытий, если не работает за столом сама, то откровенно зеваает во весь рот и не может сосредоточиться. А ведь еще занятия японским... Но Михаил оказался таким интересным собеседником и знал столько о культуре Японии, что Ольга не могла отказать себе в

удовольствию встретиться с ним в каком-нибудь кафе и проболтать до глубокой ночи. Узнав, что она серьезно занимается изучением языка, Михаил мгновенно предложил языковую практику – в фирме, где он работал, был сотрудник, прекрасно владевший японским. Ольга, со смехом поблагодарив, отказалась:

– Я тогда вообще на ходу буду засыпать и так-то по три-четыре часа выкраиваю на сон.

– Ужас! Как же ты работаешь?

– А вот так, – развела она руками. – Выбора нет, а к репетитору ходить неподготовленной стыдно.

– Много денег берет? – сочувственно спросил Михаил, доедая большой кусок чизкейка.

– Удивишься – ни копейки. Но сразу сказал – начну халтурить, буду платить, а это очень дорого.

– Где ты выкопала такого альтруиста? – хмыкнул Михаил.

– Он – муж моей приятельницы. Мы с ней вообще-то на курсах познакомились, хотя работаем в одном институте, представляешь, а потом оказалось, что ее муж может помочь. Я же позже всех пришла, они уже давно занимаются, а я не успеваю, плохо понимаю. Ну, вот Сашка и поговорила с ним.

Михаил снова хмыкнул, и Ольге на секунду показалось, что в его глазах промелькнуло что-то неприятное. Но в следующий момент он снова широко улыбнулся и перевел разговор на какую-то отвлеченную тему.

Ольга ловила себя на том, что с Михаилом ей легко и просто, никогда раньше она не чувствовала себя в мужском обществе настолько комфортно и свободно. Однокурсники ее не особенно интересовали – она была слишком серьезной, слишком поглощенной учебой и будущей интернатурой и не находила времени на студенческие посиделки и вечеринки. Да и этого самого времени было жаль. Какой интерес обжиматься по углам и целоваться с подвыпившими парнями? Какой интерес потом обсуждать это с девчонками в институтской курилке? Ольге всегда было чуждо легкомыслие, она выросла в семье военного, а потому с малых лет умела планировать время и ценить его, а не тратить на пустые развлечения. Мать часто говорила, что отец своим воспитанием лишил девочку элементарных радостей, свойственных ее сверстницам, но

Ольга никогда не считала себя обделенной – просто ей все это было не интересно и не нужно.

И вот случайно возникший Михаил сумел увлечь ее, заставить расслабиться в своем обществе. Ольга с удивлением отмечала, что часто смеется над его шутками, охотно рассказывает что-то сама, интересуется его мнением по каким-то важным для нее вопросам. И даже внешность Михаила не отталкивала ее, хотя раньше никогда ей не нравились полноватые мужчины с намечающимся животиком. Едва только Михаил начинал говорить, как его внешний вид отходил на второй план, словно перед мужчиной опускалась тонкая полупрозрачная ткань, отгораживавшая его от глаз окружающих. Он оказался очень начитан, образован, мог поддержать практически любую тему, и Ольга, будучи намного моложе, с интересом прислушивалась. Вскоре она поняла, что в те вечера, когда Михаил или она сама были заняты, ее мысли постоянно возвращаются к их встречам. Ей не хватало разговоров, взглядов, легких касаний рук за столиком в кафе. Не хватало Михаила...

Михаил

– Почему от тебя несет бабскими духами? – Голос встретившей его в коридоре Анжелы сделался визгливым, что являлось сигналом – сейчас закатит истерику.

Михаил прекрасно знал, что никакими женскими духами от него пахнуть не может, разве что его собственными. Но спорить с Анжелой не собирался, понимая, что бесполезно – если та настроилась закатить скандал, то сделает это непременно, и лучше пусть это произойдет скорее. Он неторопливо снял дубленку, убрал на полку в шкафу шапку, долго снимал ботинки – словом, старался все же оттянуть момент хоть ненадолго. Но совсем избежать скандала, конечно, вряд ли удастся.

– Ангел, тебе померещилось. – Он взял ее руку в свои и погладил длинные пальцы с ярким маникюром.

Анжела надула губы и приняла вид обиженной капризной девочки – это была ее любимая маска, которую красотка часто пускала в ход. Михаил внутренне напрягся – сейчас заведет разговор о покупке очередной шубы, сапог или чего-то еще. Ему не было жалко денег – к счастью, проблем с ними не имелось. Раздражала Анжелкина жадность, ненасытность какая-то в плане вещей. Шуб у нее было пять, сапог к ним – несть числа, это не говоря уже о перчатках, сумках,

шарфах. Большинство этих тряпок Анжела не надевала более одного раза, а порой вообще забывала о каких-то покупках, могла найти летом в антресолях пакет с вещами, с которых даже не были срезаны этикетки. Но это не останавливало ее, не отбивало желания купить еще и еще что-то. Конечно, Михаил мог заблокировать ее карту, не давать ей денег, но он здраво оценивал свою внешность и прекрасно понимал: сделай он так – и своенравная красотка моментально его бросит. Ему и в голову не приходило попробовать – он твердо был в этом убежден.

Сегодня, однако, речь зашла не о шубе или сапогах. Анжела, по-прежнему дую губы, проговорила:

– Ты стал редко бывать дома. Мне мало внимания! Почему я должна целыми днями сидеть одна?

«Займись чем-нибудь! – подмывало рявкнуть Михаила. – Посмотри хоть один приличный фильм, а не эти свои дикие ужастики в аляповатых упаковках! Дай выходной домработнице и приготовь сама хотя бы омлет к моему приходу!»

Разумеется, вслух он этого не сказал, только склонил голову, чтобы не выдать взглядом своего истинного настроения. Сейчас ему больше всего на свете хотелось взять Анжелу за воротник длинного шелкового халата от Гальяно и встряхнуть так, чтобы хоть часть спеси и дури вылетела из ее головы. Но он, как всегда, не сделал этого.

– Прости, Ангел. Я много работаю в последнее время, есть идея одна, но пока не хотел говорить тебе...

Анжела, предчувствуя сюрприз, сменила гнев на милость:

– Ты что-то готовишь?

– Не спрашивай пока, хорошо? Я хочу увидеть потом радость в твоих глазах.

Анжела чмокнула его в щеку и испарилась, убежала в спальню. Сейчас будет звонить матери. Это – отдельная тема, которой Михаил старался никогда не касаться. Анжела не любила говорить о матери, но иногда до Михаила долетали обрывки их телефонных разговоров, из которых он со временем сделал вывод: Анжела ненавидит свою мать и при любом удобном случае стремится сказать ей что-то обидное. И звонит лишь для того, чтобы подчеркнуть, что живется ей без матери куда легче, богаче и веселее. «Надо бы проверить, что там вообще было».

Михаил все чаще ловил себя на том, что Анжела стала раздражать его. А случайное знакомство со спокойной, серьезной и умной Ольгой в книжном магазине и вовсе отбило желание возвращаться домой после работы. Зачем? Его там ничего хорошего не ждало – только вечные придирки, скандалы, надутые губы и постоянные разговоры о деньгах. Поэтому вечерние посиделки в кафе с Ольгой Михаил считал подарком судьбы – он впервые был интересен девушке не из-за размера бумажника, а из-за того, что было в его голове и душе. Думая об Анжеле, Михаил все чаще приходил к выводу о необходимости расставания. Но тянул по привычке, по инерции – за те несколько лет, что они провели вместе, Михаил привык к Анжеле и по-прежнему боялся потерять. Однако с каждым днем этот страх становился слабее, уступая место раздражению.

Александра

С Акелой я помирилась – к счастью, вообще не умею долго обижаться, а тут еще и чувствовала себя виноватой. Поэтому, когда муж вернулся, я повела себя так, как делала это до ссоры, и Акела просто не мог не заметить этого.

Он не сказал ни слова, но по выражению лица я видела – доволен, не хотел продолжать ссору. Весь вечер воскресенья, пока папа не привез Соню, мы провели вместе, сидели в обнимку на тахте и разговаривали. Акела делился планами на поездку в Осаку, куда в этот раз обещал взять и нас с Соней. Я, затаив дыхание, слушала его рассказы о сэнсэе Табанори, о его занятиях, больше похожих на лекции. Мне нравилось наблюдать за тем, как меняется лицо мужа, выражая разные эмоции, которые в каждодневной жизни я видела нечасто. Акела крайне редко позволял себе какие-то проявления, не повышал голоса, не строил недовольных мин – он приучил себя к контролю с детства, и теперь ему не составляло труда скрыть любые чувства, пусть даже они разрывали его изнутри. Меня иногда обижало то, что даже о любви он в последнее время говорит словами японских трех- и пятистиший – как будто своих слов у него не находится. Но со временем я приучила себя к мысли, что Акела просто иначе понимает слово «люблю», он заменяет его действием, а не болтовней.

Меня подмывало извиниться за свои слова, но я никак не могла дожидаться подходящего момента. Извинения были нехарактерны для меня, но сегодня я остро чувствовала свою вину перед мужем. Он бы

никогда не позволил себе упрекнуть меня в чем бы то ни было, хотя за мной – чего уж греха таить – водились грехи и грешки разного калибра. Один только роман со стриптизером из маленького провинциального городка чего стоил, а ведь Акела об этом знал. Иногда я думала – а вот если бы я узнала что-то подобное о нем, то не простила бы. Вернее, простила – потому что жить без него куда хуже, чем знать такую ерунду – но при каждом удобном случае колола бы мужа этим знанием, как иголкой. А Сашка – нет. Ни разу за прошедшее с того момента время он не дал мне понять, что в курсе этой моей интрижки, и узнала я обо всем от папы, если честно. Сашкино благородство иной раз ставило меня в тупик...

Но когда мы, уложив спать Соню, остались вдвоем, я вдруг не смогла себя заставить снова поднять тему, из-за которой вспыхнула ссора. Мы так уютно лежали в обнимку на низкой тахте, и моя голова покоилась на плече мужа, а его рука накрыла мою, согревая и даря спокойствие и уверенность, что я не нашла в себе сил разрушить идиллию. Ничего, я думаю, что Сашка и так все понимал – и как мне стыдно, и что я сожалею о своих словах, и что вряд ли еще когда-то впредь осмелюсь выдать подобное. Все-таки понимать друг друга без слов – это великое искусство, которым владеют только истинно любящие люди.

Акела

Ольга продолжала приходить в дом Сайгачевых. Постепенно хмурый не улыбочивый преподаватель начал чуть менять свое отношение к ученице. Ольга была девушкой способной, настойчивой и упорной, что, безусловно, не могло не внушить Александру Михайловичу уважения. Он позволял Паршинцевой приходить в «Каскад» на занятия, и по живому интересу в ее глазах замечал – она не притворяется, ей на самом деле почему-то необходимы эти знания. Однажды после окончания тренировки Ольга задержалась и попросила разрешения попробовать повторить движения и стойки, которые он разучивал с учениками. Чуть удивленный Сайгачев хмыкнул, но деревянный шиной все-таки протянул, и Ольга довольно точно воспроизвела некоторые упражнения. Александр Михайлович удовлетворенно кивнул и уже собрался уйти в тренерскую, как вдруг заметил – Паршинцева подошла к манекену и, обхватив рукоять шиная двумя руками, принялась имитировать удары по шее – снизу вверх

спереди назад, так, словно пыталась отрубить манекену голову. У Акелы вскипела кровь – он не позволял ученикам подобных действий, считая это недопустимым, и одновременно с этим в голову пришла мысль: а ведь именно ради вот этих навыков странная девица с ледяными голубыми глазами и ходит в его дом и его клуб. И то, с какой жадностью она рассматривает мечи, когда думает, что ее никто не видит, тоже неспроста.

Он мог бы отказать Ольге в занятиях – запросто. Но Аля... Ведь это Аля просила его позаниматься с приятельницей. Ему не хотелось огорчать жену, он отдавал себе отчет в том, что, по сути, лишил ее той жизни, которой живут ее сверстницы, и даже то, что своенравная Алька пошла на это добровольно, не оправдывало его. А с этой Ольгой она имеет возможность поговорить о каких-то женских мелочах, которыми не может поделиться с ним. Да, Ольга нравилась ему все меньше – но и запретить Александре общение с ней он не мог. Та ссора из-за похода в кино лежала камнем на совести Акелы. Он не смог отступить от своих правил даже на шаг, чем обидел жену. В сущности, она не просила ни о чем криминальном, а он, чтобы не нарушать собственного покоя и комфорта, пытался заставить ее подчиниться. И только уйдя из дома, он понял, насколько ему нужна семья и домашний покой. Он любил эту маленькую хрупкую женщину, любил их вертлявую малышку Соню, любил по-настоящему. На пятом десятке одинокий волк Акела обрел смысл в жизни, то, что заставляло его забывать обо всем и стремиться в обустроенную по собственному вкусу квартиру, туда, где его ждали жена и дочь.

Мысли снова вернулись к Ольге, которая по-прежнему наносила манекену удары в область шеи и при этом о чем-то напряженно думала, словно восстанавливала в голове какую-то картинку.

– Что вы делаете? – решил Акела, и она вздрогнула, уронила шинай на пол, но мгновенно собралась, легко нагнулась и подняла.

– Простите, Александр Михайлович, я не нарочно...

– Я не о том, что вы уронили шинай. Я спросил – что вы пытаетесь сделать с ним?

Щеки Ольги чуть порозовели, она опустила голову, крутя в руках деревянный меч.

– Пыталась понять, можно ли отрубить голову человеку одним ударом, – еле слышно проговорила она, и Акела вздрогнул.

– Что?!

– То есть... я хотела... словом, прикидывала... ну, хватит ли сил...

– У вас?

– Вообще...

– У вас – нет. А вот у меня – запросто, – коротко бросил Акела, забрал из рук испуганно замолчавшей Ольги шинай и, вернув его в стойку, направился к двери в тренерскую. – Занятия на сегодня окончены, всего доброго, Ольга.

Паршинцева подхватила свой рюкзак и поспешно вышла из зала. «Слишком уж поспешно», – отметил Акела про себя и направился в душ.

Александра

Арест моего мужа наделал много шума во дворе. Старушки-соседки очень живо обсуждали эту новость, а центром всех разговоров была, разумеется, Алиса Власьевна. Она, округлив глаза, сообщала жуткие подробности дела, известные ей якобы со слов следователя:

– ...и вот надо же ему было на ком-то тренироваться? Так он, паразит, вон чего удумал – бомжей обезглавливать!

– Погоди, Власьевна, – перебила толстая, одышливая Полина Дмитриевна. – Как так – тренироваться, зачем?

– А вот так! Он в какую-то секту вступил, а там ему должность убийцы определили! – убежденно фантазировала Алиса Власьевна, не замечая, видимо, что я вхожу в арку. – Секта эта хотела весь город к рукам прибрать, и такие, как наш японец, должны были неугодных убивать!

– Сашенька! – ахнула Полина Дмитриевна, увидев наконец меня, и кинулась как на пожар. – Да как же ты уцелела-то, детка? Как же он тебя-то не зарезал, убийца? И Сонечку, Сонечку-то!

Я ничего не понимала, испуганно озиралась и вглядывалась в лица окруживших меня плотным кольцом женщин. А те охали, ахали и извергали проклятия в чей-то адрес, но в чей и за что – я не могла разобрать. И только когда кто-то из них произнес имя моего мужа, я вдруг почувствовала, что случилось что-то ужасное. Что-то с Акелой. Я оттолкнула стоявшую на пути Алису Власьевну и кинулась к подъезду. Взлетев по лестнице, обнаружила открытую дверь квартиры и совершенно незнакомых мужчин в прихожей.

– Вы... кто? – задыхаясь от быстрого бега, спросила я, и один из них молча сунул мне в лицо развернутое удостоверение. – Что... что происходит? Где Саша?

– Гражданин Сайгачев Александр Михайлович задержан по подозрению в убийстве, – отчеканил неприятного вида мужчина в длинном кожаном пальто и широкополой шляпе.

У меня из-под ног рванулась лестничная клетка, и я едва не упала, успев ухватить «кожаного» за рукав.

– Этого... этого не может быть... – прошептала я. – Это не он... Сашка не мог... Он самурай, а самураи не убивают безоружных!

– А откуда вы знаете, кого именно он «не убивал»? – мгновенно вцепился в меня «кожаный».

– Я... я не знаю... – пробормотала я, и в памяти моментально всплыл разговор с Алисой Власьевной.

– А ну-ка, пройдемте в квартирку, гражданочка. – «Кожаный» впихнул меня в квартиру, где все еще шел обыск. – Вы кем приходитесь гражданину Сайгачеву?

– Женой... – буркнула я, пытаюсь найти в сумочке паспорт. – Вот...

Мужчина взял протянутый документ, изучил, хмыкнул и небрежно бросил на столик.

– Скажите, Александра Ефимовна, а вы не родственница Ефиму Иосифовичу Гельману?

Самый идиотский вопрос из всех, что только можно придумать, когда только что держал в руках паспорт со штампом о регистрации брака, где ясно написано – Александра Гельман. Разумеется, однофамилица! Это ведь такая же распространенная фамилия, как Иванов и Петров! Но я постаралась сдержаться и не нахамить прямо вот так, с первой секунды общения.

– Я его дочь.

– О, тогда все понятно. Стало быть, гражданин Сайгачев – зять, тот самый зять, что ловко проворачивал разного рода дела для вашего папеньки?

– Что за тон? – Я все еще старалась держать себя в руках. – Что вы позволяете себе? Мы давно живем отдельно от отца, у Саши вполне легальная работа.

– Откуда у вашего мужа столько редкого оружия?

– Оно не все редкое, только несколько мечей. Остальное муж использует для работы.

– Ага, хороша работа – бомжей резать! – с издевкой проговорил мужчина.

Я начала терять терпение, потому что всему на свете есть предел.

– Это неправда! Мой муж – известный тренер, у него свой клуб!

– Известный бандит ваш муж, Александра Ефимовна. Проверим еще, чему он своих учеников обучал, – кивнул «кожаный», с интересом рассматривая укрепленные на специальных стойках катана-какэ мечи. – А скажите, откуда все-таки у вашего мужа столько мечей?

– Это подарки. Кое-что он привозит сам из Японии.

В комнатах все было перевернуто, двое сотрудников разбирали бумаги в сейфе в тренировочном зале, это просматривалось из-за раздвинутых ширм. Я вытянула шею и увидела, как один из оперативников пытается открыть вынутый из сейфа тэссен.

– Осторожнее! – вскрикнула я, видя, что сотрудник начинает ломать редкую вещь, так как не знает правил обращения. – Я сама! – Выхватив веер из его рук, я щелкнула замком и раскрыла. – Это не представляет никакой угрозы...

– А почему он металлический? – поинтересовался сотрудник и, проведя по краю веера, тотчас отдернул руку и сунул окровавленный палец в рот. – Ни фиги себе – «не представляет угрозы»! Да этим можно голову отрезать! Край-то как бритва!

– Ничего им нельзя отрезать! – зло бросила я, осторожно закрыв тэссен и вернув его в сейф. – Это не оружие нападения, это для защиты! И вообще – чтобы им поранить кого-то, нужно знать технику.

– Ну, с этим, я полагаю, у вашего супруга проблем не было, – заметил приятным голосом пожилой седой мужчина с широкоскулым обветренным лицом, внимательно изучавший стопку документов. – Судя по этим бумагам, Александр Михайлович Сайгачев – мастер высшего класса, имеет дан по кэндзюцу и множество других полезных навыков.

– Ну и что?! – возразила я. – Это ведь не запрещено!

– Это – не запрещено, – кивнул мужчина. – А вот головы отсекают живым людям, даже бомжам, несколько противозаконно, вы не согласны, Александра Ефимовна?

– Согласна. Но мой муж никого не убивал! Он порядочный человек, он учитель, сэнсэй, понимаете? Он ученикам всегда внушает, что навыки применять в драке – все равно что выйти с мечом на безоружного, так разве же он мог сам?! Это ведь противоречит кодексу...

Седой поморщился – видимо, мой звонкий голос бился в виски, вызывая болезненные ощущения.

– Кодекс... самураи, понимаешь! Придумают себе... Совсем от корней отреклись – Япония, понимаешь, Китай! А как же наши-то, русичи, а?

Если бы в тот момент я была в состоянии смеяться, то сделала бы это – поборник чистоты русских традиций сам явно носил имя вроде Гафура или Тамерлана – чистокровный татарин. Но мне было не до смеха, не до внешнего вида оперативников...

– При чем тут «от корней отреклись», он-то как раз и не отрекался! У него дед был ученым, востоковедом известным, много лет в Японии провел.

– Вы полагаете, этого достаточно, чтобы снять с вашего супруга предъявленные обвинения?

– Нет, но...

– Так вот что я вам скажу, девушка! – наставительно произнес седой. – Порядочный человек – это не профессия и не алиби.

Я поняла – все бесполезно. Они не верят мне, не верят Акеле – тогда кто может убедить их в том, что мой муж не совершал убийства? Что его кодекс чести не позволяет ему нарушать закона? Я подняла глаза, взглянула за раздвинутую ширму в соседнюю комнату и вдруг почувствовала, что там чего-то не хватает. Чего-то, что всегда было, а потому примелькалось...

– Можно, я войду в ту комнату? – спросила я у сидящего напротив меня «кожаного». – Мне кажется, что там что-то пропало...

– Что пропало? – мгновенно подобрался он.

– Не знаю... мне нужно посмотреть...

– Идемте. – «Кожаный» встал и первым вошел в тренировочный зал. – Только смотрите внимательно, это очень важно!

Я пристально оглядела комнату, и взгляд остановился на катанакэ – стойке, на которой были укреплены мечи. Таких стоек было пять, по четыре меча на каждой. И вот на самой дальней, стоявшей на

полу у окна, не хватало большого меча-тати. Парный к нему малый меч-танто висел на прежнем месте, а вот большого, в лаковых черных ножнах, не было. Но самое ужасное заключалось в том, что я была абсолютно уверена – меч пропал не сегодня... Да, я вдруг вспомнила, что, вытирая пыль с оружия на прошлой неделе, заметила отсутствие меча и хотела спросить об этом у Акелы, но закрутилась и забыла.

Милиционер заметил, видимо, как меняется выражение моего лица, тронул за рукав:

– Ну, нашли пропажу?

– Д-да, – с запинкой проговорила я, не вполне уверенная в том, что стоит выдавать такую информацию. – Вот здесь... видите? – я указала рукой на пустующие гнезда в катана-какэ. – Здесь должен быть большой меч – а его нет. Малый на месте, а большого нет...

– Может, и не было?

– Вы не понимаете! Эти мечи носились только парой, значит, и продаваться могли только парой, вместе – иначе их цена намного ниже... Это называется «дайсё».

«Кожаный» хмыкнул:

– Чудно у вас в доме, Александра Ефимовна! Даже стола нет нормального, а кругом такие вещи дорогие... Не находите, что это странно?

– Что в этом странного? А вообще вы могли бы и представиться, – заметила я, устав называть его про себя «кожаным».

– А я этого не сделал? – удивился он, доставая из кармана плаща удостоверение. – Простите... Старший оперуполномоченный уголовного розыска Карепанов Борис Евгеньевич. Так на чем мы остановились?

– На том, что стола у нас нет, а дорогих вещей много, – проговорила я с нескрываемым раздражением, вдруг почувствовав необъяснимую неприязнь к этому человеку. – Мой муж живет по своим представлениям о быте, и если они как-то отличаются от ваших, то это вовсе не означает, что он убийца.

Карепанов уставился на нее прозрачно-зелеными глазами и хмыкнул:

– Это теория у вас такая? Забавно... А скажите мне, уважаемая Александра Ефимовна, не замечали ли вы в последнее время за своим мужем чего-то нехарактерного?

– Ничего нехарактерного, – решительно отвергла я. – Все как всегда. Мы после Нового года собирались в Осаку всей семьей, Саша занимался оформлением визы... ученицу новую взял, мою приятельницу...

– Не понимаю, – нахмурился Карепанов. – Если так уж нужны деньги – почему не продать что-то из оружия? – И как бы в подтверждение своих слов он обвел рукой комнату. – Кстати, а ведь пропавший меч вполне мог быть продан, разве нет?

– Нет! Саша никогда не продал бы ничего из коллекции, – с жаром возразила я. – И с Ольги он денег не брал, занимался потому, что та интерес проявила. Я настаиваю на том, что меч кто-то украл!

– Прямо вот так сразу и украл! – усмехнулся Карепанов. – У вас в доме часто бывают чужие люди?

– Нет...

– Дверные замки целы?

– Да, но...

– А вот «да» и «но» не надо. Раз все цело, значит, кража исключается. Подумайте сами, Александра Ефимовна, если бы к вам забрался вор, то разве он ограничился бы только одним этим... как вы его там назвали? – Карепанов пощелкал пальцами, припоминая сказанное мной слово, и я со вздохом подсказала:

– Тати.

– Да-да, именно! – обрадованно подтвердил следователь. – Именно тати! Что в нем ценного?

– Да ничего особо, кроме, может, того, что это был подарок, – признала я. – Это даже не самый дорогой из всех мечей... Такие вообще носили самураи ниже пятого ранга... тем, кто выше, полагались сиратати – серебряные или «белые» мечи. А это был куроцукури – «черный»...

Лицо Карепанова сделалось растерянным, и я испытала злорадное удовольствие. Было очевидно, что я произносила с легкостью такие слова, о которые он запросто мог сломать язык.

– Откуда вы все это знаете? – глуповато спросил он, и я не успела ответить. Вместо меня это сделал «русич», оторвавшийся от своих записей, которые делал в блокноте.

– Ну, очевидно же, Борис Евгеньевич, что раз муж сдвинут на этой японской байде, то и жена наверняка в курсе.

Мне захотелось схватить с катана-какэ первый попавшийся меч и с размаху врезать им по толстому брюху ревнителя русских традиций – чтобы не забывался. По понятным причинам я сдержалась и только процедила неприязненно:

– Если вы лично в этом не разбираетесь, это еще не есть «байда», цитируя вашу же изящную конструкцию. А Саша очень много рассказывает мне об оружии, об обычаях... У него ведь есть научная степень, вы не знали?

Я чувствовала, что Карепанов и «русич» пока этого не знали – с документами работали другие оперативники, а эти двое просмотрели их бегло и не успели еще вникнуть во все тонкости. Так и думают, видимо – мол, ученая степень... надо же! А если судить по обстановке квартиры, так он просто сдвинутый фанатик. Такие разговоры шепотом вели наши соседи, и я не раз слышала, как старушки на лавке обсуждают нас и наш образ жизни.

– Чудны крестьянские дети, – пробормотал Карепанов – эта фраза, очевидно, заменяла ему выражение про бога, в которого следовательно, должно быть, не особенно верил.

Обыск подошел к концу, соблюдая все необходимые формальности, Карепанов распрощался и вышел вслед за коллегами, а я услышала, как на площадке он говорит кому-то:

– Надо бы все-таки похвалить Ольгу за проницательность, это она сказала, что так убивать только самурай может. Признайся, Наиль, что при всех своих многочисленных отрицательных качествах я все же человек справедливый, – и вслед за этим раздался хохот.

Я отметила про себя, что не ошиблась и один из оперативников татарин. А вот имя «Ольга» как-то нехорошо царапнуло, но быстро ушло на второй план – мне предстояла основательная уборка в квартире, которую мне нужно закончить до того, как придет время забрать из садика Соню. Оценив масштабы, я поняла, что не справлюсь, и позвонила домработнице Гале. Та пообещала приехать через полчаса, но от ее оханий и причитаний мне стало совсем дурно. Лишь бы Соня не поняла ничего...

Мысль об украденном тати не давала мне покоя. В том, что это была именно кража, я даже не сомневалась – Сашка не мог продать или подарить кому-то такую дорогую для него вещь. Эта пара дайсё появилась в доме еще до меня, и я чувствовала особое отношение

мужа к этим мечам. Он часто и подолгу изучал устройство каждого меча, ощупывал ножны, рассматривал каждый виток шелковой оплетки на рукояти, мэнуки – ювелирную декоративную фигурку, спрятанную под оплеткой...

– А почему их непременно должно быть два? – спросила однажды я, осмелившись нарушить блаженное созерцание мужа.

– Так положено по церемониалу. Большой меч – тати – пригоден для многолюдного побоища, им удобно, например, доспехи проламывать. А короткий – танто – используется для ближнего боя. Или для сэппуку.

Мне стало не по себе, и я содрогнулась, представив, как идеально отточенный клинок разрезает кожу и мышцы... Но Сашка всегда говорил, что настоящий самурай презирает жизнь, и ритуальное самоубийство для него – истинное наслаждение.

– Именно поэтому самураи редко доживали до сорока лет. Умереть, выказав преданность своему господину, считалось весьма почетным.

– Ужасы какие! – Я поежилась, и муж рассмеялся:

– Что поделать. А вообще забавно – в Средние века рост японца не превышал ста шестидесяти сантиметров, а длина меча или того же шеста бо могла достигать метра восьмидесяти. Представь, как они владели техниками, чтобы уметь сражаться подобным оружием?

Не знаю, почему именно сейчас в памяти всплыл этот разговор. Взглянув на часы, я поняла, что нужно поторапливаться, чтобы дочь не осталась в садике одна – этот момент ее всегда сильно травмировал, и психолог объяснила мне, что Соня просто подсознательно боится, что я не приду и оставлю ее в саду насовсем. Мы с Акелой уговорились никогда не допускать подобного и часто подменяли друг друга, если один из нас был занят и не мог освободиться к определенному времени. Я набросила пальто и шапку, пробежалась по квартире, задвигая ширмы между комнатами, подхватила сумку и выскочила на лестничную клетку. Заперев дверь, побежала вниз по лестнице и в темном тамбуре между входных дверей столкнулась с Алисой Власьевной. Старушка втянула голову в плечи, как будто ждала, что я ее ударю, и прошмыгнула мимо. Я даже внимания не обратила ни на этот жест, ни на выражение лица Алисы Власьевны, выскочила из подъезда и побежала в сторону автобусной остановки – нужно было

забрать Соню вовремя. Ездить на машине я практически перестала – институт находился недалеко, Сонин садик тоже, – и автобусом сегодня я воспользовалась исключительно для ускорения процесса – обычно всегда ходила пешком. Навыки вождения вспоминались лишь при поездках к отцу в поселок, куда добраться на общественном транспорте было невозможно. Но и это случалось нечасто – в основном мы ездили втроем, и за рулем всегда был Сашка...

Успев вскочить в отходивший от остановки автобус, я рухнула на сиденье, протянула мелочь кондуктору и стала лихорадочно придумывать для дочери историю о том, что папа срочно уехал в командировку...

Мы с Соней только что вышли из здания детского сада, когда у меня в кармане заверещал мобильный – это оказалась Галя.

– Санюшка, ты далеко от дома?

– Я из сада вышла с Соней, а что случилось?

– Да ключи я найти не могу, видно, дома оставила, старая ворона, – голосила Галя, расстроенная донельзя.

Это было весьма некстати – я надеялась, что до нашего возвращения – а я планировала еще зайти в супермаркет и побродить там подольше – Галя успеет хоть немного убрать следы пребывания оперативников в нашей квартире, и вот надо же – сюрприз.

– Хорошо, я сейчас...

Ничего не поделаешь, придется отдать ключ домработнице и включить в свой план посещение еще и большого торгового центра.

– Ты проголодалась? – спросила я у дочери, и та замотала головой:

– Не-а!

– Тогда, может, по магазинам?

– Ты мне корону обещала, – напомнила Соня, и я виновато пробормотала:

– Слушай, точно... Сейчас вот Гале ключи отдадим и порешаем вопрос с твоей короной.

На предстоящем утреннике Соня должна была исполнять роль Снежной королевы в маленьком спектакле. Костюм мы – вернее, Галя, конечно, хоть и с моей косорукой помощью – соорудили еще в начале месяца, но вот достойную корону никак подобрать не могли. Да и забыла я, если честно... Хороша маманя! Забыла!

Дочь понимающе кивнула и забубнила вполголоса стихотворение, которое выучила помимо роли Снежной королевы.

Галя ждала нас во дворе на лавке. Ее большая клетчатая сумка стояла рядом, из нее выглядывала какая-то бутылка с яркой наклейкой, торчала упаковка матерчатых салфеток и виднелось что-то мягкое, розовое. Соня, увидевшая Галю чуть раньше, вырвала свою руку из моей и вприпрыжку поскакала к лавке.

– Баба Галя!

– Сонюшка, осторожнее, скользко очень! – Галя встала и раскинула навстречу девочке руки. – А у меня кто есть... смотри-ка. – Она повернулась к сумке и вытащила оттуда розового зайца с длинными лапами, одетого в клетчатые шорты на одной лямке.

– Ой, кто это? – Соня округлила глаза, а Галя, хитро улыбнувшись, заговорила полусшепотом:

– А этот господин к твоему папе пристал утром – увези, мол, меня к Соне. А папочка-то на работу поехал, некогда ему было возвращаться, вот он ко мне его и привез – мол, тебя, Пушишка – это зовут его так, – так вот, тебя баба Галя к Соне доведет. Ну, вот я и довезла.

Сонька, открыв рот, слушала Галину байку, а у меня закололо внутри – Сашка как будто чувствовал, что вечером не увидит дочь, а потому купил ей зайца и забросил к Гале, которая жила рядом с его клубом. Соня прижала зайца к груди и тут же затребовала:

– Мама, мы возьмем Пушишку с собой за короной!

– Конечно, – вздохнула я, стараясь скрыть от дочери свое состояние, – а то он будет мешать Гале убирать квартиру. Галечка, мы в магазин должны пойти, я совсем про корону для костюма забыла, да и продуктов кое-каких нужно купить.

– Ступайте, Санюшка, развейтесь немного. – Галя прижала к глазам платочек, и я разозлилась – ведь просила ее при Соне не плакать.

Чуткая малышка сразу уловила напряжение и вцепилась в Галину руку:

– Ты чего плачешь, баба Галя?

– Бабе Гале в глаз соринка попала! – отрезала я, разворачивая Соню к выходу из двора, а сама наградила за ее спиной Галю недобрый взглядом, и та понимающе закивала:

– Я вас дождусь, ключи-то одни. Приготовить что-нибудь?

– Пи-рож-ки! – подпрыгивая на одной ноге, заявила Соня. – Пи-рож-ки с рисом и яйцами!

Мы с Галей рассмеялись, хотя на душе у обеих веселья не было.

Акела

Факт задержания его не испугал – было дело, не впервой. Странно было другое – нелепейший повод. Какие-то бомжи с отсеченными головами, чьи трупы вот уже несколько раз находили в разных концах города. Акела с присущим ему спокойствием выслушал этот бред, но не стал вступать в дискуссии, только бросил:

– Разбирайтесь.

Волновала Алька – осталась одна с дочкой, как теперь будет. И даже не это его пугало, а как раз то, что жена перед лицом нависшей над ним угрозы начнет вспоминать былые навыки, с которыми Акела довольно успешно боролся вот уже два года. Чего стоило ему заставить себя говорить с ней свысока, подчинять, ломать что-то в непростом характере этой девочки, ему, взрослому мужчине с несколько иным, чем у нее, мировоззрением. Да, приверженность к самурайским традициям очень помогла – все-таки Алька уважала его интересы и старалась их разделять. Но внутри себя Акела чувствовал неловкость – пришлось идти на какие-то театральные представления, чтобы заставить жену забыть то, что она умела.

– Ни к чему молодой женщине все это барахло! – решительно заявил он в приватной беседе с тестем. – Фима, ты не хуже моего это понимаешь. Но добровольно Алька от мотоцикла и стрельбы не откажется, и это ты тоже знаешь наверняка – как и я. А мне нужна жена, а не Терминатор на мотоцикле. И ей, кстати, так тоже будет лучше.

Тесть промолчал, хотя и не был доволен, это Акела прочитал в его прищуренных глазах – не первый день были знакомы. Однако надо было отдать должное Фиме Клещу – он почти всегда поддерживал точку зрения зятя, когда дело касалось Александры. Ефим Гельман воспитывал девочку с семи лет без женского участия – его сестра не в счет, Сашка ее никогда не слушала, – а потому выросло из нее именно то, что выросло. С малых лет она прекрасно владела огнестрельным оружием, имела разряд по стрельбе, лихо водила мотоцикл, а когда на

семью Ефима Гельмана обрушились многочисленные неприятности, именно Сашка сумела во всем разобраться.

– Ты только это... смотри мне... – вывернул тесть, глядя на огонь в камине. – Чтобы по уму все, без никаких... Узнаю – шкуру твою паленую спущу.

Акела только усмехнулся. Фима говорил это скорее по привычке, по традиции, а на деле прекрасно знал, что зять выколет себе единственный глаз, но любимую жену защитит и не причинит ей боли. И вот теперь, после двух лет кропотливого ежедневного труда, все снова висит на волоске. Александра не из тех, кто бросает родного человека в беде, она непременно начнет искать способ выручить его и, вполне вероятно, ухитрится наломать дров. Уж в чем в чем, а в том, что дрова эти будут непременно, Акела почти не сомневался, на это его жена была большой мастерицей.

В камере он молча улегся на нары и закрыл лицо ладонью. Его личность была хорошо известна в городе, а приметная внешность не давала возможности усомниться в том, что ее обладатель и есть Акела, некогда правая рука Фимы Клеща, потому никаких вопросов ему никто не задал, лишь «смотрящий» хмыкнул и жестом дал понять своим подручным, чтобы вновь прибывшего не трогали.

Акела не особенно волновался по поводу задержания, если нет никаких улик против него, то через три дня отпустят. Хуже другое – пропал меч, подаренный ему сэнсэем. Собрав воедино все обрывочные сведения о преступлениях, в которых его пытались обвинить, Акела почему-то сразу подумал о том, что его меч мог быть как-то задействован в них – очень уж характерная вырисовывалась картина. Бомжи – они же неприкасаемые-эта, отрубленные головы – возможно, с целью изготовления трофеев-бундори, ровный край раны на трупах – все это отлично укладывалось в старую военную традицию. Следовательно, тот, кто сделал это, либо имел цель как-то скомпрометировать его, Акелу, либо сам был приверженцем самурайской идеологии.

«А как вариант – и первое и второе», – подумал вдруг Акела, поворачиваясь на бок. Врагов у него было достаточно еще «из прошлой жизни», и среди них встречались люди, увлеченно изучавшие японские традиции.

Неожиданно в памяти всплыл эпизод – эта девушка, Оля Паршинцева, с деревянным шинаем у манекена имитирующая удар по шее снизу вверх спереди назад. «Откуда она это взяла? Почему именно так? Ведь именно так отрубалась голова для создания бундори... Откуда она это знает? – Акела рывком сел, едва не ударившись головой о верхние нары. – Как она вообще попала в наш дом, почему именно ко мне? Аля говорила... стоп, а что она мне говорила вообще? Я ведь даже толком не узнал, кто она, эта Ольга. Старый дурак! Ну, как я мог поверить в то, что молодая девчонка на ровном месте настолько увлеклась японской культурой, чтобы изучать язык и боевые техники? Кто она вообще? Нужно как-то Алю предупредить, чтобы была с ней осторожнее. А лучше – Фиме об этом сказать».

Однако пока Акела не имел возможности связаться ни с женой, ни с ее отцом.

Самое скверное началось утром следующего дня, когда выяснилось, что на яшмовом украшении, найденном у женского трупа, обнаружались отпечатки пальцев Акелы. Именно этой яшмой была украшена рукоять меча-тати, пропавшего из его квартиры. Из задержанного Акела в момент превратился в подозреваемого в серии жестоких убийств.

Александра

За четыре дня до Нового года я приняла последний зачет, составила список должников для деканата и отказалась от участия в кафедральных посиделках. Настроения никакого не было – муж в СИЗО, какое тут веселье, – да меня особенно никто и не уговаривал, потому я, сунув халат в пакет, чтобы выстирать дома, вышла из здания морфологического корпуса и побрела за Соней в детский сад. Утренник у них прошел вчера, я старалась отвлечься от неприятных мыслей и сосредоточиться на том, как моя дочь читает стихи, а потом и выступает в спектакле. Никто в детском саду не подозревал о том, что Соня не родная нам с Сашкой, и потому мне было приятно выслушивать комплименты воспитателей и родителей по поводу того, что она «умничка, красавица и на маму очень похожа».

Взглянув на часы, я обнаружила, что у детей еще «тихий час», и теперь бесцельно бродила по предпраздничному городу, стараясь не смотреть на охваченных подарочным ажиотажем людей. «У них через четыре дня праздник, – тоскливо думала я, поддевая носком ботинка

свежий снег. – А Сашка в тюрьме... за что? Я ведь точно знаю, что он не мог убить кого-то, это противоречит его философии! То есть он мог убить, но только защищаясь сам или защищая нас, например, причем сделал бы это голыми руками... И меч он не мог носить с собой, тем более этот – для тренировок у него все хранится в клубе... В клубе! А ведь если это Сашка забрал меч, то хранить его он мог именно там!» – вдруг осенило меня, и я, шагнув к обочине, подняла руку, ловя такси.

Сидя на заднем сиденье, я напряженно думала, как помочь мужу. Ну, разумеется, если я обращусь к папе, тот даст своего адвоката – удивительно вообще, как это он еще не в курсе и не позвонил даже ни разу. Но лучше бы и папу исключить из этой цепочки для его же спокойствия – адвоката дядю Моню я знала с детских лет, так что посредники мне ни к чему. Но от разговора с отцом мне, кажется, не удастся улизнуть – ради собственного удобства будет лучше, если я отправлю Соню из города и оставлю на попечении деда и домработницы. В папином коттедже полно охраны, и с моей дочерью все будет в порядке. Нехорошие предчувствия не оставляли меня, а ребенок делал уязвимой, поэтому нужно устроить все так, чтобы Соня не подвергалась никакой опасности. Хватит с меня ареста мужа.

Клуб «Каскад» располагался в подвальном помещении старого спортзала, раньше принадлежавшего местному бумажному комбинату, а теперь выкупленному каким-то бизнесменом под сауну. Акела перекупил у него этот спортзал и обустроил в нем все на собственные деньги.

Я подошла к вахтеру и попросила ключи. Старичок хорошо знал меня в лицо – иногда я заходила за мужем, если оказывалась поблизости, или приводила к нему на занятия Соню.

– Тебя проводить, Сашенька? – спросил он, но я отказалась.

Спустившись по лестнице в полутемный подвал, я почувствовала себя как-то жутковато – света практически нет, только над дверью клуба тускло светит небольшая лампочка, кругом гнетущая тишина, и каждый шаг гулко разносится по пустому помещению. Отопнув дверь клуба, я быстро зашарила рукой по правой стене, отыскивая выключатель, и, когда свет зажегся, почувствовала себя немного увереннее. В маленькой тренерской все было в полном порядке – Акела не терпел бардака, каждая вещь у него знала свое место.

На крючке за дверью висело тренировочное кимоно мужа, и я, поддавшись какому-то внезапному желанию, прижалась к нему лицом, вдыхая запах. На глаза сразу же навернулись слезы, и я смахнула их пальцами – раскисать было некогда. Ключ от высокого узкого сейфа, привинченного к полу, хранился у Сашки под столешницей, там был прибит крючок. Пошарив рукой, я сняла ключ и отомкнула сейф. Все мечи, используемые мужем для работы, оказались на месте, но большого меча из пары черных дайсё среди них не было.

– Ничего... это ничего не значит – Акела мог и не приносить меч сюда, и тогда его точно кто-то украл, – пробормотала я, расстроенная своим открытием, – а это значит, что настоящий убийца тот, у кого сейчас этот меч... Конечно! По-другому и быть не может, да и зачем Сашке моему убивать каких-то бомжей, не представляющих для него лично никакой опасности? Он всегда говорил – меч создан больше для защиты... Господи, что же мне теперь делать? – Я села на стул и заплакала, не в силах больше сдерживать эмоции и отчаяние.

К счастью, меня здесь никто не видел и не слышал, а потому я могла без помех позволить себе расслабиться и порыдать вволю без риска быть осмеянной. Я же все-таки Кнопка из стали, как иногда говорил муж, так негоже мне на людях-то распускаться.

Выплакавшись как следует, я заперла дверь клуба и побрела домой. Шел снег, мягкие хлопья оседали на шапочке и воротнике шубы, но я этого не замечала. Я шла вдоль ярко освещенных витрин и боялась даже думать о том, что сейчас происходит с мужем. «Только бы с ним ничего не случилось, только бы не произошло ничего страшного...»

– Саша? – услышала я и невольно приостановилась, оглянувшись – прямо за моей спиной оказалась девушка в темно-синей куртке и без шапки.

– Ольга... откуда ты здесь? Извини, я... задумалась, – сбивчиво стала оправдываться я, застигнутая врасплох ее появлением, и неожиданно рассердилась на себя – почему я должна объясняться?

– Ты куда-то торопишься, Саша? – спросила Ольга, стряхивая снег с капюшона куртки.

– Нет... я просто...

– Гуляешь? – подсказала она, чуть склонив набок голову, и улыбнулась.

– Нет, за Соней в садик иду.

– Может, пойдем вместе, нам ведь по дороге?

Я пожалала плечами и не ответила, пошла вперед, и Ольга торопливо поравнялась со мной, пошла рядом, стараясь приноровиться к моим небольшим шагам. Она молчала, но я чувствовала, как ей хочется задать мне какие-то вопросы. Но я не настроена была разговаривать, более того – появление Ольги именно сейчас вызвало у меня неприязнь – хотелось побыть одной, подумать, а Паршинцева настырно топала рядом и, похоже, настроилась на приглашение на чашку чаю.

– Саша... у тебя неприятности? – спросила Ольга, решившись, и я резко остановилась:

– Тебе не кажется, что это не слишком тактично – вмешиваться в чужую личную жизнь?

– Я не вмешиваюсь... – смутилась Паршинцева, не ожидавшая подобной отповеди. – Мне просто показалось...

– Вот именно – показалось! Всего хорошего, Оля, я уже пришла, – с этими словами я быстро нырнула в ворота детского сада. Зря, конечно, нагрубилась, но сил разводить политес у меня сейчас не было. Хотелось домой, в ванную, потом выпить чашку чаю и забраться с головой под одеяло в спальне. Очередная ночь без мужа представлялась мне чем-то кошмарным – я привыкла к тому, что Сашка всегда рядом.

«Если бы тогда, десять лет назад, я не совершил этой подлости и не выложил тренеру всю эту выдуманную чушь, то ведь и жизнь моя пошла бы совсем не так... Совсем не так! Я был бы сэнсэем, мастером – да мало ли кем еще! Но теперь уже что сделано, то сделано».

Мужчина с любовью оглядел меч, бережно протер лезвие специальной мягкой тканью, подышал на него, чтобы сталь запотела, снова протер. Убрав меч в ножны, он обернул оружие толстым одеялом и убрал в темное нутро большого старого шкафа, запер дверь, а ключ убрал в стоявшую на шкафу металлическую вазочку.

Он хорошо помнил момент, когда впервые взял этот меч. Цука (рукоять) мягко легла в ладонь, словно была создана именно для его руки, она была покрыта, согласно традиции, самэ – узловатой кожей ската, а сверху – обмоткой цука-ито – полоской черной шелковой ленты. Черные лаковые ножны радовали взгляд, были строгими и

лаконичными, без излишеств. Он не мог объяснить, почему именно этот меч-тати привлек его внимание, но от него исходила какая-то призывная энергия, притянувшая его сердце и руку. Взяв меч в руки, он увидел несколько иероглифов, и сердце бешено заколотилось – он прочел надпись. Возможно, этот меч не был самым дорогим, но по ощущению именно он годился для выполнения задуманного. Настоящий самурайский боевой меч, а не те китайские дешевки из алюминия, что продаются во всех сувенирных лавках. Все-таки хозяин квартиры знал толк в настоящем оружии, разбирался в нем и не держал в доме фальшивок и подделок. А этот конкретный меч имел еще и определенную историю, вспомнив которую мужчина злорадно усмехнулся. Это знание только усилило его желание взять именно этот тати.

Осталось только решить, что делать со связкой ключей на брелоке. Идея пришла моментально – тщательно вытерев каждый ключ, он небрежно бросил связку за стоявшую в коридоре тумбу.

«Вот и прекрасно – решит, что сама туда уронила».

Завернув добычу в покрывало, принесенное с собой, он спрятал ее под полкой длинного кожаного плаща и покинул квартиру, захлопнув дверь.

Александра

Увезти вечером Соню к отцу не получилось – дочь категорически отказалась ехать к деду, и я согласилась, справедливо решив, что за ночь ничего не произойдет. Да и мне, если уж честно, совершенно не хотелось оставаться одной в пустой квартире. Все-таки присутствие ребенка заставит меня отвлечься от тягостных мыслей. Накормив дочь ужином, я почитала ей книгу и отправила в ванную, а сама присела на тахту, движимая одним лишь желанием – посидеть в тишине хоть минуту.

Но блаженство прервал телефонный звонок. Это оказалась Ольга.

– Саша, прости, что так поздно, я хотела извиниться перед Александром Михайловичем за то, что не смогу завтра прийти на урок. У меня ночное дежурство, я совершенно забыла...

– Это ты извини, Оля, – прервала я, – я нагрубил тебе сегодня, сорвалась. А Александр Михайлович... – я чуть запнулась, не в силах произнести фразу о том, что муж арестован. – Он... уехал на какой-то

слет по единоборствам, – нашлась наконец. – Так что пока тебе придется отказаться от дополнительных занятий...

– О... – растерянно протянула Ольга, и в голосе ее я уловила разочарование и досаду. – Ну надо же... Тогда извини еще раз за беспокойство. Спокойной ночи.

– Спокойной ночи, – машинально ответила я, опуская трубку на циновку.

Как долго мне удастся скрывать от Ольги то, что мой муж арестован, как потом я объясню ей, что он невиновен, – все эти вопросы одолевали, и в конце концов я даже рассердилась на себя. Почему, собственно, я должна что-то объяснять и чувствовать себя виноватой? Разве мой Акела преступник? Разве это он убивал этих людей, о которых говорил следователь? А Ольга... ну, что ж, ей придется найти себе другого преподавателя или подождать, пока освободят Акелу.

Соня прокричала из ванной, что она готова выбираться и идти в кровать. Провозившись с дочерью до того момента, когда она, как всегда на полуслове, уснула, прижав к груди принесенного Галей зайца Пушишку, я сделала поменьше свет ее ночника и вышла в коридор.

Полумрак в квартире угнетал, и я включила свет во всех комнатах. Я никогда не боялась быть дома одна, но внутреннее ощущение пустоты, вызванное отсутствием Акелы, погружало в уныние. Взяв толстую книгу японских средневековых дневников, я забралась с ногами на низкую тахту в зале, включила еще и плоский настенный светильник и погрузилась в чтение. Но сосредоточиться на тексте не удавалось, пропажа меча все сильнее беспокоила меня.

«Кто и почему взял меч именно из этой пары? Ведь в той же катана-какэ был старинный меч, принадлежавший одному из знатных самурайских родов, Акела говорил, что это настоящий раритет, что коллекционеры могут заплатить за него стоимость новой иномарки. Значит, либо человек не разбирается, либо... Господи, как же болит голова, – думала я, глядя невидящими глазами в черные строчки дневника придворной дамы. – Но кто, кто мог проникнуть в квартиру? И почему тогда ни Акела, ни я не заметили этого? А если Акела все-таки обнаружил пропажу тати – то почему не сказал? Почему не искал?»

Ответа на свои вопросы я так и не нашла; удрученная мыслями, не заметила, как выронила книгу, свернулась клубочком на тахте и так уснула, даже не погасив свет.

Соню я отвезла к отцу на следующий день, прямо с утра – у меня не было первой пары, и времени как раз хватило на поездку на такси за город и обратно. Трусливо вручив дочь не деду, а Гале, я пробормотала, что тороплюсь, и помчалась прочь из дома, чтобы только не столкнуться с папой. Сейчас я была еще не готова говорить с ним. Еще пока не готова.

Он шел по расцвеченному предпраздничной иллюминацией городу и напряженно думал. До заветного числа «семь» осталось еще три. Три грязных человеческих тела, три головы. И тогда он докажет, убедит ее в том, насколько она ошибалась в нем и в силе его духа. Все-таки тренировки и навыки, приобретенные в детстве и юности, не прошли даром. Даже сейчас в ушах порой звучит голос сэнсэя: «В поведении воина главными считаются только три вещи: преданность, почтительность и храбрость». Бред, конечно, но что-то в этом есть. Сэнсэй был идеалистом, судил о людях по каким-то только ему ведомым критериям. А люди внутри намного гнилее и хуже. Но сэнсэй не замечал этого, верил в то, что в каждом есть что-то хорошее и светлое, какие-то идеалы и высшие цели. Ха-ха, бедный старый сэнсэй... «Видел бы он, как именно я использую его навыки. А самое главное – как ловко и изворотливо я подвожу на место преступника этого его любимчика! Вот оно, возмездие за мою сломанную карьеру! Потому что никто, кроме старого дурака и этого фанатика, не виновен в том, что сейчас я занимаюсь вовсе не тем, чем хотел бы. Это они, они! И плевать мне на те деньги, что я сейчас имею! Плевать – потому что мой дух оказался униженным, душа уничтоженной. И виновник расплатится, я в этом уверен».

Ольга

Она пыталась сосредоточиться на протоколе вскрытия и не могла. Какая-то тревога точила изнутри, мешала работать, мешала заниматься привычными делами. Казалось бы – ну, кто ей эта Саша? Нервная, странная, вечно что-то скрывающая. Но у Ольги почему-то выработалось к этой маленькой женщине необъяснимое родственное чувство. Саша, хоть и была старше, стала для Ольги кем-то вроде младшей сестры, которую нужно оберегать от неприятностей,

помогать, подсказывать. В том, что в семье Сайгачевых что-то произошло, Ольга была почти уверена. На телефонные звонки Саша отвечала вяло и односложно, на кафедре поймать ее оказалось делом совершенно безнадежным, а в ответ на невинный вопрос о времени возвращения Александра Михайловича со слета по единоборствам она неожиданно и вовсе бросила трубку. Ольга недоумевала – разве она спросила что-то запретное? Уверенность в том, что у Саши и Александра Михайловича что-то произошло, все крепла, а потому Паршинцева решила навестить Сашу и постараться выяснить причину странного поведения.

Около семи вечера, когда за окном уже совсем стемнело, Ольга бросила взгляд на часы и поняла, что рабочий день давно подошел к концу, с наслаждением потянулась и опустила ручку в стакан. «Надо же, как я засиделась сегодня. Вот что значит погрузиться в мысли».

Она уже замыкала кабинет, когда услышала торопливые шаги, гулким эхом разносившиеся по пустому коридору кафедры. Сотрудники уже давно ушли, кабинеты были заперты, и только маленькая препараторская, где всегда работала Ольга, еще оставалась открытой. «Кто бы это, а? Может, Сона Габдрахмановна вернулась?»

Сона Габдрахмановна, пожилая лаборантка, частенько забывала на кафедре то ключи от квартиры, то сумку с продуктами, купленными в институтской столовой, то кошелек. Ее возвращения на работу стали уже обычным явлением, и к ним привыкли и не удивлялись. Но Сона Габдрахмановна не носила обуви на каблучке, а звуки явно издавались подкованными металлом «шпильками». Повинуясь внезапному порыву, Ольга шмыгнула обратно, выключила свет и припала к замочной скважине. В маленькое отверстие хорошо просматривалась только та часть коридора, что располагалась в одном закутке с препараторской, и дверь кабинета Нарбуса. Именно к ней и подошла торопливо высокая белокурая женщина в коротенькой норковой курточке и синих джинсах в обтяжку, заправленных в высокие белые сапоги. Следом подтянулся огромный верзила в кожаной куртке и натянутой на самые брови черной трикотажной шапочке.

– Быстрее, – буркнул он, чуть подтолкнув спутницу. – Пока никто не чухнул, что здесь есть кто-то.

Порывшись в карманах, женщина извлекла связку ключей и отомкнула кабинет, прошмыгнула внутрь, не зажигая света. Верзила

остался в коридоре. У Ольги внутри все замерло и похолодело. Самым разумным было вызвать охрану, но для этого нужно было выйти из своего укрытия, а сделать это, не привлекая внимания незнакомца, не представлялось возможным. В кабинете Нарбуса в сейфе лежала крупная сумма денег – как раз накануне он получил премию и гонорар за статьи в «Вестнике криминалистики», Ольга знала это, так как Валентин Станиславович при ней говорил об этом по телефону с женой. Но кто мог узнать? Потому что, кроме денег, в кабинете не было абсолютно ничего ценного для грабителей.

Верзила начал проявлять признаки беспокойства, так как его спутница явно задерживалась. Он нервно заходил туда-сюда, и Ольга, затаившая дыхание, отчетливо слышала его тяжелое дыхание. «Только бы мне не чихнуть, – почему-то подумала она, вспомнив совершенно не к месту кадр из какого-то фильма ужасов, где героиня вот так же прячется в комнате и в самый ответственный момент вдруг чихает, привлекая к себе внимание убийцы. – Господи, какая чушь в голову лезет...»

Наконец из кабинета появилась женщина, и Ольга едва не вскрикнула – это оказалась Станислава, дочь Нарбуса.

– Все, пойдём отсюда, – прошипела та, хватая своего спутника за рукав. – Не хватало еще на охрану нарваться.

– Погоди... Взяла?

– Взяла-взяла, не бойся. Теперь точно отыграемся.

Парочка почти бегом скрылась за поворотом. Ольга почти не сомневалась, что пробрались они на кафедру через дверь черного хода, где постоянно курили санитары. Значит, просто забыли замкнуть за собой, как обычно.

Выждав минут пять, Паршинцева вышла из препараторской и осторожно заглянула в оставшуюся приоткрытой дверь кабинета. Сейф был закрыт – значит, у Стаськи имелись ключи.

– Что же мне делать? – вслух подумала Ольга. – Позвонить Нарбусу и рассказать все? Ох, не обрадуется он этому открытию о дочери...

Но выхода не было, и Ольга, вздохнув, набрала номер Валентина Станиславовича.

Нарбус ей не поверил...

Ольга сперва даже решила, что Валентин Станиславович не совсем понимает, о ком и о чем говорит ученица. Она снова пустилась в объяснения, но тут же была прервана гневным возгласом:

– Замолчите, Паршинцева! Я вам верил, как никому, а вы посмели... да как вы могли... Стася... она моя дочь! Если вам нужны были деньги, то можно просто попросить, и я не отказал бы! А вы клеветеете на невинного человека, чтобы прикрыть себя!

Не в силах поверить в то, что эти слова говорятся ей, Ольга чуть отвела телефон от уха и недоуменно посмотрела на зажатый в руке аппарат, бормотавший голосом любимого учителя. Нарбус обвинял ее в краже денег, о которой она же сама только что ему и сообщила...

– Вы разочаровали меня, Паршинцева! – бушевал меж тем Валентин Станиславович, и Ольга вдруг четко поняла: еще пара минут – и он предложит ей покинуть кафедру. Вот ужас-то... – Я не хотел бы видеть вас прямо с завтрашнего дня, – громыхнул Нарбус. – Потрудитесь сделать так, чтобы мы не столкнулись в коридоре, – и он бросил трубку.

Ольга сжалась в кресле за своим столом, на котором лежал ее дневник, записи, протоколы вскрытий, данные из которых она заносила в компьютер для будущей диссертации. Все напрасно – эту работу она уже не напишет, Валентин Станиславович не позволит. Зачем, ну зачем она позвонила?! Ведь понятно – он отец и не хочет слышать такую правду о любимой дочери.

Вздыхнув, Ольга принялась собирать свои вещи в подвернувшийся в ящике стола полиэтиленовый пакет. Собрав все, Паршинцева свернулась калачиком на кушетке и задремала.

Будильник в телефоне заголосил в шесть пятнадцать – ей как раз хватило времени, чтобы умыться и исчезнуть с кафедры до того, как там появится доцент.

Оказавшись на улице, Ольга зажмурилась – ночью шел снег, и с утра его еще не успели окрасить копотью машины и истоптать люди. Было еще очень рано, навстречу ей попадались лишь редкие бедолаги, вынужденные в мороз спешить на работу затемно. Ольга поправила капюшон куртки и пошла к автобусной остановке, на ходу поправляя сползающий с плеча ремень сумки, а второй рукой прижимая объемный пакет, набитый ее личными мелочами, скопившимися за время работы на кафедре. Теперь нужно было думать, что делать с

интернатурой и с теми материалами, что она уже начала потихонечку собирать для будущей диссертации – мечтала поступить в аспирантуру и заниматься научной деятельностью. Нарбус приложит все усилия, чтобы Ольга не вернулась на кафедру, и его слово, разумеется, будет весомее ее – тем более что сама Ольга ни за что не станет объяснять истинную причину. Выносить на всеобщее обозрение патологическое пристрастие дочери Валентина Станиславовича к игровым автоматам она считала неприличным. Но в этом случае ей придется выдержать обвинения в краже – и неизвестно еще, не закончится ли это все уголовным делом.

Идти домой совершенно не хотелось, денег на кафе не было. И тут Ольга почему-то подумала о Саше Сайгачевой. Судя по последней встрече, у нее тоже что-то происходило – уж слишком расстроенной и растерянной показалась она Ольге во время последней встречи.

«А поеду-ка я к ней, – решила Ольга. – Мне бы выговориться, а Александра, кажется, человек надежный – расскажу ей, вдруг что-то посоветует?»

Александра

Я только что вышла из ванной – у меня сегодня не было занятий, законный «библиотечный» день, а потому я позволила себе встать попозже. Ольгин звонок застал меня врасплох, но в голосе приятельницы послышалось что-то такое, что заставило сказать – да, приходи, конечно. Будучи в принципе отзывчивой, я почувствовала, что Ольге необходима какая-то помощь или хотя бы просто доброе слово. Да мне и самой хотелось поговорить о муже, тревога за которого не выпускала из своих лап ни на секунду.

Ольга возникла на пороге с большим пакетом под мышкой, с коробочкой пирожных из кулинарии в соседнем доме.

– Возьми-ка, – пробормотала она, сунув мне коробочку. – Черт, ручки не вынесли, – огорченно констатировала, разглядывая оторванные ручки пакета. – Такой мороз...

– Ты замерзла?

– Ужасно! – призналась Ольга, растирая руками уши и лицо. – Не рассчитывала вчера, что с утра придется домой топать...

– Сейчас я чайник поставлю, будешь отогреваться. И мед у меня есть, надо обязательно, чтобы не простудиться. – Я направилась в кухню. – Ты проходи пока, в кухне тепло.

Ольга двинулась вслед за мной, забралась с ногами на высокий стул у барной стойки и поежилась – ее ощутимо знобило. Немного отогревшись, она начала внимательно присматриваться ко мне. Вид приятельницы меня тоже не радовал, как, очевидно, и ее – мой. Лицо Ольги выглядело необычно бледным, под глазами залегли тени.

– Оля, ты не заболела? – осторожно спросила я, чувствуя, что, кроме недомогания, Паршинцева еще и раздражена чем-то.

– Похоже, что так.

Я села напротив, подвинула Ольге чашку, нехарактерно для уклада нашего дома европейскую – большую, цветастую и на блюде. Паршинцева хмыкнула, видимо, отметив про себя это – во время прежних визитов чай всегда подавался в крошечных бочонкообразных японских чашечках – на два глотка.

– А что болит?

– Да вроде и не болит ничего, а вот слабость какая-то. – Ольга вздохнула, а я потянулась к закипевшему чайнику.

– Ты мед в чай положи, так лучше будет.

Ольга послушно потянула к себе пиалку с медом.

– Саш... – нерешительно проговорила она, наблюдая за тем, как золотисто-янтарная густая масса медленно стекает с ложки в чашку. – Мне бы поговорить, посоветоваться...

– Говори, – я пожала плечами, про себя отметив, что оказалась права – у нее случилось что-то, и дело не в простуде.

Ольгу что-то глодало изнутри, я уже успела довольно неплохо изучить ее привычки и манеру поведения. Обычно Паршинцева излучала энергию, улыбалась и живо интересовалась всем, что происходит вокруг, – даже сейчас внимательно следила бы за тем, как я всыпаю заварку в подогретый глиняный чайник, как развожу кипяток в отдельном кувшине холодной кипяченой водой, чтобы температура воды была около семидесяти градусов, задавала бы вопросы. А Ольга сидит растерянная и вялая.

– Понимаешь... тут такое дело... я сегодня дежурила в морге, задремала на кафедре и проснулась от шума... – начала она, собравшись с мыслями. – Думала – лаборантка что-то забыла, а это оказалась дочка Нарбуса.

– Стаська? – Дочь Валентина Станиславовича я довольно неплохо знала, она частенько крутилась в морфологическом корпусе, где

располагались кафедры нормальной и патологической анатомии и судебной медицины.

– Да. Но дело в том, что я видела, как она вместе с каким-то типом взяла из сейфа деньги, которые Нарбус утром за статьи какие-то получил.

– Однако... – протянула я, удивившись.

– Да... а я, идиотка, звонить Нарбусу побежала – мол, так и так, а он мне не поверил... не поверил, обвинил в том, что это я деньги взяла... я! А я никогда... ни разу в жизни... у меня папа военврач был... он бы никогда мне не простил... никогда! – И тут Ольга вдруг заплакала.

– Ну-ну, перестань. – Я подошла и обняла ее за плечи. Ольга вцепилась в меня и плакала, вздрагивая всем телом. Я гладила ее по волосам и чувствовала себя старой, умудренной опытом совой. Мне в жизни пришлось пережить столько, что слова доцента Нарбуса не казались мне такой уж большой проблемой. Но это мне – а Ольга вот восприняла это как трагедию. Хотя... Ведь Валентин Станиславович выгнал Ольгу с кафедры и наверняка сделает все, чтобы она не смогла восстановиться и закончить работу, которую, как я знала, та писала с увлечением. Я была уверена в том, что все обстояло именно так, как она рассказала мне, и никаких денег из сейфа Ольга не брала – будучи девушкой неглупой и с принципами, она ни за что не решилась бы на подобное. Она как-то рассказывала мне о своем отце, и сейчас я могла прозакладывать голову – воровство в их доме считалось первейшим преступлением, равно как и предательство. Так что Нарбус был сто раз не прав, обвиняя Паршинцеву в этом.

– Оль, ты погоди рыдать. Может быть, я с ним поговорю? – предложила я, понимая в душе, что, во-первых, Нарбус вряд ли станет меня слушать, а во-вторых, гордая Ольга наверняка сейчас откажется.

Так и вышло. Мгновенно прекратив плакать, Паршинцева распрямилась на барной табуретке и проговорила:

– Ты что! Спасибо, конечно, но мне никогда и никто протекций не составлял!

– Я не предлагаю протекцию. Я предлагаю просто... – Но она мягко перебила:

– Сашенька, спасибо тебе, но не нужно. Я должна сама ему доказать. Сама!

И это мне понравилось. Честно говоря, на месте Ольги я вела бы себя так же.

Мне вдруг стало жаль ее. За время нашего общения я успела сделать определенные выводы и немного узнать и понять эту девушку. Работа на кафедре была для Ольги мечтой, которая теперь повисла на волоске. Характер Нарбуса был притчей во языцех – Валентин Станиславович, как говорится, имел хорошую память и часто злился, хотя так-то не был злопамятным. Следовательно, рассчитывать на его благосклонность Ольга теперь вряд ли могла, коль замахнулась на святое – любимую дочь доцента. Странное дело – о пристрастии белокурой Стаськи к игровым автоматам знали многие, даже я собственными глазами несколько раз видела ее выходящей из небольшого зальчика неподалеку от академии, а сам отец каким-то непостижимым образом пребывал в блаженном неведении. Или родители так слепы в отношении собственных чад? Ведь и мой папа почти до самой смерти брата Семена не подозревал о его гомосексуальных наклонностях. Наверное, так и есть – мы охотно видим недостатки в ком-то, упорно закрывая при этом глаза на то, что творится с нашими близкими. Или просто не желаем этого знать.

Мне очень хотелось помочь Ольге, но пока я даже приблизительно не представляла, как это сделать. Как-то уж слишком много неприятностей свалилось на мою голову в один момент. Если бы рядом был муж, то, безусловно, было бы в разы легче, но, увы, сейчас именно сам Сашка являлся основным источником моей головной боли. Папа как раз недавно позвонил, поинтересовался его делами – Соня, видимо, рассказала о «командировке», но, разумеется, мой отец был не из тех, кто верил в подобные сказки. Что тут думать – я приехала рано утром, наскоро сунула ребенка домработнице, не зашла к родителю, чего за мной не водилось, а потом и вовсе отключила телефон. Мне удалось кое-как отговориться и успокоить папу, но ведь ясно же, что это ненадолго.

Сумбур в голове доводил до отчаяния, хотелось заплакать, но расслабляться на глазах у Ольги я не хотела, а потому потянулась к чайнику с заваркой, который не смогла удержать в задрожавшей вдруг руке и уронила на пол.

Огромная коричневая лужа растеклась по бежевому кафельному полу, я мгновенно переключилась на нее, захлопотала, собирая

осколки, но Ольга, прыгнув с табурета, заставила меня отвлечься:

– Погоди минутку, лужа не утечет.

– Ну?

– Саш... а у тебя самой точно все в порядке?

И тут я неожиданно для себя вдруг разговорилась. Рассказала Ольге обо всем – о пропаже меча, об аресте Акелы по нелепому обвинению. Когда я замолчала, Паршинцева, опустив глаза, вдруг пробормотала:

– Неужели это правда?

– Ты мне не веришь? – изумилась я.

Ольга

– Ты мне не веришь? – Саша смотрела изумленно, глаза ее светились чуть ли не гневом – видимо, она не привыкла, чтобы ее слово подвергалось сомнению.

Ольга молчала. Внутри у нее было пусто и холодно. Похоже, она в своих подозрениях оказалась права, и Карепанов неожиданно решил прислушаться. Все сходилось: характер повреждений на трупах, социальный статус жертв, пропавшие головы – все это говорило о том, что убийцей был человек, хорошо знакомый с кодексом самурая и владеющий не только техникой боя на мечех, но и самими мечами. И Сайгачев вполне подходил под это определение. Даже слишком – полон дом оружия, замкнутый образ жизни, странный для обывателя уклад, нелюдимый тяжелый характер. Но что-то все-таки заставляло Ольгу думать, что Александр Михайлович здесь ни при чем. И всплыла еще Сашина фраза о пропавшем мече. Хотя, если допустить, что Сайгачев убийца, то этот меч он сам мог запросто спрятать где-то.

«Бедная Сашка – как же она теперь будет? Ведь если это он, его надолго посадят. А у них ведь ребенок. И как она будет жить здесь, если станет известно, что ее муж – убийца? А ведь это сразу станет известно... Да ее местные кумушки – а таких в каждом доме штук пять имеется – живьем съедят... Хотя Сашка не слабая, она за себя постоять-то сможет, не будет молчать и плакать».

Собственные проблемы с интернатурой и диссертацией сразу ушли на второй план. Ольга почему-то вдруг снова увидела в Саше обиженную маленькую сестренку, которую ей всегда хотелось иметь. И теперь она испытала потребность оградить Александру от грядущих неприятностей. Верить в то, что ее муж мог так хладнокровно убивать

безоружных и не представляющих опасности бомжей, Ольга не желала. Но в конце концов, даже если допустить, что это правда, Сашка с Сонечкой тут все равно ни при чем. И они нуждаются в помощи.

– Саш, ну разберутся же, – успокаивающе произнесла она. – В конце концов, зачем тогда следствие?

Ей очень хотелось рассказать Саше о том, что она сама знала по делу об убитых бомжах, но Ольга понимала, что делать этого никак нельзя. Саша решит, что она специально втерлась в их семью, чтобы получить какую-то информацию. И кто знает, поверит ли она объяснениям, сможет ли понять Ольгины мотивы. Ведь даже сейчас в голове у Паршинцевой скреблась как мышка мысль о том, что теоретически Сайгачев может быть виновен в этих убийствах.

Александра

После Ольгиных слов о том, что «следствие разберется», мне стало совсем тоскливо. Уж кто-кто, а я доподлинно знала, как бывает... Но не рассказывать же Ольге о том, что я знаю. Поэтому я только вздохнула:

– Ты чай пей, что-то лицо у тебя красное совсем, не заболела? – Дотянувшись ладонью до ее лба, как обычно проверяла температуру у Сони, я ощутила, как пылает кожа. – Оль, давай-ка градусник поставим, не нравишься ты мне. Идем.

Я заставила ее подчиниться и пойти за мной в Сонину комнату, уложила там на кровать и сунула под мышку термометр.

– Ты полежи, отдохни, все равно ведь никуда не торопишься? Я так понимаю, радовать маму сюрпризом до праздника не станешь? – Я укрыла Паршинцеву, свернувшуюся в клубок, теплым мягким пледом и присела на край кровати.

Ольга благодарно улыбнулась:

– Я тебя не очень стесню сегодня? Не хочу маму огорчать, она так переживает...

– Ну, так позвони, скажи, что переночуешь у подруги, после работы, мол, с кафедры прямо и поедешь.

– Д-да, я только... посплю чуть-чуть... и сразу... – забормотала она, закрывая глаза.

– Конечно, поспи. Я сейчас одна.

Закрыв дверь в детскую, я побрела в собственную спальню. Машинально начала разбирать вещи в большом шкафу, хотя там и так все было в идеальном порядке. Внезапно рука нащупала что-то кожаное, похожее на футляр. Я потянула находку к себе и с удивлением обнаружила в небольшом чехле собственные ключи от мотоцикла. Странно, мне казалось, что Сашка носит их на своей связке – он ведь категорически запретил мне приближаться к байку. Разглядывая находку, я чувствовала, как в душе что-то зашевелилось, что-то тревожное, но имеющее огромное значение для меня, для Акелы. Да, точно... Ключи! Галя сказала, что так и не нашла ключи от нашей квартиры. Не нашла... а точно помнила, что они были всегда в сумке. В последний раз она пользовалась ими достаточно давно, несколько раз приходила, когда я была дома и отпирала ей двери сама. Следовательно, ключи пропали сто лет назад. И вот здесь могла быть разгадка исчезновения меча! А мне теперь позарез нужен Никита – мой бывший телохранитель и наперсник в тех делах, которые я хотела скрыть от отца и мужа. Никита, так здорово помогавший мне в решении некоторых вопросов... Удивительно, что я раньше не подумала о нем!

Закрыв шкаф, я сунула ключи от мотоцикла в валявшуюся на полу у кровати сумку и взяла со стула джинсы. Моя привычная жизнь рушилась, а на смену ей возвращалось прошлое – то самое, в котором я была не примерной женой, матерью и преподавателем анатомии, а способной на любые авантюры Сашей Гельман, дочерью крупного криминального авторитета Фимы Клеща, отчаянной мотогощицей и неплохим снайпером, кстати. Черт, как же долго я не была такой...

На цыпочках я прошла в детскую, где крепко уснула Ольга, вынула термометр, показывавший тридцать девять градусов, плотнее подоткнула плед, чуть сползший с ее плеч. Вырвав из лежавшего на столе альбома лист, наскоро накидала на нем записку, в которой просила Ольгу непременно дожидаться меня и принять лекарства, которые я оставлю на барной стойке, пристроила записку так, чтобы проснувшаяся Паршинцева сразу заметила, и вышла в коридор.

Ключи от Сашкиного джипа висели под его старой курткой на вешалке, я сунула связку в карман и вышла из квартиры.

Акела

Старый Моня протирал очки клетчатым носовым платком и расхаживал по маленькой комнате для допросов, тяжело вздыхая.

– Как тебя угораздило-то? – Он развернулся к откинувшемуся к стене Акеле, сидевшему за столом. Руки его были закинута за голову, глаз закрыт, казалось, что он спит, хоть и реагирует на происходящее вокруг.

– Моня, ты не понял, да? Я не делал этого. Из квартиры пропал меч. Кто-то косит бомжей, имитируя старинный обычай изготовления бундори.

– Так, Акела, ты мне голову не забивай этой своей самурайщиной, – поморщился адвокат. – Я в этом не разбираюсь и не хочу. Ты другое мне лучше скажи – кто мог? Кому понадобилось красть меч? Почему у тебя? Почему именно этот?

– Как думаешь – знай я это, разве сидел бы сейчас здесь? – Акела устало опустил руки на колени и глянул на адвоката.

Моисей покачал плешивой седой головой и по-отечески произнес:

– Ты, Акела, гордыню свою сейчас спрячь покуда. Посадят – куда Санька с девчонкой денется? Выкладывай, что думаешь, а мы с Фимой обмозгуем.

– Аля знает, что ты здесь? – вместо ответа спросил Акела, и Моисей хмыкнул:

– Нет пока! Твоя Аля – чистый уксус, правильно Бесо говорил. Делает вид, что ничего не произошло, Фиме ни слова, будто ты на семинар какой-то свой опять уехал. А Галина приехала – говорит, в квартире шмон был не шутейный, весь вечер убиралась, а Санька в это время с девчонкой по магазинам шлялась, плела той что-то про твою командировку. Как думаешь – много надо было ума иметь, чтобы догадаться, где тебя искать? Да и про бомжей этих разрубленных трубят всюду. Вот Фима и решил – езжай, Моня, посмотри, что там как, а Саньке покуда не скажем, поглядим, что делать станет.

– Вы чего ждете? Что она выкинет опять какой-то финт? – негромко, но зло спросил Акела, сжимая кулаки. – Вы ведь оба знаете, на что она способна! Я ее два года отучал, два года вытравливал из нее это!

Моня опять покачал головой:

– Фима ей отец. И лучше понимает, как надо. Не волнуйся, присмотрят за ней. Лучше давай о деле разговаривать, а то попрут

меня отсюда скоро.

Обсудив все, что его интересовало, адвокат собрался уходить, но на пороге задержался:

– Ты Саньку-то хочешь увидеть?

Акела колебался пару секунд. Желание увидеть любимую женщину и нежелание расстраивать ее тюремным пейзажем боролись в нем. Победило первое, и он кивнул.

– Хорошо, сделаю. И это... попроще, Акела, ладно? – попросил Моня. – Вид у тебя...

Акела только хмыкнул в ответ.

Александра

Валил снег – крупными хлопьями ложился на деревья, крыши и асфальт. Предновогодняя истерия захватила город и его жителей, магазинные витрины переливались огоньками гирлянд, тут и там попадались Деда Морозы со Снегурочками, спешившие на заказ к чьим-то детям. Раньше подобное можно было увидеть только в голливудских фильмах о Рождестве, а сейчас сцены из них словно переместились на российские улицы, и даже наш небольшой городок не стал исключением.

Я поежилась, спрятала руки в карманы полушубка – как обычно, забыла перчатки – и быстро перебежала дорогу, направляясь в сторону автостоянки.

Джип занесло снегом, и мне пришлось довольно долго работать скребком и щеткой, чтобы очистить стекла. Сев за руль, я на пару секунд потеряла самообладание – в салоне почти неуловимо пахло Сашкиной туалетной водой, а на панели был укреплен небольшой самурай в полной боевой амуниции и с высоко поднятым в замахе мечом-тати. Как раз такой меч пропал из нашей квартиры.

Мысли о Саше заставили меня собраться. Я должна помочь ему доказать, что он непричастен ко всем этим жутким убийствам. Нельзя обвинять человека только на основании того, что его увлечения и образ жизни отличаются от общепринятых. Ведь даже мой отец, будучи не последним человеком в криминальном мире нашего региона, и то не подвергался преследованию со стороны правоохранителей, а здесь, когда в деле столько неясного, когда нет главного – мотива, нет улик, – моего мужа запросто упрятали в СИЗО. Нашли хладнокровного убийцу!

Заведя двигатель, я двинулась в сторону выезда из города. Конечно, я могла бы позвонить Никите и попросить приехать ко мне, но в квартире была Ольга, а в папином доме полно укромных уголков. Да и по Соне я соскучилась.

Джип слушался меня плохо – вот не зря говорят, что машина «чувствует», когда не хозяин за рулем. Я злилась, ехала тяжело, медленно, да плюс еще гололед за городом, а Сашка не признавал шипованной резины, прекрасно владел навыками экстремальной езды, а потому считал эти премудрости лишними. Добравшись наконец до папенькиного дома, я с облегчением бросила ключи охраннику и даже не стала сама загонять машину во двор, до такой степени устала по дороге.

Отца и Соню я застала в каминной. Сидя прямо на полу, они играли в домино. Оба с увлечением подбирали по очереди картинки с ягодами, и папа выглядел едва ли не ровесником Сони – настолько азартно играл и ничего не видел вокруг.

– И вам здрасьте! – устав быть незамеченной, проговорила я, и оба тут же повернули ко мне головы:

– О, мама!

– Санька приехала! – сказали чуть не хором и расхохотались, подмигнув друг другу.

У меня немного потеплело на душе – мирная картина в каминной как-то отодвинула на второй план неприятности, а вид довольной и беззаботной дочери всегда меня успокаивал.

– Что-то жарко тут у вас, – пробормотала я, садясь на диван. Дочь моментально оказалась у меня под рукой, просунула кудрявую головенку под локоть и заглянула в лицо:

– Мам, а ты за мной?

– Пока нет.

– О, ура-ура! – обрадовалась она и захлопала в ладоши. – А то мы с дедом собирались вечером на елку ехать.

Я перевела взгляд на отца, и тот хмыкнул:

– Ну, тебе же все не до того. А ребенку развлечения нужны, праздник все-таки. Повезу ее на центральную елку, там, говорят, горки сумасшедшие залили.

– Ага – давай еще, чтобы Сонька себе чего свернула!

Папа смерил меня взглядом и с сожалением протянул:

– И когда это я проплепал момент, что ты такая тугая стала? Неужели же я ребенка с горки одного запущу?

– А что – сам полезешь? – парировала я, обиженная эпитетом «тугая».

– А то у нас народу мало, ага! – ехидно отозвался папа. – Возьмем вон пацанов помоложе, да и покатаемся, правда, Сонюшка?

– Ага! – хитро прищурилась Соня, глядя на деда. – А то ты, деда, старенький, можешь рассыпаться.

Мы с папой закатились от смеха – никому в голову не приходило напоминать ему о возрасте, а вот внучка делала это запросто.

Улучив момент, когда они снова увлеклись домино, я выскользнула из каминной и направилась в дом, где обычно находилась вся папина охрана. Из Никитиной комнаты доносились звуки гитары – я знала, что Никита неплохо играл, хоть и не пел, стеснялся. Постучав, я вошла и тут же была встречена радостным:

– Александра Ефимовна, да вы ли это?!

– Я ли. Давно не виделись. – Я с удовольствием обняла огромного телохранителя и потрепала по рыжим волосам. – Соскучилась.

– Ох, чует мое сердце – что-то здесь нечисто, – хохотнул телохранитель.

– Н-да? С чего бы?

– А вы сами посудите. – Никита усадил меня в кресло у окна, сам выдвинул на центр комнаты стул и, развернув его спинкой ко мне, оседлал. – С утра Моисей Израилевич приезжал, сидели с хозяином в кабинете долго, потом он уехал. Совсем недавно снова приезжал, что-то опять обсуждали. Потом вы вдруг являетесь – безмерно вдруг соскучившись, хотя до того и думать обо мне забыли. Так что, Александра Ефимовна? Погорели на чем-то?

– Погоди-ка... дядя Моня, говоришь, два раза приезжал? – игнорируя наезд-вопрос, протянула я. – И с папой в кабинете запирался? А ведь дело плохо, Никитка...

– В каком смысле?

– В прямом. Папа знает, что Акела в СИЗО.

– Акела – где?! – телохранитель подался вперед, едва не свалившись со стула, и даже присвистнул.

– В СИЗО. По обвинению в серии убийств бомжей с применением холодного оружия. – Я вздохнула и вытянула из его пачки сигарету.

Никита хлопал глазами и выглядел растерянным, да это и понятно. Он очень уважал моего мужа, знал, что у того железные принципы, от которых Акела не отходил ни на миллиметр, и известие о нелепом обвинении тоже неприятно удивило его. Докурив сигарету, я сунула окурок в пепельницу-машинку, закрыла «капот» и спросила:

– Ну, какие варианты? Налет на СИЗО, разумеется, отмечаем.

– Да не смешно совсем, Александра Ефимовна, – отозвался он. – А попробуем что-то сами нарыть. Савку привлечем?

Никитин брат-близнец Савва работал в частном детективном агентстве и однажды здорово выручил меня. А теперь любая помощь грамотного человека была очень кстати.

– Звони, – решительно сказала я, сунув ему мобильный. – Встретимся с ним в городе, собирайся, поехали.

– А отцу что скажете?

– Это не твоя забота.

Я вылетела из дома охраны и застопорилась на крыльце. Никита был прав – отцу нужно что-то сказать и при этом увернуться от разговора об Акеле, а это сложно. Я-то надеялась, что смогу оттянуть этот момент, но папа меня опередил и все узнал без моей помощи. Как я не подумала о Гале, боже мой! Разумеется, приехав к папе на следующий день после обыска, она тут же и выложила все, о чем догадалась, а мне ведь и в голову не пришло попросить ее не делать этого. Просто не до того было. И теперь врать отцу бесполезно, а вот за то, что не сказала сразу, он будет сильно гневаться и даже ногами топать – как пить дать. Я, конечно, не из пугливых, однако папин рев – это всегда неприятно. И лучше бы вообще сегодня обойти эту тему – ну не могу я сейчас растрачивать нервные клетки. И я приняла, как мне показалось, единственно правильное решение. Прыгнув в джип, я набрала отцу на мобильный и затараторила что-то на тему срочного вызова на кафедру. К работе моей папа относился с уважением, очень гордился тем, что я кандидат медицинских наук, что преподаю в академии, а потому эта версия моего спешного отъезда должна была вызвать у него минимум вопросов.

Я дождалась Никиту на выезде из поселка – он бежал, поскользываясь на обледеневшей дороге, и полы черного пальто метались за его спиной, как огромные мягкие крылья. Рыжий ворон...

Запрыгнув на переднее сиденье, он потер уши руками и выдохнул:

– Едва ушел. Сказал старшему, что брат позвонил.

– Не спалимся мы с тобой, а? – с сомнением в голосе протянула я, понимая, что если папа обнаружит мой визит в дом охраны, а потом и срочный отъезд Никиты, то вполне может догадаться, что уехали мы вместе.

– Не должны. Я сегодня вообще-то выходной, да задержался вот с утра, а потом Славку подменил, ему с машиной надо что-то там сделать было.

– Ты позвонил?

– Да, Савка нас будет ждать в кондитерской «Макарон и капучино».

– Все-то с подвывертом у вас! – фыркнула я. – А нельзя было просто в какой-нибудь «Чайной чашке», например?

– Нет, Александра Ефимовна, «Чайная чашка» – это банально. А вот «Макарон и капучино» – самое то. Да и вкусно там, чего уж.

Никита и Савва были самыми большими сладкоежками, которых я когда-либо видела. Ладно, мне-то, в принципе, какая разница, где разговоры разговаривать?

– Никита, а ты за руль не сядешь, а? Не могу я с этим броневиком управиться, тяжелый он для меня.

Ольга

Все тело ломило, казалось, каждая косточка начала жить отдельной жизнью и выкручиваться в ту сторону, в какую ей заблагорассудится. Простудные заболевания всегда сопровождалась у Ольги такими симптомами, а потом еще присоединялись судороги, так пугавшие маму. Открыв глаза в незнакомой и явно детской комнате, Ольга не сразу поняла, где находится. И только альбомный лист, исписанный торопливым почерком, вернул ее к действительности. Она же так и уснула на кровати маленькой Сони в квартире Сайгачевых...

С трудом сев, Ольга потерла руками виски.

– Черт, как не вовремя я простудилась... Может, еще успею задавить, так сказать, в зародыше? – пробормотала она, спуская ноги на пол.

В кухне на барной стойке нашлись обещанные Сашей в записке лекарства, и Ольга чуть воспряла духом. Щелкнула кнопкой чайника, с удивлением отметив, что он какой-то неизвестной ей модели – с градуированной шкалой температур.

– А, ну точно, зеленый чай вроде заваривают семидесятиградусной водой, а не кипятком же, – пробормотала она, высыпая содержимое пестрого пакетика в чашку. – Так-с, сейчас заправимся импортной отравой – и порядок, мне это всегда помогает.

Для верности она добавила в чашку еще и пару ложек меда, а потом, залив все кипятком, пошла в комнату Сони и снова забралась под мягкий плед. Горячее питье с медом разморило Ольгу довольно быстро, и она опять задремала.

Мобильный телефон запиликал, и Ольга с трудом разлепила тяжелые веки.

– Алло, – охрипшим голосом выдавила она в трубку.

– Оленька, а что с голосом? – Михаил говорил обеспокоенно, и Ольге вдруг стало приятно, что он беспокоится о ней.

– Я немного простыла.

– Может, тебе нужно что-то привезти? Какие-то лекарства?

– Нет, Миша, спасибо, не нужно, все есть. Я у подруги сейчас, домой вечером поеду.

– А я тебе звоню сказать, что не смогу с тобой Новый год отметить, – огорченным голосом сообщил Михаил. – Понимаешь, мама заболела, и мне не очень удобно оставлять пожилую женщину одну в таком состоянии. Придется ехать к ней, хотя это и не очень удобно, все-таки в другом городе живет. Но я на несколько денечков к ней, вернусь к концу праздников, и потом мы непременно увидимся, – пообещал он расстроенной Ольге. – Я тут рекламу увидел – будет большая выставка самурайского оружия. Тебе ведь интересно, да, Оленька?

– Конечно, – она постаралась скрыть разочарование.

– Тогда я тебе накануне позвоню, хорошо? Ты поправляйся.

Положив трубку, Ольга вдруг задумалась. Михаил раньше не упоминал о том, что у него есть мама – ну, разумеется, подразумевалось, что она есть, но никогда он не выражал беспокойства по поводу ее здоровья, например. «Интересно, он мне правду сказал или нет? Может, просто решил красиво отделаться от меня на Новый год? Так я и не навязывалась вроде бы».

Думать так о Михаиле было неприятно, но внутри шевелилось какое-то неясное чувство обиды. Решив не расстраивать себя, Ольга побрела в кухню за очередной порцией чая с медом и таблеток.

Проходя мимо катана-какэ с мечами, она вдруг почему-то задержалась и уперлась глазами в маленький меч-танто. Не понимая еще зачем, Ольга вдруг сняла его с подставки и провела пальцем по рукоятке. Желто-золотистая яшма будила какие-то воспоминания, но Ольга никак не могла понять, где именно видела похожий камень. И вдруг...

– О, черт... – пробормотала она, словно увидев кадр из фильма. Ее собственная ладонь, а на ней – точно такая же «пуговица» из желто-золотистой яшмы, только большего размера, а рядом, у ног – обезглавленный женский труп. – Черт... да ведь это же... но тогда... – Взгляд девушки уперся в пустые выемки на катана-какэ. – Должен быть еще один меч... еще один – как раз больше этого... Неужели...

Забыв про чай, Ольга бросилась в комнату за мобильным и набрала номер Карепанова:

– Борис Евгеньевич, это Оля Паршинцева. Помните, мы под женским трупом нашли кусок обработанной яшмы? Знаете, что это? Это не украшение! Вернее, украшение, но не брошка! – затараторила она, словно боялась, что оперативник ее перебьет. – Этот камень выпал из рукояти меча! Я сейчас держу в руках второй меч из этой пары!

– Так, стоп, погоди, – велел Карепанов, у которого быстрая Ольгина речь, видимо, вызвала неприятное ощущение. – Так ты что же, выходит, у этого самого Сайгачева японским занималась?!

– Да. А вы откуда...

– А жена его при обыске упоминала имя ученицы, я еще подумал – надо же, как тебя зовут. А это, выходит, ты и была. А что сейчас ты делаешь в его квартире?

– Я с его женой хорошо общаюсь, она сейчас к отцу уехала, а я тут пока.

– Ты это, Паршинцева... – вдруг понизил голос Карепанов. – Аккуратнее бы там... Отец-то у нее знаешь кто? Криминальный авторитет Фима Клещ – может, помнишь, пару-тройку лет назад на него два покушения было совершено? Все газеты трубили, все каналы местные. Так вот муж ее, Сайгачев этот, был в то время правой рукой Фимы, и кличка у него – Акела. Наемник он, хоть и не доказано за ним ничего.

– А раз не доказано, то вы ведь и права не имеете! – неожиданно для себя взревела Ольга, оскорбленная почему-то сплетническим

тоном оперативника. – Любой юрист знает: пока нет решения суда – никто не имеет права...

– Заговорила! – рявкнул в ответ Карепанов. – Я тебя предупредил! А ты мне звонишь сейчас потому, что нашла улику – прямую улику, доказывающую причастность Акелы к убийствам бомжей! Так что не читай мне тут моралей и убирайся от греха подальше из этой хаты! – с этими словами Карепанов швырнул трубку.

Ольга опустила на низкую тахту и обхватила руками голову. Вот, значит, как все обстоит на самом деле... Выходило, что Саша не совсем обычная преподавательница, а Александр Михайлович и вовсе связан с криминалом. И именно потому, возможно, он не сразу согласился обучать ее. Хотя... согласился ведь. Как там Карепанов сказал – «не доказано за ним ничего»? В голове начался полный сумбур, и Ольга захотела оказаться дома, в собственной комнате, в своей постели. Решив не дожидаться Сашу, она наскоро оделась и, взглянув на часы, поняла, что уже вполне может появиться дома и не вызвать у мамы ненужных вопросов.

Александра

Маленькая, но очень уютная кофейня «Макарон и капучино» спряталась в тесном переулке, отходившем от главной городской магистрали. В подвале старого дома «сталинской» постройки предприимчивый хозяин сделал отличный ремонт, не постеснявшись при этом содрать стиль оформления из французских кинофильмов. Подобное кафе-бистро я видела в Питере, и оно мне настолько понравилось, что потом еще долго снилось ночами. Оказывается, и в нашем городке можно было при желании отыскать нечто подобное. Вот Савва с Никитой и отыскали.

Савва ждал нас на мягком бордовом диванчике в самом углу заведения. Над его столиком горел бордовый же абажур, в пепельнице дымилась сигарета, а перед Саввой стояла чашка капучино и тарелочка с фирменными пирожными-макаронами. Было их, как я успела подметить, ровно восемь штук. Интересно, как это Савва собирает их съесть – в таком-то количестве? Пирожные эти приторно-сладкие, и лично у меня хватало духу только на два, и то если фисташковых, а на его тарелке – и шоколадные, и малиновые, и ванильные... словом, весь набор.

– Здравствуйте, Саша. – Савва, в отличие от брата, не обращался ко мне по имени-отчеству, считая подобную формальность излишней, и я это только приветствовала. – Рискнул и для вас тоже заказ сделать.

Я не успела открыть рот, чтобы съехидничать на тему его аппетита и моих скромных в этом плане возможностей, но тут появилась официантка в белом длинном фартуке, повязанном на черные свободные брюки и белую накрахмаленную рубашку. Передо мной на столе возникла чашка капучино с густым коричневым рисунком в виде снежинки поверх белой пены, блюдец с двумя фисташковыми пирожными, а перед Никитой – большая кружка черного чая с лимоном и такая же порция пирожных, как у брата.

– Интересное дело... – протянула я, когда официантка отошла от нас. – Как ты догадался, что я ем только фисташковые?

– Ну, обижаете, мадам! Я все-таки детектив – какой-никакой, – хохотнул Савва.

– Прости, забыла. – Я тоже рассмеялась. С этими двумя мне было очень легко и приятно общаться – парни обладали прекрасными характерами, отличным чувством юмора и вообще были людьми интересными.

Мы какое-то время уничтожали пирожные и пили кто кофе, кто чай, а потом Савва спросил:

– Ну, может, по делу поболтаем? А то мне сегодня еще по одному заказу нужно проехать.

Я выложила все, что мне было известно по делу мужа, добавив свои собственные умозаключения. Савва терпеливо слушал, изредка делая какие-то пометки в блокноте. Никита сидел с отрешенным видом, хотя я точно знала – контролирует каждый угол в этом кафе, как будто у него и на затылке глаза. Папа очень высоко ценил Никиткин профессионализм, а уж мой-то папенька зря никого не хвалил.

– А меч точно пропал? – спросил Савва после того, как я умолкла.

– Точно. Но я заметила это только по ходу обыска.

– А Акела ничего не говорил?

– Нет, и вот это очень странно. Эта пара дайсе ему досталась от первого учителя, они не коллекционные, но хорошие, старые. Думаю, если это был заказ, то вор прокололся – у нас куда ценнее есть экземпляры. – Я закурила.

– То есть вы все-таки думаете, что это кража? Что не сам Акела куда-то меч унес?

– А куда и зачем? Если бы в клуб – то взял бы пару, я точно это знаю, да и была я в клубе, нет там ничего.

– А что-то там сломаться не могло? – продолжал Савва, и Никита хмыкнул:

– Это ж тебе не анекдот про русского и титановые шарики – «один сломал, второй потерял». Как у специалиста может «что-то сломаться»? – передразнил он брата, но Савва только головой покачал.

– Что ты за человек? Если я спрашиваю – значит, надо мне.

– А ведь верно! – вдруг вспомнила я. – На тати – большом мече, который пропал, – на рукоятке было яшмовое украшение, такой полукруглый камень, так вот он выпадал. Но Сашка, кажется, сам его клеил.

– Вот! – Савва победно взглянул на пристыженного брата. – А не мог он все-таки отдать кому-то, чтобы как следует сделали?

Я пожала плечами:

– Нет, вряд ли. Да и нет у нас специалистов, которые разбираются. А там дело очень тонкое, почти ювелирное – шелковая оплетка, нужно под нее заправить, не нарушить ход витков, все такое... Нет, Сашка бы не доверил никому.

– Отработали версию, – пробормотал Савва, черкая по записям в своем блокноте. – Но и это хорошо – одной меньше.

Мы умолкли. Никита жестом подозвал официантку и попросил повторить всем напитки.

– А про ключи вы что-то говорили, – пробежав глазами последнюю страницу записей, спросил Савва. – Ну, что домработница ключи не нашла.

Я пересказала разговор, состоявшийся у меня с Галей. Она действительно не нашла ключи, как ни пыталась сделать это. Ни в сумках, ни где-то в ее квартире связки с нашими ключами не было. Савва долго молчал, покусывая кончик авторучки. Я взяла еще одну сигарету, а Никита все так же вроде бы отрешенно пил чай.

– Да, вот с этим проблемка, – изрек наконец наш детектив. – Она их могла потерять, выронить, их могли у нее из сумки увести...

– Ага – к нашей Гале в сумку только смертник ползет, – фыркнул Никита. – Она свою торбу сроду из рук не выпускает, как будто там

золото партии спрятано.

– Галя – женщина немолодая, – возразила я, хотя доля правды в словах Никиты все же присутствовала, – и ее феноменальное чутье уже могло притупиться. Но, Савва, тогда выходит, что ключ либо вытащил тот, кто меч взял, либо кто-то более опытный – по его заказу, так ведь? Потому что простому вору зачем? Галя не производит впечатления суперобеспеченной женщины.

– Тут вы правы, – согласился Савва, сделав большой глоток кофе и забросив в рот последнее пирожное. – Мне кажется, что за Галей кто-то следил – и не один день делал это. И человек был в курсе, что она работает на вас.

– А что – просто догадаться о существовании дорогой коллекции оружия невозможно? – спросил Никита. – Догадаться – а потом выследить домочадцев и прикинуть, у кого легче взять ключ?

Савва почти с сожалением посмотрел на брата:

– Ну, разумеется! Вон на Александре Ефимовне так и написано – мол, имею коллекцию самурайского средневекового оружия, прошу любить и жаловать! Сам-то понял, что спросил?

Никита чуть смутился.

– Вот-вот, лучше пироженки ешь, не мешай тут, – присолил братец, наблюдая, как он заказывает еще пять штук.

– Если вы собираетесь тут в остроумии упражняться, то продолжайте без меня, – предложила я. – Можно слегка серьезнее отнестись, а?

– Все, мы закончили, – уверил меня Савва и вернулся к записям. – Итак, что имеем – пропавшую связку ключей и какого-то маньяка, которому нужен был самурайский меч. Знаете, Александра, о чем я подумал? А, скорее всего, нужно у Акелы узнавать, кому он настолько грубо дорогу перешел, чтобы человек такой сложный план мести разработал. Ведь если мы не найдем никаких доказательств непричастности Акелы к этим трупам, то ему столько дадут – ахнете. Это ж серия, да еще с особой жестокостью.

Я поморщилась, сунув в пепельницу окуроч:

– Я, кажется, для того здесь и сижу – чтобы ему столько не дали. Акела не идиот, чтобы при всех имеющихся данных вдруг выйти на улицу и начать махать мечом налево и направо! Да вы подумайте сами – с его-то приметной внешностью ведь обязательно нашелся бы кто-то,

кто его видел. Сашку в любой толпе сразу заметно – и рост, и лицо, и глаз! Ну, с какой стати, а? Да и вообще... если ему лично или мне с Сонькой ничего не угрожает, так он и заморачиваться не будет, а тут – бомжи!

– Вы не кричите так, – спокойно осадил меня Савва, и я почувствовала, что на самом деле разошлась и уже практически кричу на все кафе, – я-то это понимаю, и Никита вон – тоже. Но следователям совершенно без разницы степень порядочности вашего мужа. У них есть совершенно четкая информация о том, что он некогда принадлежал к криминальным кругам, и...

– ...и, по-твоему, этого достаточно, чтобы обвинить Акелу в убийствах?! – перебила я, и Савва укоризненно покачал головой.

– Я разве это сказал? Вы так и не умеете выслушать все до конца, Александра, сразу выводы делаете. Так вот. Имея в качестве обвиняемого человека с таким прошлым, как у Акелы, следователям уже не хочется отвлекаться на мелочи. А в этом деле как раз мелочи и сыграют, я это чувствую. Мелочи – ерунда всякая на первый взгляд – вот как пропавшие у домработницы ключи. Поэтому давайте так сделаем. Я займусь ключами, а вы ведь явно на свидание поедете – думаю, что Ефим Иосифович поможет, так уж попытайтесь у Акелы там узнать, с кем он мог так конкретно пересечься, ладно?

Я вздохнула. Даже если папа при содействии дяди Мони устроит свидание с мужем, то Сашка уж точно постарается не сказать мне ни слова и не дать ни малейшего повода для того, чтобы я полезла в это дело. Два года он пытался отучить меня от всех привычек, от мотоцикла и стрельбы, от любви знать все обо всех и не гнушаться любыми методами добывания информации. И вряд ли ему понравится мой интерес к его прошлому. В свое время Акела рассказал мне ровно столько, сколько счел нужным – и не более, и я не задавала вопросов, считая, что так правильно. А теперь я просто вынуждена задавать эти вопросы – потому что только так смогу помочь ему не сесть в тюрьму. Он, конечно, рад не будет, но у меня нет выхода.

Мы разъехались по своим делам, а уже вечером Савва позвонил и сказал мне, что Галя под страшным секретом поведала ему историю о том, как пару месяцев назад у нее из сумки в супермаркете исчезла злосчастная связка ключей. Она подумала в тот момент, что ошиблась, а чуть подтолкнувший ее у кассы мужчина в коричневой дубленке

просто торопился выйти, так как никаких покупок в его руках не было. Но когда через несколько дней Галя не обнаружила ключей в привычном месте, ей стало не по себе. Говорить об этом мне или Акеле она побоялась – надеялась, что найдет, но так и не нашла, и только Савве теперь призналась, что грешит именно на того мужчину в коричневой дубленке.

– Хороший поисковый признак, – протянула я, закуривая сигарету.
– И что делать? Коричневых дубленок в городе столько, что я даже примерно боюсь количество представить.

– Придумаем что-нибудь, – отозвался Савва, хотя уверенности в его голосе как-то поубавилось.

– Ну, буду теперь трясти Акелу – вдруг он что-то вспомнит, – со вздохом откликнулась я и попрощалась.

Спать совершенно не хотелось, я чувствовала какое-то непонятное возбуждение и необходимость двигаться, а потому вдруг взялась за швабру и решила освежить полы в квартире. Зрелище, конечно, весьма забавное – интересно, если бы кто-то из моей бывшей охраны, например, или из компаньонов-байкеров сейчас меня увидел, то что подумал бы? Я сосредоточенно возила мокрой тряпкой по кафелю в коридоре, потом присела на корточки и принялась щеткой промывать плитуса. И вдруг зацепилась рукой за что-то, инстинктивно дернулась и охнула от боли – содрала кожу на боковой стороне ладони. Зажав рану второй рукой, я заглянула за угол шкафа, в котором хранилась верхняя одежда, и охнула от удивления – там, между стеной и деревянной поверхностью мебели лежала связка ключей на брелоке, длинный ключ от домофона и поранил мне ладонь.

Ольга

Ольга не рассказала Михаилу о том, что ей пришлось уйти с кафедры. Она вообще ничего никому не сказала – в том числе и маме. Не хотела ее огорчать перед праздником, а потому оставшиеся дни проводила у Саши, делая утром вид, что уходит на работу.

Вот и сегодня Ольга начала привычно собираться. Наталья Ивановна уже не спала, варила в кухне овсянку. Глядя на суетящуюся у плиты маму, Ольга испытала стыд и злость на себя – вынуждена обманывать единственного родного человека. Но эта ложь скорее во благо, потому что мама страшно расстроится, будет плакать, у нее поднимется давление – к чему? Лучше пусть пока не знает. После

праздников Ольга собиралась пойти в деканат и попробовать как-то решить вопрос с переводом в другую интернатуру. Если, конечно, Нарбус не переговорил с деканом...

Александру она застала одетой к выходу.

– Прекрасно, что ты приехала! – возбужденно заговорила она, втаскивая Ольгу в квартиру. – Раздевайся, располагайся – будешь следить за пароваркой, я там рыбу поставила.

– А ты далеко ли собралась?

– Мне позвонил Сашин адвокат и сказал, что я могу приехать на свидание! – выпалила Александра, чуть ли не подпрыгивая на месте. – Все, Оль, я побегу, он на машине за мной заедет.

Она выпорхнула за дверь, и Ольга даже не успела ничего больше сказать.

«Ну, хорошо, что так. Может, ей от этого станет хоть немного легче», – подумала она, сбрасывая на вешалку свою «аляску».

Рыба в пароварке, если судить по таймеру, должна была уже вот-вот приготовиться, а потому Ольга уселась за барную стойку и открыла принесенную с собой тетрадь с записями, сделанными во время занятий с Александром Михайловичем. Погрузившись в чтение, она через какое-то время поймала себя на том, что почти машинально таскает с оставшейся на столе после Сашиного завтрака тарелки кусочки маринованной сельди, а потом заедает их шоколадом из маленькой плоской вазочки.

– То-то я и думаю – привкус странный во рту, – пробормотала Ольга, отодвигая тарелку с рыбой на край стойки. – Мама права – зачитавшись, я могу съесть что угодно и в любом количестве. Хорошо, что это не молоко и соленые огурцы...

Она встала, прошлась по кухне, выложила на тарелку готовую рыбу из пароварки. Оглядев кухню, решила помыть посуду – для Саши это было нехарактерно, но сегодня в раковине скопилась изрядная горка тарелок и чашек, видимо, вечером и ночью Александра ела, а отсутствие мужа позволило расслабиться и оставить следы ночного пиршества. Педантичный Александр Михайлович этого бы не потерпел.

Саши все не было, и Ольга решила пройтись до ближайшего магазина, посмотреть что-нибудь вкусное к чаю и заодно пополнить баланс телефона. Предпраздничная суэта чувствовалась во всем, люди

торопились сделать оставшиеся покупки, в продуктовом магазине отчаянно пахло мандаринами, в отделе сладостей Ольга обнаружила шоколадных Дедов Морозов и не смогла отказать себе в удовольствии. Такие фигурки, только изображавшие зайцев, в детстве под Новый год приносил ей отец, и Ольга до сих пор не могла сдержать слез при воспоминании об этом милом пустяке. Сейчас в магазинах продавали любые сладости, но именно вкус тех зайцев не давал ей покоя. Однако любой современный шоколад не был похож на тот, из детства...

Она и для Саши с Соней купила пару шоколадных фигурок, а еще любимые Сашей лимонные дольки – за время общения Ольга выяснила многие вкусы и предпочтения приятельницы. Наверняка она приедет со свидания расстроенная – все-таки тюрьма не санаторий, следственный изолятор не скамейка в парке.

С этими мыслями Ольга вышла из продуктового и направилась к торговому центру. Это большое здание, расположенное в конце улицы, где жили Сайгачевы, напоминало корабль, врезавшийся носом между пятиэтажных домов. Торговый центр носил название «Флагман», что вполне отражало архитектуру.

Внутри было многолюдно, многоголосо, ярко и суетно. Ольга сперва поморщилась – не любила толкотню, но потом постепенно привыкла и к шуму, и к музыке, и к рекламным объявлениям. Найдя платежный терминал, она положила деньги на телефон и уже собиралась пойти к эскалатору, чтобы подняться наверх в отдел игрушек, чтобы купить там Соне небольшого медвежонка в смешных ползунках, как ее взгляд зацепился за знакомую фигуру. Это оказалась Стаська Нарбус в короткой голубой дубленке и узких черных брючках, заправленных в высокие сапоги. Она явно спешила куда-то и одновременно говорила по мобильному. Поддавшись порыву, Ольга двинулась следом и уловила обрывок разговора.

– ...да, давай, подъезжай. Я уже здесь, но еще не заходила, прошвырнусь пока по торговому, тебя дождусь. Да не бойся, не пойду одна, сказала же! Все, шевелись.

Стаська сунула телефон в карман и подпрыгивающей походкой направилась к небольшой витрине в центре зала, где продавали очень дорогую бижутерию. Ольга пошла следом, но постаралась сделать так, чтобы Станислава не заметила ее. У витрины Стаська проторчала минут десять, рассматривая серьги и подвески. Ольга терпеливо

ждала, делая вид, что тоже выбирает что-то. Наконец Станислава отлипла от прилавка и двинулась к выходу. У Ольги почти не осталось сомнений в том, куда направляется дочка ее бывшего шефа. В этом же здании, только с торца, находился игровой клуб, и, разумеется, туда и идет Стаська.

У Паршинцевой мгновенно созрело решение. Если она сможет незаметно проследить за Стаськой и сделать снимки, а еще лучше – видеозапись, то Нарбус вынужден будет признать, что ошибся. Правда, для этого придется потратить какое-то время...

В клуб Ольга прошла без проблем, заплатив на входе сто рублей. Она старалась не выпустить из виду Станиславу и занять игровой автомат недалеко от нее. Удалось. Пока Ольга разбиралась с принципом игры, Стаська успела проиграть какую-то сумму, судя по раздраженным междометиям, которые она отпускала в адрес то ли автомата, то ли собственной невезучести. Через какое-то время к ней подошел тот самый мужчина, которого Ольга видела ночью на кафедре. Небрежно чмокнув Станиславу в макушку, он уселся рядом с ней. Ольга незаметно включила в телефоне видеозапись и стала вслушиваться в разговор.

– Ну что, много просадила уже? – спросил мужчина, и Стаська дернула плечом:

– Сколько бы ни было!

– Ты это... смотри, не повезет сегодня – что делать будем? Чем долг отдавать?

– Ой, да заткнись ты! – процедила раздраженно девушка, сосредоточенно нажимая кнопки. – Пока папашины деньги есть еще. А дальше видно будет.

– Чего тебе будет видно? Где бабки брать, если эти просадишь?

– Заткнись! – процедила она снова. – Придумаю что-нибудь.

– Учти, Стаська, я больше тебя покрывать не стану! Я за тебя поручился, но своя-то башка дороже.

– Не скули, цела будет твоя башка.

– Да? – зло спросил он, резко развернув девушку к себе. Белокурые Стаськины локоны взлетели и вновь опустились на плечи, она дернулась и вскочила:

– Не смей меня хватать, ты, быдло!

– Быдло?! Так что ж ты к быдлу-то побежала, когда хвост прижали тебе дружки твои модные?! – зашипел мужчина, но тут к ним подошел охранник:

– Проблемы?

– Нет, что ты, командир, какие проблемы? – резко сменил тон Стаськин спутник и широко улыбнулся, демонстрируя металлическую коронку на правом верхнем клыке. – Все отлично, отдыхаем, играем. Не беспокойся.

Охранник вопросительно посмотрел на Стаську, но та тоже улыбнулась:

– Все в порядке, – и он отошел.

Ольга затаила дыхание – получалось, что проблемы у Стаськи куда крупнее, чем ей казалось. Откуда рядом с такой девушкой человек с явно уголовным прошлым? Вон и наколка на пальце у него, а на тыльной стороне кисти левой руки – еще одна, и это явно не в тату-салоне сделано, уж в этом-то Ольга разбиралась. И точно – буквально через секунду она убедилась в своей правоте, потому что мужчина проговорил:

– Ты ко мне на зону ни разу не приехала, хоть и писал я тебе, и просил. И я – быдло теперь? Ты мне с девятого класса мозг выносишь! Хвостом крутишь налево и направо, кто бы это терпеть стал? Ни во что меня не ставишь, за человека не считаешь, вроде как и нет меня! А как стало хреново – вспомнила про Стасика, да? В любви клялась, змея, а где раньше любовь твоя была? Где – когда я за тебя на зону пошел?

«Ну ничего себе! – тихо ахнула про себя Ольга. – И зовут их одинаково, и отсидел он за нее... Вот это сюжет... Интересно, Нарбус в курсе?»

Стаська меж тем зашипела, схватив мужчину за рукав:

– Ты слышь, чего! Если бы ты тогда не был пьяный в хлам – так и не было бы ничего! И не пришлось бы мне бутылкой отбиваться, и идиот этот Гена жив бы был, и ты с чистой совестью!

– Да он же тебя за руку поймал, когда ты побрякушки золотые из шкатулки его мамы в карман свой сгружала! – понизив голос, ответил Стас. – Думала, что в отключке мы оба? А Генка здоровый на водяру был, ему чтобы в лежку – ведро нужно было выжрать! Сука ты,

Стаська, и за что я тебя люблю только? За то, что жизнь мне переломала?

Станислава, однако, не испытывала угрызений совести – как, видимо, и ответных теплых чувств к своему тезке. Она насмешливо посмотрела на него и процедила:

– Ты как был дураком с первого класса, так и не поумнел совсем, разве что вот только вымахал под потолок. Любовь! Ты ее видел? Слышал? Ну, так и нет ее. Что вину на себя взял – да, признаю, как мужик поступил и обставил все так, что на меня и не подумали. Что денег помог занять – тоже спасибо. Я за это с тобой каждую ночь рассчитываюсь – скажешь, не так? А про любовь свою больше мне не говори – тошнит уже. Трахаешь меня – да и хватит. И того много.

Стас этого уже не выдержал, размахнулся и залепил девушке такую оплеуху, что та упала с высокого стула на пол, а сам развернулся и быстро вышел из здания клуба. Охрана не успела ни отреагировать, ни даже просто сделать хоть движение, чтобы остановить его.

Стаська поднялась, вытерла кровь с разбитой губы и пробормотала:

– Л-ладно, Стасик, запомнишь ты этот вечер...

Она схватила сумку, дубленку и выбежала из зала. Ольге тоже больше нечего было делать здесь...

Она вернулась в торговый центр, купила запланированного медведя и побрела к Саше, которая наверняка уже вернулась. Ехать к себе домой было еще рано, но Ольга и не стремилась – ей необходимо было пересмотреть получившуюся запись и как следует обдумать, что делать дальше. Она уже не была уверена в том, что стоит показывать это Нарбусу. Такую правду о любимой дочери Валентин Станиславович может не выдержать.

Александра

Я возвращалась из СИЗО в странном настроении. С одной стороны, обстановка, в которой мы встретились с мужем, произвела на меня гнетущее впечатление. Но Акела, его спокойствие, его уверенность в собственной невинности и внутренняя сила заставили меня встряхнуться. Я ни на секунду не усомнилась в муже, слишком хорошо знала его принципы и убеждения, чтобы поверить в то, что мой Акела мог выйти ночью на улицу с мечом и начать охоту на безоружных и абсолютно не представлявших для него опасности

людей. Когда же я рассказала мужу об обыске и о пропаже меча, Акела вдруг нахмурился.

– Знаешь, Аленька, он пропал около двух месяцев назад, – признался он, глядя не на меня, а куда-то в угол маленького кабинета, где мы сидели. – Я вернулся с тренировки, ты была на своих курсах. И входная дверь оказалась не закрыта на замок, а просто захлопнута. Я сначала решил, что ты торопилась и забыла или Галина приезжала. Но потом вошел в комнату и увидел, что на катана-какэ не хватает меча из пары черных дайсе.

– Почему ты мне об этом не сказал? Если заметил?

– Не знаю, Аля. Да и вряд ли кто-то стал бы заниматься этим. Ты ведь знаешь, что эта пара не представляла особой ценности, как коллекционный экземпляр она мало что значила, просто красивое оформление, не более. Если бы вор охотился за каким-то экспонатом, то взял бы что-то другое, а так – выходило, что это просто дилетант.

– Да ты понимаешь, что этот дилетант теперь бродит по городу и твоим мечом рубит головы людям?! – вскрикнула я, забыв о правиле никогда не повышать голос на мужа.

Но Акела никак не отреагировал. Он только виновато кивнул и проговорил:

– Ты права, Аля. Я ошибся. Теперь эта ошибка будет стоить дорого.

– Саша, так нельзя! – горячо заговорила я, взяв широкую горячую ладонь мужа в руки и прижав ее к щеке. – Ну нельзя с таким смирением! Нужно доказать, что ты не имеешь никакого отношения к убийствам! Что говорит дядя Моня?

– Разве он ничего тебе не сказал?

– Не сказал – о чем?

– О том, что на куске яшмы, найденном возле одного из трупов, нашли мой отпечаток пальца, – грустно усмехнулся Сашка. – А как его могли там не найти, если эту яшму я сам приклеивал к рукояти? И ты права – это мой меч стал орудием убийства.

– ...а ключи от квартиры я нашла, между прочим, вчера за шкафом в коридоре, – в тон ему подхватила я. – И это была Галина связка ключей, та самая, которую у нее кто-то из сумки в супермаркете увел – больше негде было. И сделал это тот человек, который хорошо знал наш уклад жизни и твои привычки. Человек из твоего прошлого,

Саша – тот, кто ненавидит тебя настолько, что готов на все ради мести. Человек, который носит коричневую дубленку.

– Мое прошлое снова вмешалось в твою жизнь, – вывернул Акела, целуя похудевшее запястье моей руки, и я поняла, что значит это «снова». Именно из-за прошлого Акелы в свое время я потеряла не родившегося еще ребенка и возможность иметь собственных детей когда-либо вообще.

– Не смей такого говорить! Меня моя жизнь устраивает, иначе я не жила бы с тобой! – от возмущения я даже слегка задохнулась. Акела посмотрел на меня и грустно улыбнулся:

– Ты недавно сказала, что свои ритуалы я люблю больше, чем тебя.

– Прости... пожалуйста, прости меня. Я выкрикнула это в запале, не сдержалась, потом убить себя была готова. Ты ведь знаешь, что я очень люблю тебя, люблю такого, как есть, – со всеми ритуалами и привычками, которые так несложно соблюдать и принимать. Я тебя такого выбрала, такого – и ни за что на свете не откажусь.

Я уткнулась лбом в его грудь и часто задышала, стараясь не выдать своего волнения. Ни разу мне не пришлось пожалеть о своем замужестве и семейной жизни, даже в мыслях не держала ничего подобного.

– Тебе правда не сложно? – вдруг изменившимся голосом спросил муж, протянул вторую руку и, взяв в ладони мое лицо, повернул к себе. – Аленька, сейчас такой момент, когда ты должна сделать выбор. Если меня осудят, ты надолго останешься одна и будешь жить с клеймом жены убийцы...

– Прекрати! – выкрикнула я, отскакивая от него. – Никто тебя не осудит, я просто не позволю! Я докажу, что это не ты! И потом – я всю жизнь жила с клеймом «дочки авторитета» – и ничего, выжила, как видишь! Я очень прошу тебя, никогда больше не говори мне о каком-то выборе, ладно? Никогда. Я его уже сделала – в тот день, когда согласилась выйти за тебя замуж. Я не передумаю, не отступлю. Ты мой муж, и я буду рядом, что бы ни случилось. А искать доказательства ты мне не сможешь запретить – и никто не сможет, так что лучше не пытайтесь. Я буду делать все, что считаю нужным, чтобы ты скорее вернулся домой, потому что мне одной совсем плохо.

Акела молча целовал мое лицо, и я чувствовала горячее дыхание мужа, стук его сердца, ощущала, как слегка подрагивают его ладони, прижимавшие меня к нему. Почему-то подумалось, что очень редко раньше Акела позволял себе вот такие проявления, редко говорил какие-то слова. Его любовь была скорее деятельной, чем эмоциональной.

– Поступай как считаешь нужным, Аля. Но имей в виду – я категорически...

– Да-да-да, родной, ты категорически и все такое! – перебила я, закрыв его рот ладонью. – Но ты ведь понимаешь – если Саша Гельман чего задумала...

– Вот это меня и пугает, – признался он. – О дочери подумай, если не хочешь обо мне.

– А с ней все в порядке. Она у папы, там Бесо приедет на днях – помирились ведь, представляешь? Так что у Соньки как раз все отлично.

– Знаешь, Аля, я все время думаю – а ведь тот, кто украл меч, не дилетант в том смысле, что с самурайским кодексом он знаком прекрасно, – вдруг сказал Акела, и я опять вздрогнула. Мне подобная мысль тоже сразу пришла в голову, едва я услышала от соседки об отрубленных и пропавших головах. – Характер убийств, понимаешь? Мне предъявили фотографии – все идеально укладывается в схему изготовления бундори...

– Ты хочешь сказать, что тот, кто украл мечи, владеет техниками боя на них, да? И знает, что такое бундори и как его изготовить? – прикидывая кое-что в уме, пробормотала я, и муж кивнул.

– Помнишь, я тебе как-то рассказывал об этой традиции? Жутковато, но считалось признаком доблести – иметь в доме голову своего врага.

– Разве случайные бомжи могут считаться врагами для самурая? Убить неприкасаемого – да, но бундори – для чего?

– Аля, а это не самурай. Это имитатор. Это человек, знакомый с кодексом, но не вникший в его суть, не принявший его сердцем, а взявший из него лишь антураж.

– И при этом организовавший все так, чтобы подозрение пало на тебя, – задумчиво протянула я. – Сашка, кто же может настолько тебя ненавидеть?

– Я не думал об этом, Аленька. И еще – я понимаю, что это не женское дело, но меня сейчас нет, а поэтому... найди кого-то, кто поменяет замки в двери, хорошо?

– Зачем?

– Потому что тот, кто взял меч, может вернуться снова. Я не хочу, чтобы с тобой что-то случилось. Ты теперь постоянно одна.

– Я не одна, Саш. Со мной несколько дней Ольга.

При упоминании об ученице Акела почему-то помрачнел, и от меня это не укрылось.

– Ты против? Но ведь ты...

– Нет, что ты, Аленька. Если тебе с ней спокойнее, то пусть... Единственное, что я хочу... не будь с ней слишком откровенна, хорошо? Не всеми мыслями нужно делиться. И еще... скажи мне, где она работает?

– Сейчас уже пару дней нигде. А до этого – на кафедре судебной медицины была и ночами подрабатывала в морге, помогала вскрытия делать для криминалистов, а что?

– Тогда все понятно, – пробормотал Акела.

– Что понятно?

– Я застал ее в зале за довольно странным занятием. Она пыталась на манекене симитировать процесс отрубания головы. Теперь все встало на места. Она появилась у нас в доме случайно – просто стечение обстоятельств. А подтолкнули ее как раз эти пресловутые убийства. Видимо, она неплохо изучала предмет, – Акела усмехнулся, – и обратила внимание на необычность характера ран. И это именно она дала оперативникам ниточку, именно она натолкнула их на мысль о том, что убийца владеет техниками боя на мечах.

– И этот опер в кожаном... как его... – я защелкала пальцами, припоминая. – Да – Карепанов! Он, выходя после обыска, так и сказал второму – мол, Ольга оказалась права. А я даже не подумала...

Акела обнял меня крепче, прижался к макушке губами:

– Тебе трудно одной, малышка?

– Нет, что ты... мне просто очень одиноко без тебя, – призналась я, хоть и не хотела делать этого. – Я весь день кручусь, чем-то занимаюсь, а потом раз – ночь, и никого кругом. Я, Сашка, с твоим кимоно в обнимку сплю... Мне так важно, чтобы ты отсюда скорее

вышел, родной! Я даже думать не хочу – Новый год, праздники... Мне не надо ничего без тебя, просто совершенно не надо.

– Аленька, пообещай мне, что будешь осторожна, – попросил Акела, не совсем надеясь на положительный ответ. Что, собственно, я тут же и подтвердила:

– Стараюсь, как могу. Но гарантировать, понятно, не в состоянии.

Свидание закончилось, и Акелу увели, а я оказалась на улице, вдохнула легкий морозный воздух, после душного помещения показавшийся неожиданно сладким и свежим. В принципе, все оказалось не так страшно. Акела здоров, спокоен, уверен в себе... Это главное.

Ольга

Александры дома еще не было, и Ольга, скинув сапоги и куртку, устроила подарки на тахте, а сама поспешила в кухню, включила чайник и проверила пароварку – рыба уже успела остыть.

– Салат, что ли, сделать? – пробормотала Паршинцева, открывая холодильник – она уже довольно свободно чувствовала себя в этом доме.

Обнаружив в поддоне приличный пучок салатных листьев, в специальной емкости – сыр фета, а в корзинке на столешнице – красный сладкий лук, Ольга ловко почистила его, порезала полукольцами, замариновала в соевом соусе с винным уксусом и занялась салатом. Нарвав руками приличную горку в салатник, туда же Ольга нарезала половинками помидоры-черри, свежий огурец кубиками, добавила петрушку и укроп.

– Интересно, оливковое масло самураи употребляют или нет? – кружа по кухонке, сама у себя спрашивала Паршинцева.

Она уже почти закончила с салатом, когда в дверях повернулся ключ – это вернулась Александра. Вытирая руки куском бумажного полотенца, Ольга вышла в коридор:

– Ну, как? – и наткнулась на ледяной взгляд исподлобья, такой, от которого все внутри у девушки сжалось. – Что... что случилось?

– Случилось? – странным тоном проговорила Александра, стягивая перчатки, а за ними шубку и сапоги. – Ну, пусть так. А сейчас... – Неожиданно маленькая Саша железной рукой ухватила Ольгу за предплечье и потащила за собой в большую комнату. – Сейчас ты мне и расскажешь, что случилось и как именно ты

оказалась в нашем доме, – с этими словами она толкнула оторопевшую Паршинцеву на тахту и встала перед ней.

– Саша, я не понимаю...

– А хрена ли тут понимать?! – заорала Александра, уперев руки в бока. – Ты зачем здесь оказалась? В шпионку решила поиграть, в сыщицу?! Юная помощница органов правопорядка! Ходила к нам, втиралась в доверие, с Сашкой часами якобы японским занималась, да?! А сама так и шныряла глазами?! Много вынюхала? Хватит, чтобы его лет на двадцать упечь? А как же – самурай, оружие, боевые техники!

Ольга просто опешила от такого напора и обвинений. Она попыталась встать, однако Саша резанула ее таким взглядом, что у Паршинцевой мгновенно пропала всякая охота «к перемене мест».

– Саша, послушай... – попыталась она, но Сайгачева не обращала внимания на ее слова.

– Нет, это ты теперь послушай! Что – помогла своему начальству, подставила невинного человека?! Да – меча нет, он пропал два месяца назад! Но это не значит, что Сашка – убийца, ясно тебе?!

– Ясно! Мне ясно, и я почти наверняка знаю, что это не он! Но ты посмотри в глаза фактам! – наконец обрела голос и прежнюю уверенность в себе Ольга. – Я, понимаешь – я, своими руками подняла из-под трупа кусок яшмы, точно такой, как тут! – с этими словами она метнулась к катана-какэ и схватила маленький меч-танто. Резко развернувшись с ним, Ольга оторопела – прямо на нее было направлено пистолетное дуло, и пустой темный кружок смотрел точно в грудь.

– Меч на место верни, – абсолютно спокойно приказала Александра.

– Я только...

– Повторить? – И Ольга послушно вернула меч в выемки, на которых он и был укреплен раньше. – Теперь сама на место сядь. Про этот кусок яшмы я прекрасно знаю. Да, возможно, это мэнуки[10] именно с того меча – даже скорее всего. Следовательно, Сашкиных отпечатков там море – он недавно клеил этот кусок, отвалившийся в ходе уборки, и я видела это собственными глазами. Но для вас мои слова – пустой звук, я же жена, я же дочь, – последнее слово

Александра произнесла с нажимом и какой-то даже издевкой. – Не сомневаюсь, что ты и об этом знаешь уже.

Ольга поняла, о чем речь... Странно только, что Саша заговорила на эту тему именно сейчас, в такой тяжелый момент.

– Я знаю, чья ты дочь, и даже знаю, чья жена, – как можно спокойнее проговорила Ольга, стараясь сдерживать дрожь в голосе – все-таки пистолет в руке стрелка-разрядницы – это не игрушка, заряженная пластиковыми пулями. – Но это не меняет дела, Саша... Я очень уважаю твоего мужа, я никогда не доставила бы ему неприятностей, даже если бы нашла в вашем доме прямые улики...

– А что – не нашла? – с притворным и едким сочувствием поинтересовалась Александра, не опуская пистолета, и Ольга отметила, что рука у нее не дрожит – явно привычна.

– Я и не искала. Мне на самом деле пришла в голову мысль о человеке, владеющем техниками боя на мечях, но к твоему мужу это вообще не имело отношения. Я даже не знала о его существовании до того момента, как на курсах преподаватель мне посоветовала обратиться к нему – через тебя! – горячо заговорила Ольга, не спуская глаз с пистолета в Сашиной руке. – Ты вспомни, вспомни! Я заинтересовалась оружием и боевыми техниками, потом на курсы пошла... давай поедем ко мне домой, я тебе покажу, какая у меня куча книг и дисков лежит – все о самураях и о восточных боевых искусствах! Александра Михайловича я вообще никогда не подозревала ни в чем, я была ему так благодарна, когда он в клуб свой меня позвал!

Неизвестно, что в словах Ольги убедило Сашу опустить оружие, но она сделала это и села рядом с Паршинцевой на софу.

– Н-да, – протянула после паузы. – А ведь ты права, пожалуй. Мне не хватило времени, чтобы все по полкам разложить... И Сашка, выходит, в тебе тоже не совсем разобрался. Ну, извини.

Она встала и так и ушла из комнаты с пистолетом в опущенной руке, а Ольга почувствовала, что встать с софы не может – от нервного напряжения совершенно не чувствует ног. Саша вернулась минут через десять уже полностью переодетая, в своем обычном розовом кимоно.

– Пойдем пообедаем, а? – будничным тоном предложила она. – Хотя сейчас логичнее к ужину приглашать.

Она подала Ольге руку так, словно вообще ничего не произошло, не было этого разговора и подозрений, ничего вообще не было.

– Ты на Новый год где будешь? – спросила Ольга уже за столом, и Саша вздохнула:

– К отцу поеду, там Соня. Не могу в пустой квартире.

Но по ее лицу Ольга догадалась, что Александра сказала ей не всю правду и есть еще какое-то обстоятельство, заставляющее ее бежать из квартиры в новогоднюю ночь.

«Ладно, захочет – потом расскажет», – подумала Паршинцева, принимаясь за салат и рыбу.

Акела

Визит Али оставил двойственное ощущение. С одной стороны, он был рад увидеть жену – его маленькую девочку, исстрадавшуюся за эти одинокие дни и вечера без него. С другой же... Акела чувствовал, что у Альки опять созревает какой-то рискованный план, и он, сидя здесь, ничем и никак не сможет ни помешать, ни помочь. Оставалось уповать только на тестя и его приятелей.

«Хорошо, что Бесо приезжает – Алька с ним всегда близка была, может, хоть он ей что-то правильное внушит, – думал Акела, лежа на нарах и делая вид, что дремлет. – Как там она сказала? «Человек в коричневой дубленке»? Кто же это? Я даже отдаленно не могу представить, в последнее время вообще никого вокруг не замечаю. Но кто бы он ни был – он опасен. Опасен как раз тем, что в его руках были ключи от нашей квартиры. Мог сделать слепки. Конечно, в плане самообороны Аля – не подарок, пистолет всегда рядом, тут даже я не смог ничего поделаться, да и правильно, пожалуй. Но не хочется думать о плохом...»

Он сел, прислонился спиной к стене и снова попытался воскресить в памяти лицо и руки жены – ее маленькие, но такие крепкие и уверенные руки, способные держать оружие и вскрывать скальпелем трупы. Аля не боялась ничего, и вот это как раз ужасно беспокоило Акелу. Даже появление дочери не смогло заставить ее вести себя осторожнее. Что она задумала на этот раз, Акела даже представить себе не мог, но по Алиным глазам понял – что-то явно опасное.

Фанатичность жены в отношении его пугала Акелу. Маленькая, хрупкая Аля внутри оказалась отлитой из хорошей,

высококачественной стали, и никакие невзгоды и неприятности не смогли сломать ее или заставить быть слабой. Она встала на ноги после тяжелейшего ранения, она научилась владеть левой рукой, когда правая оставалась неподвижна, она и правую со временем разработала. Она сумела написать и защитить диссертацию, снова вернулась к работе, словом, жена упорно шла к намеченной цели и всегда ее достигала. Но именно это упорство иной раз заводило Алю слишком далеко, и вот тогда она могла наломать таких дров, что хватило бы на кострище. Сейчас оставалось уповать только на благоразумие тестя.

Ольга

– Смотри, что у меня есть, – возбужденно заговорила она, когда обед – он же ужин – закончился и Саша сгрузила посуду в посудомоечную машину.

– Что? – безо всякого интереса отозвалась подруга, садясь на тахту и подбирая под себя ноги.

Ольга достала телефон и включила сохраненную запись сегодняшнего наблюдения за Стаськой Нарбус и ее приятелем. Александра внимательно просмотрела все до конца, помолчала какое-то время, а потом встала:

– Иди-ка сюда, идея есть.

Они ушли в спальню, где у Александры на тумбочке стоял ноутбук, и Саша, достав с полочки чистый диск, предложила:

– Давай сюда перекинем и Нарбусу пошлем. Анонимненько, как в старые добрые времена – чтобы не думал, что это от тебя или что сфабриковано.

– А что это даст? – Ольга не до конца поняла цель операции, хотя внутри была полностью согласна с Сашей – лучше, чтобы ее фамилия не фигурировала нигде в связи с дочкой доцента.

– Объясняю, – терпеливо проговорила Саша, вставляя диск в ноутбук и пытаясь подключить телефон с помощью шнура, – этот диск прольет свет нашему несговорчивому доценту на его обожаемую дочку, а ты вроде как и не при делах. И станет ему невыразимо стыдно за поклеп, и предложит он тебе на кафедре обратно вернуться – и все счастливы, разве нет?

– Ага, Нарбус особенно, – саркастично возразила Ольга. – Такая правда о собственном дитя – не дай бог никому.

– Ну, Оля, что вырастил – то и выросло, так мой папа всегда говорил, когда я где-нибудь здорово косячила. Все, готово. – Саша вынула диск из ноутбука и аккуратно вложила в белый конвертик. – Подарочек к празднику. Завтра сама унесу и в кафедральную почту суну.

Ольга с благодарностью посмотрела на приятельницу – все-таки Сашка человек. Не бросила, помощь предлагает. Не такая уж она и змея, как про нее рассказывают в академии, просто требовательная очень, но ведь она не только от других, она и от себя требует тоже. Вон на тумбочке какое-то толстое иностранное издание по анатомии – читает, видимо, на ночь, совершенствуется. Да еще и по-английски, а не в переводе. Так что ничего удивительного, если она пару прогульщиков и лодырей на зачетах и экзаменах срезала – пусть учат как следует. Врач без анатомии – как без рук.

– Не хочешь у меня остаться? – предложила Александра, но Ольга отказалась:

– Нет, спасибо. Поеду домой, там мама... Елку еще не наряжали, то-се...

– Ну, как знаешь.

Шел снег. В этом году зима вообще выдалась снежная и очень тихая, не было обычных для их местности пронизывающих порывов ветра, потому прогулки по вечернему городу были особенно приятны. Огни витрин, ледяные городки, огромные городские елки – все это отвлекало от проблем и не давало впасть в уныние. Ольга шла по направлению к дому и чувствовала какое-то облегчение внутри, как будто тяжелый груз сняли с ее плеч. Возможно, Александра окажется права, и Нарбус устыдится своих обвинений, но Ольга для себя четко решила – на кафедре больше не вернется. Как работать с человеком, который обвинил тебя в самом ужасном – в краже? Как просить его стать научным руководителем, как общаться с ним каждый день? Нет, это не по ней. Остаток года Ольга планировала отдохнуть, помочь маме сделать ремонт, а с осени проситься на кафедру к Александре. Анатомия – наука основополагающая для врача, азы и все такое, а пациентов, которых она так боялась, опять же, нет, так что работать можно и там.

Александра

Ольга ушла, а я, сунув в сумку записанный диск, решила полежать в ванне. У нас была отличная ванна, хоть и не джакузи, – огромная, полукруглая, и в ней всегда хорошо было расслабляться. А уж если добавить в воду розовой морской соли с ароматом цветущей сакуры, то вообще мечта. Совсем недавно я обнаружила в одном из торговых центров небольшой магазинчик, торговавший товарами из Японии: мылом всех модификаций, солями для ванн, кремами, шампунями – словом, всем, что подходило для ежедневного применения. Цены, конечно, были нестандартные, но меня это никогда особенно не останавливало, зато появилась возможность вдыхать при принятии ванны, например, аромат сакуры, а от волос шел запах глициний, который, кстати, очень нравился Акеле.

Я приготовила ванну и долго нежилась в воде, мечтая и даже не отвлекаясь на тягостные мысли. После разговора с мужем настроение и состояние мое слегка улучшились – его близость всегда внушала мне уверенность и спокойствие, уж такое свойство имел Акела, рядом с ним невозможно было нервничать.

Но я все равно не переставала прокручивать в голове разные ситуации. Больше всего меня интересовал этот человек в коричневой дубленке – кто это мог быть? После Галиного рассказа о случае в супермаркете я уже не сомневалась, что это именно он был в нашей квартире, именно он взял меч. Но как мне его вычислить, как?!

Зазвонил телефон, и я, дотянувшись до бортика ванны, глянула на дисплей. К сожалению, это оказался отец, и этот звонок не мог принести ничего приятного, я почувствовала это, что называется, макушкой.

– Да, пап, слушаю.

– Это я тебя слушаю! – стараюсь держаться в рамках, проговорил папа. – Ничего сказать не хочешь?

– А что сказать?

– Ну, значит, будем ждать, пока в зале суда встретимся, – закипая, бросил он. – Когда твоего Акелу в наручниках привезут да в клетку усадят – вот тогда и поговорим, да, дочура?

– Папа!

– Да какого, – не выдержал родитель, срываясь все-таки на крик, – какого ты... думаешь о себе?! Моня мне все рассказал, корячится твоему самураю четвертной – к бабке не ходи! Убийство двух и более

лиц с особой жестокостью! Ну, и теперь будешь из себя ромашку корчить?!

Тут крыть мне было уже нечем, нужно сдаваться.

– Пап, я не хотела тебя нервировать.

– А сейчас я такой спокойный – как удав! – рявкнул папенька. – Молись, что рядом тебя нет – запорол бы на фиг! Нашла о чем молчать! Мужика упекли, подтягивают за убийство – а она, вишь ли, мои нервы бережет! Заботливая моя!

– Пап, ну, вот как с тобой? – попыталась я примирительно. – Ты даже сейчас орешь, а если бы я сразу сказала?

– А сразу я бы мог какие-то связи пошурудить, ребята бы чего поискали!

– Там нечего искать. Вернее, есть, но сложно. Рискнешь отфильтровать всех городских мужиков в коричневых дубленках?

– Чего? – удивился отец, начав говорить на полтона ниже.

– А вот того. Ключи от квартиры у нашей Гали увел какой-то человек в коричневой дубленке, а потом в квартиру залез и меч уволок, – коротко проинформировала я, и папа присвистнул:

– Дела...

– Вот и дела тебе. Где его искать, такого?

– Задача... но, в принципе, можно, конечно... – И в голосе отца я не услышала уверенности, да оно и понятно – как найдешь иголку в стоге сена? – Сама что думаешь?

– Кто-то из Сашкиной прошлой жизни, больше ничего в голову не идет.

– Почему так?

– Владеет техникой боя на мечах. Невозможно отрубить голову с одного удара, если не знаешь, как делать это правильно.

– Черт подери твоего паленого, Сашка! – в сердцах бросил папа. – Ведь говорил тебе – куда лезешь, зачем он тебе, в отцы ведь годится, да еще с таким вот приданым!

– Что – назад отмотаешь, изменишь все? – жестко спросила я. – Непустишь замуж, в дом его не приведешь? Нет? Ну, так и не говори тогда лишнего. Акела – муж мне, и другого я не хочу, все.

Папа промолчал, но в этом молчании я чувствовала неодобрение. Он, хоть и смирился вроде с моим замужеством, в душе все равно протестовал против выбора, сделанного единственной дочерью.

Наверное, его можно было понять – Акела был старше на двадцать лет, с изуродованным лицом, без глаза. Мало кто согласился бы видеть в доме такого зятя. Но я-то любила его не за это. С первой минуты появления в нашем доме Акела стал для меня всем, я хотела дышать в унисон с ним, заставляя наши сердца биться в такт, разделять его увлечения и интересы, делать все, чтобы ему было хорошо со мной. А уж как было мне с ним – об этом никто не знал, ведь есть вещи, которые никому не расскажешь, настолько это личное и интимное. И папе этого уж точно знать не нужно.

– Ладно, Сашка, как знаешь. Моня там шурует что-то, мутит, думаю, постарается скостить, но сложно будет – тяжелая статья, – выговорил отец, намолчавшись.

– Папа, я не дам его посадить! Не дам! Костями лягу, а докажу, что Акела не виноват – потому что он не виноват, запомни это! – с жаром бросилась я на защиту мужа. – Ты ведь не думаешь, что он способен на такое, правда?

– Ну... так-то оно конечно... Акела – человек спокойный и уравновешенный, – проговорил папа после паузы. – И зазря мечом махать-то не станет, все же мастер какой-то или как там это у них зовется... Не верю я в то, что он вдруг с бухты-барухты пошел на улицу бомжей крошить – к чему?

– Во-от! И я говорю... но ты-то понимаешь, что для следователей это не повод и не доказательство.

– Ничего, дочура, прорвемся, – наигранным тоном проговорил отец и спешно попрощался, а я выдохнула с облегчением – гроза миновала, скандала не случилось, можно пока расслабиться. Папа в курсе, можно не изворачиваться и не врать, а это само по себе уже прекрасно.

Когда-то давно.

«Подлость... Господи, да разве это подлость? Ну, нет. Это торжество справедливости. Если бы не я – старый сэнсэй никогда не узнал бы. Вряд ли его любимчик признался бы в этом. Конечно, нет – велико ли геройство уложить пятерых, владея техниками так, как он! А у сэнсэя применение приемов в уличной драке – строгое табу, и теперь никто не поручится за дальнейшее развитие событий».

Белое кимоно и штаны-хакама исчезли в недрах огромной спортивной сумки, туда же отправилось полотенце. Молодой человек

мельком глянул на себя в большое зеркало и, закинув сумку на плечо, вразвалочку пошел к выходу из раздевалки. В ушах по-прежнему звучали слова сэнсэя: «Я не думал, что среди моих учеников есть столь недостойные люди. Твоя молодая жизнь началась с подлости. Это опасно – к старости ты можешь совершить нечто еще более недостойное война и стать настоящим подлецом». Но как, как объяснить этому старому фанатику, что это не его любимчик должен ехать на чемпионат в Японию? Родители согласились оплатить поездку, все уже решено – и тут вдруг сэнсэй заявляет, что представлять клуб будет Сашка Сайгачев. Как теперь объяснить это матери и отцу? Ведь он не хуже Сашки! Может, не лучше – но и не хуже точно! Черт... И тут вдруг так кстати... так кстати подвернулся старый приятель Гвоздырев – молодой, нигде не работающий наглец, учившийся в школе на три года старше. Приятелями они не были, но друг друга знали хорошо. Именно Гвоздырев и помог решить проблему с Сайгачевым – за пять бутылок портвейна «777». Ну, справедливости ради нужно признать, что Сашка до последнего старался избежать прямого контакта, открытой стычки, однако подогретый уже спиртным Гвоздырев со своими подручными все-таки сумел вывести его из себя. Ничем хорошим не закончилось – двое попали в травмпункт с серьезными повреждениями. Разумеется, в милицию никто обращаться не стал – так было уговорено, но пришлось еще тайком стянуть у матери из кошелька двадцатипятирублевую купюру. К счастью, мама не была щепетильна в финансовых вопросах, а потому пропажи не заметила. Зато он теперь имел такой убойный компромат на Сайгачева, что в том, кто же едет в Японию, сомневаться не приходилось.

Через два дня на тренировке сэнсэй вызвал Сашку вперед и объявил, что человек, применивший в драке полученные в клубе навыки, не может считаться достойным учеником и тем более представлять его на международном турнире. Сайгачев, склонив голову, молча выслушал «приговор», но не сказал ни слова в свое оправдание. Следующее объявление сэнсэя прозвучало громом – на турнир в Осаку не едет никто...

– Я допустил серьезную ошибку в обучении, а потому моя школа не может считаться достойной. Мы будем работать, не участвуя в турнирах.

На лицах воспитанников было написано разочарование, и только на одном – отчаяние, граничившее с трагедией...

Прошло столько лет, а тот эпизод он вспоминал отчетливо, как будто просматривал киноленту. Именно с этого момента в жизни все пошло наперекосяк.

Ольга

Новый год они отмечали вдвоем с мамой. Как обычно, накрыли стол, испекли любимый пирог с рыбой, приготовили салаты и натушили мяса с перцем. Ольга купила бутылку шампанского и бутылку легкого белого вина – ничего другого они с мамой не пили. Сидя за столом у наряженной живой елочки, Ольга вдруг подумала о том, что Саша сейчас, скорее всего, у отца за городом, делает вид, что все в порядке – чтобы не волновать дочку. Они вместе складывали в багажник довольно старого джипа подарки, упакованные в красивую бумагу, и Саша тогда обмолвилась, что большую часть купил Александр Михайлович, еще когда находился на свободе.

– Кимоно он ей детское заказал, прямо из Японии. Соня давно просила, но у нас не купить – только подделки. А Саша настоящее нашел, из шелка, с ручной росписью.

Ольга тогда прикинула, сколько может стоить такое богатство – выходила довольно внушительная сумма. А по машине, например, не скажешь, что Сайгачевы могут позволить себе подобные излишества.

– Что ты так нашу машину рассматриваешь? – сразу уловила ход ее мыслей Саша, и Ольга поделилась своими сомнениями. – А-а! Ну, это Сашкина причуда. Он этот джип любит как родную маму, ни в какую не соглашается что-то другое купить. А я свою машину давно не вожу, да и вообще предпочитаю мотоциклы.

Ольга удивленно смотрела на маленькую, хрупкую Александру и не могла поверить ее словам.

– Да, я с шестнадцати лет мотоцикл вожу, с байкерами одно время каталась.

– Вот это да... – только и смогла протянуть Ольга.

Сейчас, сидя рядом с мамой за праздничным столом и уплетая пирог, она думала, что Саша очень сильная внутри – как стальная, и никакие несчастья ее не ломают и не сгибают. Ольга уже знала и о том, что около четырех лет назад Саша была тяжело ранена в голову, долго оставалась парализованной, кое-как смогла встать на ноги. Но даже не

это поразило Ольгу в этом рассказе, а то, с каким упорством эта маленькая женщина хваталась за жизнь и за возможность быть рядом с любимым мужчиной. И как она сумела победить собственную слабость и болезнь, вернуться к нормальной жизни. И какую роль в этом сыграли ее отец и муж. Александр Михайлович вообще неотлучно находился рядом, более того – заслонил Сашу собой и принял пулю, которая могла оборвать жизнь его жены. Это не могло не внушить уважения, и потому слова, оброненные опером Карепановым о том, что отец и муж Саши – закоренелые преступники, казались Ольге кощунством.

– Мама, а вот скажи... если бы папа, допустим, тебя спас от чего-то, а потом тебе сказали бы, что он совершил какое-то преступление – ты бы поверила? – спросила она у матери, и Наталья Ивановна с удивлением откликнулась:

– Папа? Наш папа – и преступление? Сама-то понимаешь, о чем говоришь?

– Ну, мам... чисто теоретически?

– Знаешь, Оля, ты порой странные вещи говоришь. Наш папа был кристальным человеком, порой даже до идиотизма, прости меня, господи. И чтобы вдруг... Нет, я даже теоретически не могу себе подобного представить.

Щеки Натальи Ивановны покраснелись то ли от возмущения, то ли от выпитого вина, она сбросила с плеч цветную косынку, в которую куталась, и встала.

– И вообще... мне не нравится, что ты пропадаешь где-то целыми днями. Что у тебя на работе происходит?

«О-па! – подумала Ольга. – А вот это совсем ни к чему. Надо как-то разговор переводить».

– Да нормально все, мам. Рутинка, – нарочито вяло ответила она.

– А как этот твой самурай-убийца? Не поймали еще?

– Если бы поймали, уже бы по телевизору трубили, – буркнула Паршинцева, удивляясь тому, как мать хорошо все помнит – уже давно она ничего ей не рассказывала об обезглавленных трупах.

– Так страшно жить стало, – вздохнула Наталья Ивановна, – разве же раньше было такое?

– Другое было, ну что ты, в самом деле? – чуть раздраженно проговорила Ольга. – Нашла тему для новогодней ночи!

– Да и в самом деле, – виновато вздохнула мать. – Давай, что ли, пирожка горячего принесу, а то этот остыл уже.

Первого и второго января она провалялась в кровати – отсыпалась, читала, снова спала. Наталья Ивановна ходила в гости к кому-то из своих приятельниц, заботливо оставив возле кровати дочери тарелку с печеньем и кружку молока, чтобы Ольга, проснувшись, могла не выбираться из нагретой постели. Только вечером второго января Паршинцева решила, что хватит залеживаться, нужно бы и прогуляться, и, облачившись в лыжный комбинезон и мохнатую ушанку, сунула в карман мобильный телефон и вышла из дома.

На праздниках подморозило, изо рта при дыхании валил пар, щеки сразу прихватило морозцем, но это только взбодрило Ольгу. Сунув руки в карманы, она направилась пешком к центру города, вознамерившись посмотреть гуляния у главной елки. Жили они недалеко, и за двадцать минут Паршинцева добралась до оживленного места, где стояла огромная украшенная ель, а вокруг разместился ледяной городок с горками и фигурками. Орала музыка, носились раскрасневшиеся ребятишки с «ледянками», катились кубарем с горок, хохотали, швырялись снежками. Взрослые, чуть подогретые спиртным, тоже от души веселились, приплясывали и поздравляли друг друга с наступившим новым годом. Ольга поддалась общему веселью, обошла весь городок, рассматривая красивейшие ледяные скульптуры, часть из которых подсвечивалась изнутри разноцветными гирляндами, долго стояла около елки, задрав голову и разглядывая большие игрушки, которыми она была украшена. Почувствовав, что ноги прихватило морозом, Ольга решила зайти в ближайшее кафе и выпить чашку чаю, чтобы немного отогреться перед дорогой домой.

Она почти уже дошла до крыльца под яркой вывеской, как вдруг на противоположной стороне улицы неожиданно заметила знакомую дубленку и шапку-пирожок. «Нет, не может быть!» – подумала Ольга и даже головой потрясла, но видение не исчезало. Это действительно был Михаил – спешил куда-то, не замечая ничего вокруг. На душе у Ольги зацарапалась кошка – а ведь он сказал, что уехал к матери в другой город, что приедет только к концу праздников. Чтобы окончательно убедиться в том, что зрение ее не подвело, девушка достала мобильный и набрала номер Михаила. Тот ответил через

несколько секунд – Ольга видела, как он прижимает трубку плечом, снова надевая перчатку.

– Да, Оленька, привет.

– Привет, Миш. Как дела? Чем занимаешься?

– Да чем... Сидим вот с мамой у телевизора, кино старое смотрим, – сообщил Михаил, продолжая свое движение по заснеженной улице родного города.

– А-а, – протянула Ольга, не понимая причину такого поведения своего кавалера. – Ну, не буду мешать. Позвони, когда вернешься.

– Конечно, позвоню, не скучай. Пока!

Ольга сунула телефон в карман и вошла в кафе. Настроение испортилось. К чему было это вранье? Разве она претендовала особенно на его личное время? Ведь нет. Она не настаивала на частых встречах, всегда с пониманием относясь к тому, что Михаил занят на работе и не всегда может освободиться тогда, когда ей это нужно. Зачем же было врать?

Ольга заказала травяной чай, забившись в самый угол кафе. Неприятное ощущение не покидало, было очень обидно – как будто Михаил пытался избавиться от нее.

– Ну и не очень-то хотелось, – пробормотала Ольга, чувствуя себя оскорбленной.

У нее было мало опыта общения с мужчинами – как-то не складывалось. В школе она истово училась, зарабатывая хорошие оценки и золотую медаль, в академии тоже приходилось много времени уделять учебе, чтобы не выглядеть глупо перед преподавателями, следовательно, свободного времени практически не было. Да и все мужчины и молодые люди, которых она знала, не подходили под ее идеал – папу. Отец был для Ольги примером того, каким она хотела бы видеть своего избранника. Они с мамой очень хорошо и дружно жили, по возможности все праздники и выходные проводили вместе, из боевых командировок папа непременно звонил и писал письма, вернувшись домой, брал на себя всю бытовую сторону жизни, и мама понятия не имела, что такое ремонт в квартире или замена лампочек в люстре. Отец очень трепетно относился к матери, и Ольге хотелось, чтобы и ее мужчина точно так же относился к ней. Михаил, как ей показалось, будучи взрослым, как раз подходил под эти

требования, и вдруг – такое нелепое, необъяснимое вранье. Она была убита...

Александра

Новый год в папином доме – это испытание не для слабонервных. Началось с того, что я увидела, какое количество блюд он заказал Гале – это же нам все праздники придется надрываться круглосуточно, чтобы продукты не пропали. Вторым сюрпризом явилось количество фейерверков, обнаруженных мной в доме охраны, куда я заглянула, чтобы переброситься парой слов с Никитой.

– Вы что – собрались подорвать весь поселок? – удивленно спросила я, оглядывая гору пиротехники, аккуратно устроенную в прихожей.

– Ну, Ефим Иосифович распорядился – чтоб много, красиво и громко, мы и набрали – много, – хохотнул Никита, – а красиво и громко ночью сделаем.

– Кошмар...

– Да ладно вам! Праздник же.

– У кого как, – пробурчала я, и Никита сразу стал серьезным:

– Ну, в СИЗО, поди, тоже мал-мал отмечают.

– Очень ты меня успокоил! А то я переживаю за то, что Акела праздничного лишился! Мне в принципе противно, что я здесь, а он там! Ни за что! – Я уселась на подоконник и вынула сигареты.

– Ну, тут мы ничем пока не поможем, вы ведь понимаете.

Я только вздохнула. На меня навалилось в последние дни слишком много всего, я чувствовала, что просто физически сгибаюсь под этой тяжестью. Но даже не это меня заботило, а то, как я начала снова меняться внутри. Я перестала следить за своими словами, за жестами, за мимикой, снова много и часто курила, хотя уже давно свела эту привычку к минимуму. В моей речи вновь начали проскальзывать ехидные ноты, а то и просто грубость, от чего Акела отучал меня два года. М-да, нехорошо... Но ничего – вот вытащу его, утрясу все вопросы – и снова влезу в кимоно, буду говорить тихим голосом, перестану орать и нервничать, а заодно и курить в таком количестве.

– Савва не звонил? – спросила я, выбросив окурок в форточку.

– Мне – звонил. А вам?

– А если я спросила – то сам-то как думаешь? – Вот, опять! Я снова поймала себя за язык на очередном псевдоостроумном ответе телохранителю. – Ты меня извини, Никита, я в последнее время много лишнего говорю...

– Вы в последнее время стали на себя не похожи, – вздохнул он. – И это я не про вчера-позавчера говорю. Вы давно уже какая-то другая, я не узнаю иной раз.

– Результат долгой и упорной работы над собой, мой друг. И вот за пару дней я взяла и все изгадила.

– А вы мне больше нравились, когда были едкой и бесшабашной, – признался Никита. – Такое впечатление, что сейчас вы просто в чужой костюм влезли, он вам мал, вы съеживаетесь, чтобы руки-ноги не торчали, а все одно – не получается. Себя не обманешь.

Я только вздохнула. Никита умел иной раз сказать что-то такое, что полностью соответствовало и моим внутренним ощущениям. Как он сейчас – про костюм-то...

– Ладно, это лирика, конечно, – произнесла я. – Давай о насущном думать.

– Ну, давайте. Савка успел несколько клубов восточных единоборств отработать, но бесполезно, – доложил Никита. – Примет мало, вы же понимаете – что такое дубленка? Их пруд пруди, у Моисея Израилевича вон тоже есть.

Да – это точно... дубленка коричневая у дяди Мони была, но это отнюдь не делало его, например, подозреваемым – мало кто мог заподозрить старого толстого еврея с тяжелой одышкой в пристрастии к боевым японским мечам.

– Ты прав... – задумчиво протянула я, вертя в руках новую сигарету и отчаянно борясь с желанием выкурить ее. – Это тупик, да?

– Это – скорее всего, да, – кивнул телохранитель, забрав у меня сигарету и выкинув в окно. – Но можно, наверное, как-то иначе попробовать. Немного толку от Савки в этот раз...

– Просто зацепок слишком уж мало.

– А у Акелы нет никаких фоток? Ну, старых каких-нибудь? Может, с соревнований?

Я удрученно покачала головой.

– Нет. Он уехал из дома с одной сумкой, ничего не взял, и никаких фотографий у него, разумеется, нет.

– А название клуба, в котором он тренировался, вы не знаете? – не отлипал настырный Никита, и я начала напрягать память.

Клуб был не совсем легальный, но название-то у него точно имелось... И Акела мне его называл, я могла голову прозакладывать, вот только вылетело оно у меня, к сожалению. Я изо всех сил копалась в памяти, стараясь вспомнить хотя бы аналогию, но ничего не получалось. И вдруг... «Синкагэ-рю»![11] Точно! Ну точно! Именно так – потому что сэнсэй моего мужа сам был приверженцем именно этой японской школы, следовательно, и свою в России назвал точно так же! О, черт!

– Никита, я, кажется, вспомнила! – слетев пулей с подоконника и вцепившись в подлокотники кресла, в котором сидел телохранитель, возбужденно зашипела я. – «Синкагэ-рю»! Она так называлась – «Синкагэ-рю»! И было это в... – я назвала город, откуда родом был Акела.

– Банзай! – рявкнул Никита, подхватив меня под мышки и вскочив. – Это же теперь совсем просто – Савка слетает туда после праздников и выяснит, с кем мог враждовать так давно Акела!

– Во-первых, поставь меня на место, – приказала я, не совсем довольная тем, что приходится болтать ногами в воздухе, – во-вторых, после праздников – поздно, а в-третьих, это еще доказать надо, что именно там, в школе, что-то случилось. Слишком много лет прошло, чтобы человек хотел отомстить.

Никита бережно опустил меня на пол и взъерошил рыжий затылок:

– А ведь точно... Но чем черт не шутит? Да и праздники у Савки – растяжимое понятие, его ноги кормят – буквально. Вдруг все-таки кто-то что-то вспомнит?

– Ты учти, что прошло больше двадцати лет, а основатель школы умер, – разочаровала я. – Возможно, там уже никто ничего не помнит. И школы-то никакой тоже может не быть – она в те годы существовала полулегально, на личные деньги этого сэнсэя. Энтузиаст был, хотел пацанов с улицы при помощи боевых искусств забрать.

– Вечно вы... – недовольно пробормотал Никита, явно расстроенный тем, что его вполне логичная и красивая версия оказалась висящей на волоске. – Попробовать-то можно.

– Можно. Только вот боюсь – зря.

Наш увлекательный диалог был прерван появлением Сони – она ворвалась в дом охраны, как сквозняк, в накинутой на плечи шубке и валенках на тонкие колготки, чем вызвала у меня волну родительского гнева.

– Соня! На улице мороз, а ты бегаешь через весь двор без шапки и в тонких колготках! Давно не болела ничем?!

Но хитрая девчонка нырнула за спину Никиты и, выглядывая из убежища, сообщила:

– Баба Галя сказала, что вам пора в дом идти. И деда Фима с дедом Бесом ругаются, что вы так долго не идете.

– Бесо, – поправила я. – Бесо – такое имя, которое никак не изменяется.

Но у Сони и на этот счет имелось свое мнение:

– Он мне разрешил его Бесом звать.

– Ой, да зови ты его хоть Чертом, раз ему так нравится, – отмахнулась я, поняв, что соперничать с прилетевшим сегодня ночью старым Бесо я не в состоянии. Он практически со входа прибрал мою дочь к рукам, и теперь Соня не отлипала от них с папой ни на секунду. – Идем, Никита, а то попадет нам с тобой.

У папы в доме было принято, чтобы те из охранников, кому не повезло дежурить в новогоднюю ночь, непременно садились за стол вместе с домочадцами – в этом смысле родитель мой был не чужд демократических принципов. Правда, спиртное им запрещалось – разве что бокал шампанского под бой курантов, ну, куда ж без этого, а в остальном ребята чувствовали себя полноценными участниками застолья. Сегодня же всем заправлял вернувшийся в город Бесо. Разумеется, был зван и дядя Моня с тетей Цилей, и Галя с новой помощницей Ирой тоже сели за стол, когда все было готово, накрыто и подано. В общем, получилась такая огромная семья. Разве что вот братьев моих не было уже... И – мужа. Моего любимого мужа, моего Акелы. Я впервые за время брака встречала праздник без него.

Соня, видимо, чувствовала мое настроение, хоть я и старалась изо всех сил не показывать, как мне не хочется делать вид, что мне весело, чтобы не портить праздник остальным. Она сидела возле меня тихо, как мышка, держалась за мою руку крепко-крепко, как будто боялась, что я уйду. Мне стало вдруг неловко, когда я осознала смысл этого

вроде бы невинного детского жеста – я портила праздник дочери, совсем погрузившись в свое горе.

– Ты чего, Сонь? – шепотом спросила я, наклонившись к ней, и девочка с совсем недетской тревогой в голосе отозвалась:

– Я тоже беспокоюсь о папе. Как он там один в этой... как ее? В командировке, вот! Он же совсем один, без нас, да, мама? Ему, наверное, скучно.

Я не знала, что ей сказать. Врать сил уже не было, а сказать правду – как? Соня не поймет, она все-таки еще очень маленькая. Лучше бы я не заводила этот разговор, потому что стало еще хуже.

Ольга

Она чувствовала, как ею снова овладел сыщицкий азарт. Странное поведение Михаила раззадорило Ольгу, ей непременно хотелось докопаться до истинной причины, и на смену обиде пришло желание понять.

С утра она заняла удобную позицию возле дома Михаила – благо он как-то показывал ей, где живет, хотя в гости не приглашал, ссылаясь на ремонт. Рядом располагалась кафе, и Ольга, оказавшись едва ли не самой ранней посетительницей, сумела выбрать такой столик, который стоял у окна и давал возможность без помех, в тепле и с чашкой чая наблюдать за одноподъездной шестнадцатизэтажкой. У нее была припасена тетрадка с уроками японского, чтобы не скучать, а заодно и повторить подзабытые иероглифы, и Ольга, прихлебывая ромашковый чай, принялась проглядывать собственные неровные каракули, изредка поднимая глаза на подъезд.

Так прошло около трех часов, и Паршинцева начала сомневаться в успехе своего мероприятия, когда вдруг из открывшейся двери подъезда показался Михаил. В руках у него был какой-то пакет, дубленка расстегнута, шарф сбился набок, а шапку он вообще нес зажатой под мышку. Это было странно – обычно Михаил отличался педантичностью в отношении к одежде. «Видимо, наспех собирался, – подумала Ольга про себя. – Торопится». Ей тоже стоило поторопиться, если она не хотела упустить Михаила, а потому она положила на стол деньги за чай, сунула тетрадь в рюкзак, набросила куртку и шапку и выскочила из кафе, направляясь в ту же сторону, что и Михаил.

Она почти догнала его у супермаркета и испугалась, что Михаил войдет внутрь, и тогда ей придется ждать его где-то за углом – иначе

заметит, но нет – он миновал крыльцо магазина и устремился вверх по улице, на ходу восстанавливая порядок в одежде.

Пакета в его руках уже не было – видимо, это был прихваченный из квартиры мусор, который благополучно перекочевал в бак. Ольга следовала за Михаилом на приличном расстоянии, чтобы успеть нырнуть в подворотню или подъезд, если вдруг ему придет в голову обернуться. Но он не оборачивался, шел вперед целеустремленной походкой человека, у которого возникло какое-то спешное дело. Так они добрались до окраины города, где располагался большой гаражный массив – Ольга неплохо знала это место, потому что у них тоже в свое время здесь был гараж, который они с мамой продали после гибели отца.

Михаил вынул из кармана ключи и отпер один из гаражей в самом последнем ряду, как раз тот, от которого дорога сворачивала вниз, под гору, где также ютились еще около десятка построек. Ольга облюбовала щель меж двух металлических гаражей, втиснулась туда и в этом убежище провела почти час, успев окоченеть настолько, что перестала чувствовать руки и ноги. Михаил появился на пороге, запер дверь, несколько раз дернул ее, проверяя, и, сунув в карманы руки, двинулся к выходу из массива. Ольга, дождавшись, пока он отойдет на приличное расстояние, выбралась из щели и тоже побрела следом, хотя сейчас логичнее было бы бежать и топтать замерзшими ногами.

Михаил поймал такси и уехал, Ольга же дождалась маршрутку, забралась на свободное сиденье и принялась остервенело растирать варежкой замерзшие руки. «Что он делал в гараже так долго? Машину чинил? Так ведь холодно... И не помню я, чтобы он мне про машину что-то говорил, мы всегда пешком гуляли. Хотя я теперь уже вообще ничему не удивлюсь – единожды соврав...»

Она доехала до дома и снова, как вчера, позвонила Михаилу. Тот, по его словам, «вышел прогуляться с мамой, пока на улице относительно тепло».

– Вот гад, – пробормотала Ольга, положив трубку, – ну, зачем он мне врет? Какая мама, какие прогулки... Можно подумать, что я навязываюсь ему! Я и встречаться с ним не стану больше, просто уже любопытно, зачем он это делает, что скрывает.

Александра

Савва приехал к нам первого числа вечером, позвонил, и мы с Никитой под предлогом необходимости съездить в город за моими вещами аккуратно исчезли из папиного поля зрения.

Детектив ждал нас на автобусной остановке – старой и заброшенной, здесь когда-то располагался дачный поселок, и был даже маршрут, позволявший дачникам добираться до места. Но с годами все участки были выкуплены теми, кто мог себе позволить строительство коттеджа этажа этак в два-три, а им, понятное дело, автобус ни к чему. Маршрут сократили, а остановка так и осталась – полуразрушенная уже бетонная конструкция с длинными деревянными лавками внутри и стойким, никогда не исчезающим запахом продуктов человеческой жизнедеятельности.

– Ну, и какого фи́га мы забыли в этом общественном нужнике? – с ходу поведя носом, возмутился Никита. – Даже мороз не берет!

– Ну уж прости – куда таксист довез, там и стою, – чуть обиделся Савва. – Моя-то тарантайка по такому морозу приказала долго жить, ничем не смог уговорить, так вот и пришлось – с таксистом.

Я хмыкнула, представив, в какую сумму обошлось рыжему детективу путешествие за столько десятков километров, да еще по морозу, да в поселок с весьма неоднозначной репутацией у простого населения.

– Сто раз тебе говорил – возьми мою машину, я все равно не езжу, мне некогда и некуда, – продолжал Никита, – но ты ж у нас бедный, но гордый!

– Я вот на вас смотрю и просто диву даюсь – ну какие вы, на фиг, близнецы? – вклинилась я. – Мало того, что ростом совершенно разные, так еще и собачитесь как неродные! Я вот со своими покойными братцами так не общалась.

Савва и Никита расхохотались.

– А вы вот попробуйте на кого-то из нас в отдельности наехать! – посоветовал Никита. – Сразу поймете, что такое близнецы.

– Поверю на слово, – улыбнулась я. – А вообще – холодно, между прочим, и чего мы стоим тут в чистом поле, вдыхая ароматы нечистот? Может, прокатимся куда?

Савва согласно кивнул, а Никита только махнул рукой:

– Ты что думаешь, она просто так предлагает? Нет, братик, у нас в багажнике отдыхает винтовочка «СВД», по которой руки Александры

Ефимовны стосковались, как у моряка по штурвалу. Не стреляла она давно, вишь ли!

Я рассмеялась. Никита был абсолютно прав – зря, что ли, я успела ему шепотом сказать, чтобы кинул винтовку в чехле в багажник, когда папа не будет этого видеть? Мне на самом деле очень хотелось пострелять, до зуда в пальцах, я так давно не делала этого. Но если пистолет у меня отнять Акела не решился, то вот на винтовку было наложено строжайшее табу. Сейчас, когда я вышла из-под контроля, и это стало можно. К тому же стрельба и полная концентрация на ней позволяли мне на время отрешиться от всего, что происходило вокруг. Завтра, например, мой день рождения – а я не хочу думать об этом, не хочу поздравлений, подарков, ничего вообще не хочу, потому что это будет мой первый день рождения без мужа. А без Акелы мне никаких праздников не хотелось.

Мы приехали к давно уже заброшенному песчаному карьере, где папа много лет назад впервые дал мне в руки настоящий пистолет. Однако спускаться вниз по крутому заснеженному обрыву не стали – Никита категорически заявил, что в его планы никак не вписывается последующее за этим восхождение, да и мне он тоже не позволит практиковаться в альпинизме.

– Ничего, мишень можно укрепить и здесь, совершенно необязательно такие пируэты исполнять. Вы вниз-то гляньте – как потом обратно забираться?

Резон был. Если летом, по песку, это еще представлялось возможным, то сейчас, по снегу, да еще непонятно, какой толщины, совершенно не хотелось испытывать судьбу.

– Ладно, давай тут где-нибудь повесим, – со вздохом согласилась я.

Пока Савва отыскивал место для мишени, а Никита доставал из багажника туристический коврик и кусок медвежьей шкуры, чтобы постелить мне на землю, я бережно распаковала винтовку, привычно осмотрела оптику и поразилась – ну надо же, даже теми же самыми жестами все это делаю, как будто и не было двух лет, за которые я ни разу не прикоснулась к оружию.

Когда все было готово, я улеглась на шкуру, устроила винтовку удобнее, прижала глаз к резинке прицела. Черт возьми, как же здорово... Я чувствовала, как внутри все дрожит от предвкушения, как

тело наливается привычной, но чуть подзабытой энергией, как фокусируется внимание и зрение. Нет, я так и не забыла всего, что умела и знала, – это невозможно забыть.

Заставляя Никиту устанавливать в качестве мишени все более мелкие предметы, я получала удовольствие от стрельбы, от собственной меткости, даже мороза не чувствовала, хотя Никита с Савкой по очереди бегали в машину греться. Мне же было так жарко, словно я лежала не на снегу, а на песке где-нибудь в Арабских Эмиратах, например, даже пар от меня валил.

– Не наигрались еще? – недовольно буркнул телохранитель, в очередной раз меняя предмет на мишени.

– А что? Вы устали-замерзли-проголодались?

– Нет, но надо бы о деле поговорить да домой ехать – время-то уже позднее.

Надо же – я настолько увлеклась стрельбой, что не заметила, как Никита включил фары, чтобы хоть немного подсветить место. С сожалением поднявшись на ноги, я вздохнула:

– Да, пожалуй, ты прав. Надо еще в город смотаться – что-то взять для отвода глаз. Поехали, по дороге и поговорим.

По дороге и поговорили. Савва тоже уцепился за версию о школе единоборств, но меня что-то в этом все-таки смущало. Ну, не верилось, что кто-то вообще способен хранить зло или обиду такой долгий срок, а потом продумать и привести в исполнение настолько изощренный план мести. Это никак не поддавалось моему пониманию и логике, но братья считали иначе.

– А почему нет-то? – горячился Никита, яростно защищая свою версию. – Думаете, не бывает обид, которые до смерти помнятся?

– Бывают. Но помнятся – а не отмщаются таким вот образом через сто лет!

– Ой, Александра Ефимовна, вы как маленькая! Да бывает, что человек другому так насолил, что и на смертном одре такое не прощают!

– Ну, и чего такого должен был сделать кому-то Акела, да еще в ранней юности, чтобы это настолько сильно зацепило? – осведомилась я, закуривая. – Младенца съесть на глазах? Ты думай, о ком говоришь-то!

Никита умолк, но тут же подключился Савва, и я поняла, что с этими двумя мне в одиночку точно не совладать.

– Да дело не в младенцах и не в персоне Акелы конкретно. Дело в каком-то поступке, действии, словах каких-то. Может, он девушку любимую увел у кого-то!

– Ага, щас! – скривилась я, потому что эта мысль была мне жутко неприятна – я привыкла считать себя единственной женщиной в жизни Акелы, как будто до меня у него вообще не существовало прошлого.

– А почему нет? – не отлипал Савва. – Он же не всегда такой был... ну, в смысле – с ожогом и без глаза...

– С семнадцати лет! – отрезала я. – Еще идеи будут?

– И все-таки я туда поеду, – упрямо заявил Савва. – Даже если это будет безрезультатно, все равно кое-что мы узнаем. Или сможем отместить, как проверенное и неподходящее.

– Ой, да делай ты что хочешь! – отмахнулась я, поняв, что никак не смогу убедить настырных братцев в их неправоте. – Деньги я тебе в городе выдам, у меня только карточка с собой. В банкомат нужно.

А дома у меня кто-то был...

Я почувствовала это мгновенно, едва вошла. Бывает такое ощущение, что что-то не так, не так, как ты оставила, не так, как было. Даже воздух был каким-то чужим – воздух моей собственной квартиры!

Я замерла на пороге, боясь сделать шаг, а в спину мне ткнулся Никита, едва не сметя с ног.

– В чем дело?

– Тихо! – прошептала я, подняв руку вверх. – Тихо, Никита...

Той же спиной я почувствовала, как мгновенно напряглись мышцы моего телохранителя, как он весь подобрался, словно гончая, учуявшая зайца.

– Отойдите! – приказал он чуть слышно, и я сделала шаг в сторону, впуская Никиту в квартиру.

Сжимая в согнутых руках пистолет, Никита абсолютно бесшумно двигался по квартире, а я замороженно наблюдала за ним. Он был прекрасен, как какое-то дикое животное, готовое первым кинуться в атаку или отразить любое нападение.

– Никого, – развернувшись в дальнем конце коридора, громко произнес он. – Никого нет, вам показалось.

Мне не показалось – я могла голову прозакладывать, что в моей квартире кто-то был, пусть не сейчас, но всего пару часов раньше. Я так и не сменила замки в двери, мне просто некогда было заниматься этим... Акела оказался прав.

– Никита, это сейчас никого нет. А недавно – был, вот поверь мне.

Я присела на корточки и с удивлением ковырнула пальцем в перчатке что-то коричневое, наполовину закатившееся под шкаф. Это оказалась пуговица. Обыкновенная коричневая пластмассовая пуговица с четырьмя дырочками. Держа ее на раскрытой ладони, я поднесла ее к самому лицу подскочившего ко мне Никиты:

– Видишь?

– Ну, пуговица. И чего?

– И того. Это пуговица не с тех вещей, которые есть в моем доме. Моя шуба – голубая. У Сони – пуховик на «молнии» и белая шубка. Акела не носит дубленок, он вообще носит только кожаные вещи в последнее время, и там – либо «молнии», либо клепки. Кроме того, у нас вообще нет коричневых вещей. Понял?

Никита взъерошил рыжие волосы на затылке:

– М-да... ситуация... выходит, слепки с ключа все-таки были.

– Да, – кивнула я. – И Сашка оказался прав, а я – трижды дура, что не послушалась и не сменила замки. Представь, что было бы, если бы я не уехала встречать Новый год к папе?

Меня даже передернуло от мысли о возможной встрече с реальным маньяком в собственной квартире.

– Так, берите все что нужно, и поехали! – решительно заявил Никита. – Не думаю, что вам стоит тут оставаться.

– погоди, я хотя бы осмотрю все – вдруг что-то пропало?

– Да неважно уже это, как вы не понимаете? Надо валить отсюда, а на двери я сейчас одну хитрую штуку поставлю, будет ясно, входил ли кто-то снова, да и заодно выясним, кто именно. Только мне в машину надо.

– Нет!!! – заорала я, вцепившись в рукав его куртки, и Никита от неожиданности пошатнулся. – Я не останусь тут одна!

– А-а! – протянул он понимающе. – Ну, тогда собирайтесь, я вас провожу и вернусь.

Повинуясь какому-то странному чувству, сперва я уложила в сумку Сашкины веера-тэссены. Не знаю, с чего вдруг я решила взять

их с собой, но какой-то внутренний голос шепнул – не оставляй здесь, и я вынула веера из сейфа. Эти вещи были дороги Акеле, память о дедушке и о сэнсэе Казуки, а память – она ценнее материального. Конечно, мечи и доспехи мне не забрать, но хотя бы это...

Было уже совсем поздно, когда мы подъехали к дому, где жила Ольга Паршинцева, – я хотела отдать ей приготовленный подарок, но не смогла дозвониться на мобильный, а потому пришлось пользоваться помощью Саввы и его знакомых, пробивших нам адрес Ольги по базе данных.

Паршинцева была удивлена, не ожидала меня увидеть на пороге квартиры, да еще в таком виде – кожаная куртка с капюшоном, берцы, заправленные в них брюки.

– Саша?! Ты... ого... – только и смогла вымолвить она.

– Оль, я ненадолго, только подарок отдать. Вот, держи, – я протянула ей завернутую в оберточную бумагу книгу. – Это энциклопедия самурайского оружия, тебе вроде было интересно...

Паршинцева едва не взвизгнула:

– Ты с ума сошла! Это же страшные деньги!

– Да ну? Подумаешь, я вообще-то денег не боюсь, даже страшных. Лишь бы тебе понравилось. А ты чего телефон отключила?

– Да глупости... представляешь, раздавила свой – поскользнулась, упала, а он в кармане лежал, – чуть смутившись, проговорила она.

«А денег на новый нет, и у мамы просить ты не можешь и не хочешь», – досказала я про себя и вынула из кармана куртки свой мобильный:

– Вот, возьми, только сим-карту мне верни.

– Нет-нет, ты что... а ты как же? – запротестовала Ольга, но я уже решительно вынимала сим-карту из телефона:

– Бери, сказала. А мне папа подарил новый.

Кстати, я не соврала – папа на самом деле подарил мне дорожный телефон последней модели, и вот у меня появился случай им пользоваться.

– Спасибо... – пробормотала Ольга, явно смущенная моим поведением.

– Не за что, пользуйся. Все, Оль, мне пора. Я вернусь к концу праздников, не хочу одна дома торчать, так в квартире пусто... – выпалила я скороговоркой и покатила вниз по лестнице.

Найти время для повторного визита в квартиру оказалось довольно сложно. Пришлось выдумать благовидный предлог – мол, сработала сигнализация в офисе, нужно срочно подъехать. Таким образом, он ухитрился выкроить себе пару часов.

Зачем он снова шел туда? Тянуло. Просто тянуло посмотреть еще раз, как жил до ареста ненавистный Сашка. Хотелось прикоснуться к тому миру, что он выстроил для себя и своей жены. Ну, и взглянуть на коллекцию драгоценного оружия. В прошлый раз он так и не успел толком рассмотреть все что хотел.

Он точно знал, что квартира сейчас пуста, – собственными глазами видел, как жена Сашки уехала на старом джипе, набив его багажник подарками, значит, в ближайшие сутки дома точно не появится. Слепки ключей он сделал скорее по наитию, чем обдуманно – не собирался снова появляться в этой квартире. Но и удержаться от соблазна тоже не смог.

Старинное оружие, прекрасное в своей холодной, устрашающей красоте, завораживало. Эта коллекция стоила настоящих, серьезных денег – уж он-то понимал в подобном. Такие вещи невозможно было найти на прилавках даже антикварных магазинов в стране, все это явно было привезено из Японии, подбиралось с любовью и знанием, а не скупалось, как дешевые сувениры, в лавочках. Тот, кто собрал коллекцию, знал толк в мечях.

Он бережно, в тонких нитяных перчатках, чтобы не оставить следов, снимал мечи один за другим с катана-какэ, рассматривал, поглаживал, трогал острые лезвия. Именно в этот миг он чувствовал себя совершенно счастливым, словно бы эти вещи принадлежали ему. Возможно, спустя какое-то время, когда уляжется шум вокруг убийств, а Сашка будет надежно и надолго изолирован, он придет к его жене и попросит продать ему коллекцию. Вряд ли женщина способна оценить то, чем сейчас владеет, и если предложить хорошую сумму... Но нет – опасно. Ее отец – слишком крутой, слишком печально знаменитый, к чему давать такому человеку повод копаться в твоей жизни? А ведь он явно заинтересуется кандидатурой покупателя. Нет, подобное общение не входило в планы...

Что ж, придется смириться с несправедливостями жизни – невозможно получить все, что хочется. Так пусть хотя бы ненавистный Сайгачев исчезнет – будет уже достаточно.

Он приходил в эту квартиру еще пару раз – исключительно для того, чтобы подержать в руках редкие экспонаты, украсть которые ему все-таки не хватило духа. И в последний свой визит решил – все, хватит. Это стало опасным, его могут увидеть, узнать. Пора заканчивать.

Он аккуратно запер дверь и выбросил дубликат ключа в мусоропровод. Так больше не будет соблазна. Соблазн – всегда плохо...

Ольга

Ей очень хотелось пообщаться с Сашей, но телефон той был отключен. «Наверное, еще не вернулась от отца», – подумала Ольга, оказавшись возле дома приятельницы и не обнаружив света в окнах. Уже собираясь уходить, она вдруг почувствовала себя как-то неуютно, словно вот-вот произойдет что-то неприятное. Так и случилось – из двора выходил Михаил, и Ольга едва успела юркнуть в расположенный рядом павильон.

– Странно... а здесь-то он с чего бы? – пробормотала она, напряженно провожая фигуру Михаила глазами через окно павильона.

– Девушка, у меня тут не обогревочный пункт! – раздался за спиной визгливый голос толстой пергидролевой блондинки-продавщицы в несвежей бело-голубой наколке на свалывшихся волосах и в таком же фартуке. – Или берите что-нибудь, или выходите – нечего попусту пол натапывать!

Купив шоколадку, Ольга вышла, про себя пожелав противной тетке удачи в торговле.

– Как будто жалко, если кто и просто погреться зашел в такой мороз! – пробормотала она, натягивая поглубже ушанку.

Зайдя за угол, она увидела маячившую впереди фигуру Михаила и почти инстинктивно двинулась следом, не вполне понимая, зачем делает это. Они дошли до остановки, и Михаил поймал такси, а Ольга, у которой не было таких денег, вынуждена была перейти на противоположную сторону и поехать на маршрутке домой.

Наталья Ивановна удивленно наблюдала за тем, как дочь, войдя в квартиру, сбрасывает вещи прямо на пол в коридоре и запирается в ванной. Оттуда довольно долго доносился звук наливавшейся в ванну воды, потом и он стих. Так прошло около часа, и Наталья Ивановна всерьез забеспокоилась.

– Оля! – стучала она в дверь. – Оленька, с тобой все нормально? Открой мне, Оля!

– Мам, ну, оставь ты меня в покое! – плачущим голосом попросила дочь из-за двери, и Наталья Ивановна с облегчением перевела дух – жива...

– Хорошо-хорошо, ты не сердись... я пойду пока чайку согрею.

«Не хочу я чайку никакого – мне бы водки! – меланхолично и отрешенно думала меж тем Ольга, погруженная до подбородка в теплую воду с пеной. – Хотя и не пью... а сейчас бы не помешало, наверное. Что происходит? Я перестала понимать, в каком мире нахожусь, что делаю, с кем общаюсь. Что за человек этот Михаил? Что он скрывает? Почему крутился возле Сашиного дома?»

И в этот момент ее впервые посетило подозрение – а не причастен ли ее случайный знакомый к пропаже меча? Ведь он так хорошо разбирается в оружии, столько знает о самураях и их традициях...

Ольга вынырнула из воды, замотала мокрые волосы в пучок и, обняв колени руками, стала складывать в голове имевшиеся факты и совпадения в одну линию. И выходило, что Михаил вполне мог быть тем самым похитителем... как мог... о, ужас... У Ольги даже мурашки побежали по телу – ведь он на самом деле мог оказаться тем самым человеком, что хладнокровно убивал несчастных бомжей...

– Не может быть... – прошептала она, вся замерев от ужаса. – Не может этого быть! Я должна, должна выяснить... Я с ума сойду, если это правда...

Акела

Второе января он провел в каком-то забытии. Это был день рождения его любимой женщины, а он даже не мог поздравить ее, поцеловать, подарить любимые белые лилии. Собственная судьба интересовала его сегодня меньше всего – ко всему битый жизнью Акела научился относиться философски. Тюрьма не пугала – он точно знал, что сможет выжить там и не изменить себе, не сломаться, не прогнуться. Он имел определенную репутацию, имел имя – довольно громкое, имел за плечами кое-какие дела, о которых знали те, кто был должен. И не в сроке дело.

Дело в другом... Аля и Соня. Жена и дочь, семья, которую он обрел уже в зрелом возрасте, все, чем дорожил в жизни.

«Смотрящий», видя, как мается этот странный человек с обожженным лицом, подсел к нему на нары и предложил:

– Чифирни, Акела, враз смута пройдет.

– Спасибо, – ровным тоном отказался он, – не увлекаюсь.

– Ну, гляди. А то, может, помочь чем? Хочешь, разгоню всех – зарядку свою поделаешь?

Каждое утро, невзирая на заключение и толпу в камере, Акела неуклонно начинал с дыхательных упражнений и боевых стоек, заменяя себе веера каким-то журналом, и никто из сокамерников ни разу не рискнул отпустить шутку или как-то прокомментировать это. Да и «смотрящий» не позволил бы – он хорошо знал и самого Акелу, и его тестя, Фиму Клеща. Кроме того, спокойный самурай своим видом отбивал у любого охоту к бузе или простому скандалу, а довольно возрастному уже «смотрящему» это оказалось только на руку – не приходилось самому вмешиваться во вспыхивавшие иной раз разборки. Акеле достаточно было просто встать с нар, чтобы у скандалистов пропало желание выяснять что-то дальше.

– Ты не мог бы достать мне мобильный хоть на три минуты? – вдруг резко сел на нарах Акела, и «смотрящий» мгновенно кивнул:

– Счас спворим. Эй, Ржавый!

К ним тут же подскочил верткий рыжеволосый парень в спортивных брюках с широкими «генеральскими» лампасами. Худое тело его покрывала синяя тюремная татуировка, из которой следовало, что парень судим уже в третий раз, хоть и относительно молод.

– Че, Киря?

– Метнись к вертухаю, там сегодня Петюня Боров дежурит, дай ему пятихатку, пусть мобилу сюда закинет – Акеле перетереть с кем-то надо.

– Щас все будет.

Он шустро, как хорек, просочился между сокамерниками к двери, постучал три раза и, когда в откинувшуюся створку окошка заглянул мордатый молодой парень, что-то зашептал ему и сунул в окошко сжатую в кулак руку. Буквально через секунду в то же окошко протиснулся огромный кулак с зажатым в нем небольшим мобильником:

– Три минуты.

Ржавый быстро пересек камеру и поднес телефон на раскрытой ладони Акеле:

– Наше вам с уважением!

Акела молча кивнул, взял мобильный и отошел к окну. Сердце его внезапно забилось чаще, а дышать стало так трудно, словно на грудь упало что-то тяжелое, неповоротливое. Он набрал знакомые цифры номера и, затаив дыхание, стал считать гудки. Аля ответила на третьем.

– Алло! – голос звучал сухо и отрывисто, и Акела сообразил, что номер телефона ей незнаком.

– Аленька, с днем рождения, малышка.

– Саша, Сашенька, это ты! – почти закричала на том конце Аля. – Родной мой, как ты? У тебя все в порядке?

– Да, все нормально. Малышка, мне так тебя не хватает, – вдруг признался он, чувствуя, как от этих слов перехватывает горло.

– Родной, держись, я все сделаю! Слышишь – я докажу, что ты невиновен, докажу!

– Аля, Аля, подожди! У меня совсем мало времени. Скажи – как Соня?

– Соня в порядке, она со мной, здесь, у папы. Приехал Бесо, они втроем постоянно время проводят – два старых и малая. Саша... я всегда с тобой, помни, ладно? Я никогда тебя не оставлю.

– Малыш... – но тут из распахнувшегося окна раздалось:

– Мобилу на место! – и Акела даже не успел попрощаться, просто отключил телефон, предварительно стерев номер из исходящих вызовов.

Но ему стало заметно легче – разговор с женой, ее голос, то, что у дочери все в порядке, словно придали ему новых сил. У него было за что цепляться в жизни – не то что у некоторых...

Михаил

– Ты совсем спятил! Куда ты смеешь уходить в праздники? Какая еще работа?! – голос Анжелы срывался на визг, больно резал слух.

– Ангел, но ведь это важно...

– Кому?! Тебе?!

– И тебе, я надеюсь, тоже... – стараясь быть мягким, проговорил Михаил, взяв ее за руку.

Анжела вырвалась и отскочила к окну.

– Я вынуждена сидеть дома одна! Если хочешь знать, так я не стану больше делать этого! Мне надоело! Ты ни на что не годен! Ни на что!

Михаил почувствовал, что начинает терять терпение. Еще немного, еще пара каких-то обидных слов – и он не выдержит. Неужели она не видит этого, не понимает? Вот Ольга – та чувствовала момент, когда Михаилу переставал нравиться разговор, и мгновенно меняла тему. А Анжела, словно нарочно, заводила его еще сильнее, обвиняя во всех грехах.

– Я живу с тобой из жалости! Ты никому больше не нужен – посмотри на себя! И в постели ты ничтожен, понятно?! Я устала врать и притворяться, устала, устала! – Она топала ногами в красных домашних тапочках, и ее рассыпавшиеся по плечам медно-рыжие волосы металась по сторонам, как пламя.

– Ангел, умоляю – остановись... – пролепетал шокированный Михаил, даже не вполне еще осознавая то, что услышал. – Ведь у нас все хорошо, зачем ты...

Он тоскливо бродил за метавшейся по квартире, как фурия, Анжелой и уговаривал, обещал что-то, умолял. Она же, казалось, не слышала его, и даже это равнодушие казалось Михаилу прекрасным. Девушка была красива, и именно эта визуальная красота, броская эффектная внешность застила глаза Михаилу и заставляла не замечать того, что на самом деле у Анжелы внутри. Вот она замерла на секунду у окна, и на фоне изумрудно-зеленой органзы штор ее медно-рыжая блестящая грива на какой-то момент стала настоящим факелом. «Как же ты прекрасна, – думал Михаил, любуясь этим зрелищем. – Ты настоящее совершенство».

– Я устала от тебя! Устала! Я ухожу, понял?! У-хо-жу!

Анжела сорвалась с места и побежала в спальню. Михаил услышал, как там грохнулся об пол чемодан, ударились в стены створки шифоньера – значит, начала скидывать вещи. Такое уже происходило пару раз, и Михаилу с помощью денег и подарков удавалось все вернуть на свои привычные места. Но сегодня он вдруг почувствовал, как внутри со звоном разбилось что-то – как будто упавший чемодан раздавил вазу. Михаил словно очнулся от странного сна, в котором он был рабом красивой, но пустой и холодной королевы, видевшей в нем только неиссякаемый денежный источник и

не дававшей ему ни капли любви или даже простого участия. И стало вдруг ясно и легко. И – главное – пришло осознание того, что он должен сейчас сделать.

Ольга

Слежка за Михаилом превратилась в основное занятие на все праздники. С утра Ольга теплее одевалась и, сунув в рюкзак тетрадку с уроками японского, отправлялась в кафе возле дома Михаила. Там ее уже узнавали, да и она различала официантов, успев подружиться с мальчиком Димой, работавшим в дневную смену. Дима запомнил ее обычный заказ и уже даже без меню мог сказать, что именно подавать на столик у окна, который Ольга облюбовала для себя еще в первый визит.

Так, коротая время за травяным чаем, «Наполеоном» и повторением иероглифов, Ольга дожидалась момента, когда Михаил покажется из дома, а потом брела за ним. Ходить приходилось много – Михаил, казалось, не замечал мороза и предпочитал пешие прогулки. К гаражу они пришли лишь однажды, поздно вечером, и Ольга долго мерзла в своем укрытии, пока Михаил не вышел с какой-то большой сумкой. Оставив ее на снегу, раскрыл ворота гаража настежь и вывел оттуда черный «Мерседес», с трудом забросил сумку в багажник, вернулся за руль и уехал. Это озадачило Ольгу – о машине она не слышала, и за все дни Михаил впервые воспользовался ею.

– Даже тут наврал. Машинка-то есть, и неплохая, – пробормотала Ольга, растирая варежкой замерзшие щеки. – Ну, хватит на сегодня, пора домой, а то окоченею.

Она зашагала к остановке.

В таком режиме прошли еще два дня, Ольга уже перестала понимать, чего именно хочет добиться, но все равно упорно следила за передвижениями Михаила. Вот и сегодня она стояла в своем укрытии, то и дело растирая варежкой нос и щеки, когда на ее плечо сзади легла тяжелая рука. От неожиданности Ольга ойкнула, пытаясь повернуться, но незнакомец локтем блокировал ей возможность повернуть голову.

– Кто это? – пискнула Паршинцева, внезапно охрипнув.

– А ты кого ждала? – поинтересовался знакомый голос, и у Ольги внутри стало холодно и совсем пусто от страха.

Александра

Не знаю, существует ли интуиция, но если существует, то у меня она определенно возведена в десятую степень. С утра я проснулась в отвратительном настроении и с чувством, что сегодня непременно случится что-то мерзкое.

– Даже не знаю, откуда прилетит, – пробормотала я своему отражению в зеркале.

Казалось бы, что может быть хуже того, что уже есть? Муж в СИЗО – куда дальше-то? К счастью, я в папином доме, Соня со мной, тут полно охраны – в общем, здесь мне ничего не грозит, а ощущение все равно отвратительное.

Я полдня слонялась по дому, не зная, куда себя приложить, – папа с Бесо уехали в город и взяли с собой Соню, у Никиты был выходной, Галя суежилась на кухне, готовя ужин. От нечего делать я позвонила Ольге домой и наткнулась на ее маму.

– Наталья Ивановна, это Саша. Оля у моего мужа японским занимается, – напомнила я, и женщина обрадовалась:

– Сашенька, здравствуйте. А Оля не у вас сегодня?

– Нет. Меня вообще в городе нет.

– Странно... – протянула Наталья Ивановна. – А она сказала, что к вам с утра пошла, весь день ее нет, я так и думала, что у вас...

У меня как-то неприятно заныло под ложечкой – с чего это Ольга вдруг наврала матери, что поехала ко мне? И где она, интересно?

– А давно она ушла?

– Да утром еще, часов в девять. И телефон не отвечает – гудки идут, а трубку никто не берет... Я думала, что она не слышит...

Теперь уже не слышала – вернее, не слушала – я. Бросив трубку, я метнулась к ноутбуку. Загрузив карту и специальную программу, нашла место, где работал «маячок», вмонтированный в мой мобильный, который я отдала Ольге взамен ее разбитого. Увеличив карту до размеров объекта, я даже не сразу поняла, что это и где, и только присмотревшись к названиям улиц, сориентировалась – это оказался большой гаражный массив на окраине города.

– Какого черта она там делает? – разозлившись, пробормотала я и тут поняла – вот оно, то мерзкое, что должно было произойти.

Ольга сказала матери, что уехала ко мне, а сама оказалась в каких-то гаражах на противоположной стороне города, и телефон ее работает, хоть и не отвечает. Ну, и что бы это могло значить? Верно,

только одно – собирайся, Саша, и мотай туда, ищи – благо есть возможность понять, где это. Спасибо моему заботливому мужу, давным-давно снабдившему мой телефон «маячком» – вон как пригодилось.

Раздумывать особенно было уже некогда – мало ли что там с Ольгой происходит. Я быстро переделалась в кожаные брюки и теплый свитер, натянула берцы и кожанку, сунула в карман пистолет и – зачем-то – Сашкин веер-тэссен, потихоньку стянула с вешалки в коридоре ключи от гаража, где находился мой байк, и быстро выбежала во двор.

Охранник на воротах в изумлении наблюдал за моими манипуляциями, пока я проверяла бензин и все остальное:

– Куда вы, Александра Ефимовна?

– Покатаюсь, – бросила я. – Открывай.

– А Ефим Иосифович разрешил? – упорствовал охранник, чем разозлил меня до крайности.

– Ты тупой?! Я совершеннолетняя! Ворота открывай, сказала, ну!

И он подчинился, хотя я прекрасно понимала – едва отъеду, он тут же позвонит отцу. Но это сейчас было уже и неважно – пусть. Я должна найти Ольгу, потому что – вот чуяло мое сердце – с ней что-то случилось.

Ольга

Михаил развернул ее лицом к себе, не ослабляя хватки:

– Шпионишь? А с какой целью?

– Я... я не...

– Все понятно! Спелась с этой Сашкой? Сайгачеву помогаешь? Ну, так я тебя разочарую – ты ему ничем не поможешь. И сюда зря явилась – жила бы. Поверил тебе, думал, ты другая – а ты на его стороне! – Михаил шипел ей в самое лицо, и Ольга никак не могла понять, что происходит, почему он так зол и при чем тут Александр Михайлович. – Идем со мной! – приказал он, но Ольга уперлась и даже попробовала закричать, и тогда он коротко ударил ее ребром ладони по шее. Девушка обмякла и потеряла сознание.

Возвращение к жизни оказалось как в фильме ужасов – полутемный сырой подвал, запах сырости и плесени, кругом какая-то мебель. Ольга лежала на полу, чувствуя щекой холодный цемент. Хотелось пить, ужасно болела шея, которую она не могла повернуть.

– Очнулась?

Она вздрогнула – оказывается, Михаил никуда не ушел, сидел на стуле и смотрел на нее.

– Скажи, зачем ты за мной следила? Думаешь, я только сегодня это заметил?

– Я... не следила... просто...

– Просто – что?

– Ты меня обманул. Сказал, что уедешь, а потом я тебя встретила в городе.

– Затем и звонила? Проверить? – насмешливо спросил он.

– Проверить. А что в этом странного?

– Странного – ничего, – согласно кивнул Михаил. – Но вот зря ты это сделала, Олечка. Совсем зря.

– Почему?

Михаил встал со стула, потянулся, как после сна, прошелся по подвалу от стены к стене.

– Ты вмешалась в мой план, Оля. Я не смогу теперь тебя выпустить – ты слишком много уже знаешь. И узнаешь еще больше.

– О чем?

Ольга пыталась сесть, но никак не могла – все тело словно перестало слушаться, и тогда Михаил, понаблюдав с усмешкой за ее попытками, подошел и за воротник куртки рывком усадил девушку на подогнутые ноги.

– Оля-Оля... зачем же ты сделала это? Ведь я не хотел причинять тебе зла, ты другая совсем, не такая, как Анжела была.

– Анжела? Кто это?

– Это моя любовница. Была, – будничным тоном объяснил Михаил. – Красивая была, как фотомодель. Но сука. Знаешь, Оля, никогда нельзя упрекать мужчину в несостоятельности. Это такая травма, которая ничем потом не залечивается. Я не обольщался по поводу ее отношения ко мне – но зачем так-то? Ведь я ни в чем ей не отказывал, все по первому требованию, по первому слову, по движению пальца! – Михаил сжал кулаки и умолк, снова заходил по подвалу туда-сюда, от стены к стене.

Ольга лихорадочно искала способ спастись и понимала – его нет. Она не сможет справиться с физически сильным и тренированным мужчиной, да и тело совсем не слушается – видимо, сказался удар по шее, явно был нанесен в какую-то особую точку. «Нет, этого не может

быть! Это не со мной, так ведь просто не бывает! – думала она, беспокойно наблюдая за передвижениями Михаила. – Это всего лишь сон – я сейчас глаза открою и окажусь дома, в своей постели, а на табуретке рядом будет стакан молока и тарелка с печеньем. И мама войдет и спросит, как я спала. А я скажу – мамуля, мне такой страшный сон приснился...»

Михаил перестал метаться, остановился около старого платяного шкафа и открыл его створки:

– Ты, кажется, говорила, что интересуешься старинным оружием? Я покажу тебе поистине уникальную вещь...

Он вынул какой-то сверток в красно-белом клетчатом одеяле, бережно развернул, и Ольга с ужасом увидела в его руках длинный меч в черных лакированных ножнах.

– Видишь? – Михаил любовно прошелся пальцами по ножнам. – Это настоящий самурайский меч. Да, он не слишком дорог в материальном плане. Зато он уникален в другом... С помощью этого меча я сумел вернуть себе самоуважение. А ведь это важно – самоуважение. Иначе ты никто – червь, тлен, прах.

Ольга, как ни была сильно напугана, все-таки узнала этот меч. Парный к нему малый меч-танто остался на катана-какэ в доме Сайгачевых. И значит, она была права – Михаил действительно украл его, действительно был в Сашиной квартире. Осталось выяснить одно, самое последнее... Но сделать это было так страшно, что Ольга снова зажмурилась. Если спросить напрямую, то кто знает, как именно поведет себя Михаил? Вдруг точно так же, как несчастным бомжам, отсечет голову и ей? Вид-то у него безумный...

И еще ей почему-то все-таки хотелось, чтобы это оказалось неправдой. Ладно – меч. Но убийства? Ведь она столько времени провела с этим человеком, успела проникнуться к нему уважением за его образованность и знания. Разве может такой человек убивать? А почему нет?

Ольга не могла найти ответов на свои многочисленные вопросы, а страх все сильнее сковывал ее. Все-таки пребывание в запертом гараже один на один с явно неадекватным человеком, у которого еще и меч в руках, заставляло думать скорее о плохом исходе, чем о хорошем.

А Михаил меж тем, вынув меч из ножен, принимал боевые стойки, и Ольга замороженно наблюдала за тем, как в тусклом свете

небольшой лампы поблескивает, взлетая и опускаясь, старый самурайский меч. Она вынуждена была признать, что внешне ничем не примечательный и даже полноватый Михаил сейчас выглядел суровым воином. Если бы еще не думать о том, чем именно он занимался при помощи этого меча...

– Красиво, правда? – спросил он, остановившись. – Я с детства мечтал иметь свой клуб, учить мальчишек быть настоящими воинами. Мне хотелось ездить на турниры, побеждать там и совершенствоваться. Но у меня отняли это. Отняли, ничего не предложив взамен, кроме презрения. Ты знаешь, что такое потерять мечту?

– Знаю, – проговорила Ольга.

– Откуда?

– Я мечтала быть судебным медиком. Но произошла нелепая ошибка, случайность – и теперь я вообще без работы осталась, – она старалась говорить как можно более искренне, чтобы хоть как-то достучаться до Михаила, отвлечь его, расслабить.

– Тебя выгнали с кафедры? – удивился он и присел на корточки, положив меч на колени. – Ты не говорила.

– Я не успела...

– Да... ты многого не успела в жизни, Оля, – задумчиво протянул Михаил.

Он вдруг резко поднялся, уронив меч, и, схватив Ольгу за воротник, поставил на ноги:

– Сейчас я покажу тебе кое-что.

Он развернул девушку лицом к противоположной стене, подскочил к висевшей там полке и отдернул занавеску. Едва взглянув, Паршинцева истошно закричала и упала на колени.

– Ну, вот и все. Теперь ты знаешь... – Михаил встал над ней и крепко ухватил за волосы, чуть наклоняясь в сторону, чтобы поднять упавший меч.

Александра

Я долго колесила по городу, отыскивая гаражный массив. Это оказалось труднее, чем на компьютерной карте. Но в конце концов мне это удалось, и я, припомнив номер гаража, приступила к поискам. Множество строений сбивало, они были расположены рядами, но пронумерованы как-то хаотично, и это только мешало. Нужный гараж

все не находился, а время шло, и под ложечкой у меня по-прежнему сосало от неприятного предчувствия. Я уперлась в последний ряд гаражей, заглушила двигатель и беспомощно оглянулась. Если не здесь, то тогда я вообще не знаю, что делать. Я тупо смотрела на гаражи перед собой и словно ждала чуда.

Крик, донесшийся до меня из правого гаража, заставил вздрогнуть – несомненно, это кричала Ольга, ее голос я не перепутала бы уже ни с чьим. Дверь оказалась заперта – ну, разумеется, хватит уже ждать подарков от судьбы! Я осторожно подергала ее, стараясь не создавать ненужных звуков, и обнаружила, что в щель прекрасно входят два пальца, а это означало только одно – что гараж не заперт на засов изнутри, а только захлопнут на «собачку» не особенно надежного замка. Если приложить определенную силу, то дверь можно запросто открыть, однако сил таких у меня не было, а подбирать отмычку оказалось совершенно не из чего – карманы куртки, которые я вывернула наизнанку, были пусты. Но в кофре байка я всегда возила метровую цепь – не знаю уж, как память или как возможное оружие для самообороны. Сметнув, что с ее помощью можно попытаться вырвать замок, я прикрутила цепь к дверной ручке, которая, на мое счастье, оказалась крепко приваренной к металлу двери, а второй конец закрепила за раму байка, моля бога, чтобы вырвать дверь мне удалось с первой попытки и при этом еще и самой не совершить головокружительный пируэт с привязанного мотоцикла. Осторожно, стараясь не делать очень уж резких движений, я тронула мотоцикл с места, и когда цепь натянулась, чуть добавила газку. Дверь крякнула и открылась, я заглушила двигатель и кинулась внутрь, на ходу выхватывая из одного кармана пистолет, а затем из другого зачем-то – Сашкин тэссен.

В гараже обнаружился «Мерседес», я обошла его, пытаясь найти спуск вниз.

Туда вела довольно крутая лестница, но мне некогда было беспокоиться о ее градусе наклона – там, внизу, с Ольгой явно происходило что-то ужасное. Кубарем скатившись по ступеням, я оказалась в пахнущем плесенью и сыростью подвале, посреди которого увидела стоящую на коленях Ольгу, а над ней – мужчину в коричневой расстегнутой дубленке. Он крепко держал Паршинцеву за волосы и уже собирался наклониться, чтобы поднять валявшийся на

полу неподалеку меч... Недолго думая, я ударила его по руке, однако мужик оказался довольно вертким для своей полноватой фигуры, успел ударить Ольгу по шее, а затем и сумел каким-то мотком веревки выбить у меня пистолет. Но я была настолько сконцентрирована и зла, что это не сбilo меня с толку, и я со всего маху ударила его в лицо рукояткой веера, заставив охнуть, а потом, быстро разложив тэссен, чиркнуть по горлу – куда достала. Получилось неглубоко, но, видимо, больно, потому что мужик взвизгнул и упал на колени, держась за шею, и вот тут я врезала ему берцем в и без того уже разбитый нос, быстро схватила с пола пистолет и добавила рукояткой по затылку. Мужчина обмяк и рухнул на пол. Нужно было что-то делать с ним, иначе, очнувшись, он мне задаст, это ясно – весовые категории слишком уж разные. Бросив взгляд на лежавшую без сознания Ольгу, я рассудила, что займусь ею чуть позже, иначе нам обеим не поздоровится, если этот кабан очухается раньше, чем я его нейтрализую.

Откуда только во мне взялось вдруг столько силы, не понимаю, но я буквально в два рывка подтащила тяжелое тело к шкафу и ухитрилась его запихать почти по плечи между стенкой и стоявшей рядом тяжелой дубовой тумбочкой. В шкафу нашелся еще моток веревки в придачу к тому, что уже валялся на полу.

Я поразилась собственной сноровке и откуда-то возникшим навыкам. Словно перед глазами вдруг встала картинка из старинного японского трактата о поведении самурая с пленными и крупно – виток за витком, узел за узлом – техника боевого связывания. Я, помнится, долго рассматривала этот рисунок, выполненный тушью, и все никак не могла понять, какое чувство владеет мною сильнее – ужас или восхищение. Даже не знаю, как и откуда именно сейчас память вынула картинку, как фокусник цветные платки из рукава, но я была уверена, что с точностью до миллиметра повторила все витки веревки. Работа требовала определенных усилий, да чего уж там – оказалась просто выматывающей, все-таки противник по весу превосходил меня вдвое, а то и больше, но я не успокоилась, пока не убедилась, что неподвижно лежащее грузное тело надежно скручено и веревки, которыми я привязала его ноги к металлическим рельсам, служившим подпоркой перекрытий, достаточно прочны, чтобы не лопнуть от малейшего резкого движения.

Закончив кропотливую работу, я наконец-то смогла оглядеться. Обычный с виду подвал, старая мебель, какие-то сундуки, стулья, хлам и скарб. Самое ужасное поджидало меня на тяжелой, явно новой по сравнению со всем остальным полке... Там, укрепленные на подставках и снабженные небольшими свитками с какими-то подписями, стояли пять человеческих голов – три мужских и две женских... Такого ужаса я не испытывала, наверное, никогда, даже во время первого занятия по анатомии на первом курсе академии. Но там нам никто и не демонстрировал головы с открытыми глазами и совершенно осмысленным выражением лиц. Особенно меня поразила стоявшая в ряду последней голова молодой девушки. Роскошные медные волосы, уложенные в тяжелый пучок, красивое тонкое лицо, пухлые губы, чуть приоткрытые как бы в удивлении, выразительные глаза... Господи, кем же должен быть человек, способный на такую жестокость?

Вытерев рукавом куртки лоб, я села на колченогий табурет и закурила сигарету, стараясь не смотреть больше на полку, которая, разумеется, как магнитом притягивала к себе мой взгляд. Стоп! Пять голов... А ведь Карепанов говорил только про четыре трупа! Про четыре – а голов на полке пять! Следовательно, одно убийство совершено уже после того, как Акелу арестовали! После того! Это ведь в корне все меняет! Мне стало даже немного легче, когда я поняла это. Теперь важно донести этот факт до следователя. Да и сейчас нужно поторапливаться и трясти этого типа.

Ольга по-прежнему не подавала признаков жизни, но была жива, и это меня слегка успокоило. Я залезла в шкаф и нашла там старое одеяло, которое и подсунула кое-как под неподвижное тело подруги – все-таки цементный пол не мягкий матрас, а на улице зима. Нервировали меня выставленные на полке отрубленные головы на подставках, вот уж поистине кошмар, даже мне, далеко не слабонервной и привыкшей к виду трупов, это оказалось как-то не по силам. Стараясь не смотреть, я быстро задернула занавеску, которую заботливый хозяин подвала смастерил из куска старой портьеры, и мне стало даже как-то легче. Черт бы побрал этого маньяка вместе с его извращенной фантазией...

Получалось, что Сашка был прав – вот он, имитатор, вот эти самые... как их... да, бундори. И меч... Сашкин пропавший меч с

отбитым куском яшмы, тот самый меч, которым этот придурок убил этих несчастных и собирался убить Ольгу. Меня передернуло от ужаса, когда я представила, что могло произойти с моей приятельницей, если бы я не позвонила ее матери, если бы мне не хватило смекалки поискать ее местонахождение, ориентируясь на «маячок». Если бы я не успела, если бы поехала на машине, замешкалась в пробке, если бы не отдала Паршинцевой свой мобильный, в котором много лет стоит «хитрушка» для слежения – спасибо любимому мужу, – если бы не прихватила с собой пистолет и этот самый чертов веер-тэссен! Точно ведь говорят – все, чему мы учимся, непременно нам пригождается. Вот и мне пригодилось умение вовремя открыть эту железную штуку и так вывернуть запястье, чтобы нанести сперва удар, а потом и порез... И все это – заслуга Акелы, ведь это он научил меня.

Интересно, что мне делать со всем этим богатством теперь? Особенно вот с этим распятым на полу телом. Очень хочется совершить что-то противоправное, просто руки чешутся, но – нельзя. Нельзя! Мне надо сделать все, чтобы он оказался там, где ему место, хотя, безусловно, я предпочла бы иной метод наказания. Нет, Саша, остановись, не уподобляйся.

Кто бы знал, каких трудов стоило мне вот так сдерживать себя, находясь в одиночестве и в удобном для расправы месте. Чего проще – убей его, а потом вытяни отсюда Паршинцеву и подожги адский подвал, устрой парню чистилище – никто и не узнает. Но вот как раз последнее меня и удерживало – я должна сделать так, чтобы его арестовали. Но сперва он мне все расскажет. Я должна знать, за что и почему этот совершенно незнакомый мне человек решил распоряжаться судьбой моего мужа и моей заодно.

Меч я трогать не решилась – все-таки теперь на нем есть отпечатки настоящего убийцы. Жаль было только, что оперативники начнут хватать ценную для моего мужа вещь, рассматривать, крутить в руках. Но выхода нет. Я подобрала отброшенный в угол тэссен, внимательно осмотрела его, с удовольствием убедилась, что повреждений на нем нет, сложила и убрала во внутренний карман куртки. Пистолет засунула за пояс брюк, хотя терпеть не могла эти ковбойско-гангстерские штучки. Но сейчас так надежнее. Еще раз подойдя к Паршинцевой и убедившись, что та по-прежнему без сознания, хоть и дышит ровно, я стянула с полки большую

пластиковую бутылку, которую облюбовала уже давно. Отвинтила крышку, и в нос ударил едкий запах керосина.

– Отлично, – пробормотала я, – как раз то, что нужно.

Я поставила бутылку аккуратно между ног пленника и полюбовалась картиной. Жаль, что он этого не увидит. Но ничего – я расскажу в красках.

Человек начал слегка пошевеливаться, пробуя сперва размять скрученные за спиной руки, и я обрадовалась – наметился прогресс, сейчас поговорим.

– Ну, давай знакомиться, – проговорила я, встав над ним и скрестив на груди руки.

Видеть меня он не мог, лежал вниз лицом и не имел возможности повернуться, но я надеялась, что во время нашего непродолжительного общения за несколько минут до этого он все же успел хоть чуть-чуть меня рассмотреть.

– Ты... кто? – выдавил он. Звук получился глухой и гнусавый – все-таки нос я ему, видимо, ухитрилась сломать.

– Я-то? А сам что думаешь? Не может же не быть идей.

– Пошла ты! – вспыхнул пленник, дергаясь всем телом.

Это было очень комичное зрелище – толстый мужик, распятый за ноги и зажатый между шкафом и тумбочкой, пытается освободиться от веревок, дергаясь при этом, как жирная гусеница. Будь я чуть более цинична – сейчас снимала бы все это на камеру мобильного телефона.

– Ты сильно не крутись, парень, – посоветовала я, – а то можешь ненароком удавиться. Петля на горле будет затягиваться в такт твоим телодвижениям, шея у тебя массивная, надолго не хватит. Развязаться ты самостоятельно не сможешь, это я гарантирую. Ну а если вдруг где-то с узлами просчиталась, так на этот случай у тебя между ног стоит бутылка с керосином, а у меня в руке пистолет и зажигалка. Дальше рассказать? – Для наглядности я вытащила пистолет и легонько ткнула мужичка дулом в затылок.

– Ладно, твоя взяла, – прохрипел связанный человек, которому было неудобно лежать лицом между старым шкафом и тумбочкой, будучи втиснутым туда, как меж двух плах. – Давай... поговорим.

– Давай. – Я убрала пистолет, упирившийся ему в затылок, дернула к себе табуретку и села.

– Дай мне... лечь... удобнее хотя бы, – попросил он, но я только усмехнулась:

– Шибко умный? Или шибко хитрый? Мы с тобой, мил друг, слишком разной комплекции, чтобы я тебя туда-сюда ворочала. Ничего, полежишь – потерпишь.

– Мне... тяжело... дышать, – прогнусил мой пленник, пытаюсь вызвать жалость, но я никогда не была слезливой, слабонервной и жалостливой – особенно если кто-то причинил вред моей семье. Кроме того, мне важно было знать, что этот человек обездвижен, хорошо связан и не сможет подняться на ноги – он все-таки владел кэндзюцу, а уж мне-то не надо было рассказывать, что это значит.

Меня беспокоила еще и лежавшая до сих пор без сознания Ольга. Интересно, куда и с какой силой он ударил ее, что буквально вырубил на такой длительный срок? Но с этим я разберусь позже, пока нужно вытрясти из пленника все, что можно.

– Так что – будем разговаривать? Или мне позвонить одному хорошему человеку, и он сюда отрядит своих людей? – как бы размышляя вслух, бормотала я достаточно громко, чтобы слышал и лежащий на полу мужчина. – А вот уж у них-то даже плашки в паркете разговаривают, да еще так охотно – только успевай записывать...

– Я... я знаю, кто ты... – просипел он.

– Н-да? И кто же?

– Ты... Фимы Клеща... дочь...

– Ух ты! Какая осведомленность, – фыркнула я, закуривая сигарету. – А я вот больше тебе скажу – папаша мой распрекрасный тут вообще ни при чем. А беседуем мы с тобой исключительно по другой моей линии. Думаю, ты отлично понимаешь, о чем я сейчас, да?

Мой пленник помолчал, как будто взвешивал порцию информации, которую может мне сейчас выдать. Он не понимал только одного – что я выдавлю из него все до капли, каким бы мужественным и храбрым он ни старался казаться самому себе.

– Ты... Сашки Сайгачева... жена, – вывернул мужчина.

– Ответ засчитан. Игрок переходит на следующий уровень. Что тебя лично связывает с моим мужем? Ведь, насколько я понимаю, именно в нем дело? И меч из нашей квартиры ты подрезал с умыслом

– да не просто, а с подтекстом, потому что подарок это был, и для Сашки очень дорогой к тому же.

В углу зашевелилась Ольга, и я моментально забыла про мужчину – куда он денется, привязанный за раздвинутые почти в шпагат ноги-то?

Паршинцева застонала, пытаясь сесть, и я кинулась к ней:

– Оля, Оля, все в порядке, это я, Саша. Все хорошо...

Она все пыталась принять какое-то удобное положение, но руки и ноги практически не слушались, и тогда я что было сил ухватила ее за борта куртки и рывком усадила, прислонив спиной к склизкой стене подвала. Ольга наконец начала мало-мальски соображать и пробормотала:

– Вот это да...

– Ты какого черта сюда пошла? – сразу набросилась я, не дав ей опомниться.

– погоди, Саш... не соображаю совсем... – взмолилась Паршинцева.

– Пить хочешь? – Я вспомнила о прихваченной из дома по наитию фляжке с коньяком и здраво рассудила, что алкоголь для Ольги сейчас – хороший выход. Не дожидаясь ответа на свой вопрос, вынула фляжку из внутреннего кармана куртки, отвинтила крышку и сунула емкость к губам отпрянувшей Паршинцевой: – Так, не выпендривайся! Два больших глотка сделай, от этого не умрешь!

Ольга послушно глотнула из фляжки, закашлялась, затрясла головой, но ей буквально тут же стало лучше, и это меня успокоило.

– Оля, давай быстро, у меня еще много дел здесь до приезда милиции, – приказала я. – Как ты оказалась здесь?

– Я... я подумала... – сбивчиво начала она, – помнишь, ты говорила про коричневую дубленку и про то, что человек, который Александра Михайловича хочет подставить, явно владеет боевыми искусствами? – Я нетерпеливо кивнула. – Ну, я почему-то вдруг подумала, что у Миши есть такая дубленка. Да и познакомились мы странно – в книжном магазине, в отделе, где торгуют альбомами о самурайском оружии. Он столько об этом знает – ужас... И однажды – я теперь вспомнила – он меня долго расспрашивал о том, где я занимаюсь японским, с кем, бываю ли в квартире, или есть какое-то другое место...

Я ударила кулаком в стену над Ольгиной головой и застонала:

– Ну, какого черта ты молчала об этом?! Почему не сказала мне?! Ведь тогда могло не быть этого последнего трупа!

– Это моя одноклассница, – тихо проговорила Ольга, облизав губы. – Анжела. Мы с ней как-то недавно встретились, много лет не виделись. Она говорила, что живет с каким-то «папиком» при деньгах, мол, мерзотный тип, но денежками сорит ради нее. Я еще тогда ей сказала – допрыгаешься... Но я же не думала, что все вот так...

– Одно хорошо в этой ситуации, – задумчиво протянула я, с отвращением оглядывая распластанное на полу тело этого Михаила, – хорошо, что последнее убийство произошло уже в тот момент, когда Сашка находился в СИЗО. Это доказывает его непричастность. И это поможет мне, как и найденный здесь меч, и вот эти статуэтки из голов... Слышишь, красавец? – Я, не сдержавшись, пнула его в голень. – Подарю тебя доблестным сотрудникам органов прямо вместе со всем приданым. То-то радости будет... Процесс громкий закатыт, ты ж серийник. По телевизору покажут – прикинь, слава какая? Урод...

– Давай договоримся... – прогнусил он в пол. – У меня много денег...

– Ты что – совсем гоноф неумный? – от удивления я даже вспомнила любимое ругательство дяди Мони. – Денег у тебя много? А у меня, думаешь, их меньше? Или мне твои нужны? Да ты мужа моего в тюрьму хотел упрятать – и теперь деньги предлагаешь?! Я ведь могу передумать и вместо милиции папиных орлов сюда позвать – то-то развлечемся! Нафаршируют тебя твоими же денежками – и на вертел.

От злости меня даже затрясло, как при ознобе – ну бывают же настолько тупые и циничные люди, которые готовы все измерять деньгами!

– Заткнись, короче, и не мешай мне разговаривать, а то серьезно разозлюсь! – отрезала я и вернулась к Ольге: – Ну? И какого все-таки лешего ты поперлась в этот подвал? И откуда вообще о нем узнала?

– Я за ним следила несколько дней, – призналась Паршинцева. – Он мне сказал, что к матери уедет на Новый год, в другой город, а потом я его случайно на улице увидела. За угол спряталась, набрала на мобильный, а сама наблюдаю. Он трубку снял, я спросила – как дела, где ты, а он – все хорошо, сижу с мамой, телевизор смотрим.

– Знал бы, кто ты, раньше Анжелки уложил бы! – зло прокомментировал Михаил. – Думал – ты человек, а ты... Я с тобой, может, душой отдыхал, нравилась ты мне...

– Именно потому ты мне голову отрубить хотел? – перебила Ольга, которой коньяк уже вернул и уверенность, и возможность нормально соображать. – Потому, что душой со мной отдыхал? А врал зачем?

– А надо было честно сказать – мол, на досуге головы рублю бомжам, чтобы отомстить своему давнему приятелю Сашке Сайгачеву?

– Так вот откуда лапки растут... – протянула я, понимая, что мой телохранитель Никита интуитивно оказался совершенно прав – дело было именно в прошлом моего мужа. – Ну, сказал «а», скажи уже и «б», что ли.

– А и скажу! – вдруг сорвавшись на петушиный крик, пообещал Михаил. – И скажу, слушай! Может, поймешь чего!

Михаил

Много лет, долгих, тягостных лет он мучился от сознания того, что все равно, при любом раскладе оказался хуже Сашки. Когда Сайгачев накануне выпускного попал в больницу с ожогами лица и выбитым глазом, Михаил испытал даже какое-то облегчение, своеобразную радость. Вроде как судьба наказала соперника за неудачи, которые – в этом Михаил был твердо уверен – преследовали ни в чем не повинного мальчика Мишу.

Со временем рана не стала менее кровоточащей, потому что он подогревал изнутри свою ненависть, как подогревают джезву с кофе над спиртовкой. Пути их давно разошлись, Сашка уехал, потерялся где-то, а Михаил, с позором выставленный сэнсэем из клуба, продолжал тренировки уже самостоятельно – благо с появлением видеокассет это стало намного проще. Из маленького городка на границе с Китаем Михаил перебрался ближе к центру страны, но в столицу ехать не собирался. Организовав собственный бизнес, он слегка остепенился, обзавелся брюшком, хотя тренировок не бросал. И вот однажды...

Случай – как всегда, все в нашей жизни решает случай, маленькая насмешка судьбы или улыбка ее, кому как.

Условия ведения бизнеса диктовали некую модель «правильного» поведения, и Михаил исправно платил деньги «крыше»: якобы охранному агентству, а на деле – организованной преступной группировке. И вот в один из «зарплатных» дней, когда он встречался с «представителем фирмы» в ресторане «Ходжа», в зале вдруг началось какое-то оживление, а затем появился невысокого роста толстый лысоватый человек в дорогом костюме и с таким перстнем на безымянном пальце правой руки, что камень было видно даже издали. За ним шел огромный бритый наголо мужчина со странной длинной косой на самой макушке. Был он обряжен в кожаную куртку и брюки, обут в высокие берцы на толстой подошве, а фигура излучала уверенность и спокойствие. Но примечательным было даже не это и не факт, что от него шарахались. На месте левого глаза у мужчины красовался кожаный кружок, и вся левая половина лица напоминала ужасную маску. Внутри у Михаила что-то дрогнуло – очень уж схожие травмы с теми, что получил много лет назад Сашка Сайгачев.

Толстый человек и его спутник уселись за стол в самом удобном месте зала, откуда просматривалось все, в том числе и входная дверь, у которой, как успел заметить Михаил, замерла охрана. Официантки суетливо забегали, мэтр на полусогнутых побежал к столу, держа на вытянутых руках две папки-меню.

– Кто это? – спросил Михаил у своего «крышевого», и тот хмыкнул:

– Ну, братан, такие-то вещи знать надо бы. Это Фима Клещ, авторитет местный, а с ним – Акела, кто-то вроде правой руки и наемника одновременно.

– А-а, – неопределенно протянул Михаил. – И чего – он местный, Акела этот?

– Нет, приезжий. Говорят, Фима его откуда-то сманил. Чертяка тот еще – самурай недоделанный. Но уважают его крепко. Фима его очень ценит, платит хорошо, к себе приблизил.

Фраза про «недоделанного самурая», а также прическа незнакомца только утвердили Михаила в мысли о том, что это Сашка Сайгачев. Спустя пару дней он аккуратно навел справки и понял, что оказался прав. Давний соперник снова появился на горизонте, и любое сравнение оказывалось не в его, Михаила, пользу... Сашка не растолстел, напротив – стал словно суше, мускулистее, и даже лицо,

изуродованное шрамами и отсутствием глаза, не сделало его внешность отталкивающей. Встречаясь с ним то там, то здесь в городе, Михаил увидел рядом с Сайгачевым симпатичную миниатюрную девушку с короткой рваной стрижкой, очень молоденькую, годившуюся разве что в дочки. Но девушка смотрела на Сашку таким взглядом, что не оставалось никаких сомнений – она его любовница. Более того – Сашка влюблен в нее взаимно и без памяти. Это больно уязвило Михаила – ему всегда приходилось покупать любовь понравившихся девушек подарками, а то и откровенно деньгами. Ему нравились рослые, длинноногие девушки-блондинки с высокой грудью, тонкой талией и голубыми глазами, однако как раз у таких Михаил со своей довольно заурядной внешностью никаким успехом не пользовался. Красотка Анжела снизошла до него как раз потому, что почувствовала запах денег, да не простых, а очень приличных. Михаил не был глуп и прекрасно это видел, злился, но расстаться с Анжелой пока не мог. Воспоминания же о миниатюрной статуэточке, которой безраздельно владел одноглазый самурай Сайгачев, причиняли такую невыносимую боль, что Михаил даже во сне корчился от спазмов. Оказалось, что девушка – его жена, что у них есть дочь – кудрявая красивая малышка с огромными глазами, и Михаил часто видел, как Сашка идет домой, неся на плечах девочку. Даже клуб восточных единоборств Сайгачев открыл – как нарочно, словно бы украл у Михаила мечту детства. У него было все, а у Михаила ничего.

Когда Анжела начала упрекать Михаила в мужской несостоятельности, у того в голове словно лопнул стеклянный сосуд, и его осколки впились в мозг, причиняя страдания. Одновременно с этим начал зреть план, как избавиться от Анжелки и заодно расквитаться за все неудачи с ненавистным Сайгачевым. Этот план требовал мужества, жестокости и изворотливости, но игра стоила свеч. Даже покойному сэнсэю удастся отомстить за тот позор, когда он, Михаил, стоял перед шеренгой одноклубников и выслушивал жуткую фразу: «Ты предал идею бусидо. Ты не можешь находиться среди нас. Ты будешь изгнан, и в этом состоит твое наказание».

Для осуществления плана нужен был меч. Но не простой, а тот, который принадлежал бы Сашке – о его коллекции Михаил узнал через пятые руки, потеряв во дворе дома, где жил Сайгачев с семьей. Выяснив, что в квартиру вхожа еще и домработница, он принялся

следить за ней – все-таки вытянуть ключи у немолодой женщины, которая вряд ли сможет обнаружить за собой слежку, куда проще, чем у самого Сашки или его жены, которая, как уже знал Михаил, тоже та еще штучка.

Случай представился не скоро – в супермаркете, когда женщина зазевалась, он спокойно сунул руку в открытую сумку и, зажав ключи в кулаке, чуть подтолкнул домработницу вперед – как будто хотел пройти. Та, клуша, даже не поняла.

Когда же Михаил попал в квартиру, его радости не было предела – на катана-какэ он сразу увидел черные дайсе, принадлежавшие раньше старому сэнсэю... Разумеется, подарил любимчику! Это была настоящая удача, белозубая улыбка судьбы – с помощью подарка сэнсэя подвести его любимчика под «убойную», да еще и серийную статью.

Убивать людей оказалось легко – намного легче, чем, скажем, убить собаку. Та снилась ему потом много ночей подряд, а вот убитые бомжи не являлись ни разу. И их головы, заботливо обработанные по специальной технологии, найденной в Интернете, не пугали, а, напротив, внушали уверенность в себе. И Анжелкина голова, красивая, с чуть приоткрытым от удивления ртом, стала жемчужиной коллекции. До заветного числа «семь» он не дотянул, остановился на четырех, а четверка у японцев всегда была символом несчастья – в гостиницах нет четвертого номера, в зданиях не нумеруется четвертый этаж, а родиться четвертого апреля – проще сразу сэппуку[12] совершить. Так что очаровательная головка любовницы пришлась как раз кстати.

Михаилу с трудом удалось заманить Анжелу в подвал, пришлось пообещать сюрприз, и когда она, брезгливо сморщившись, замерла посередине, он резко отодвинул занавеску и схватил Анжелу за руку.

– Ну что? Миша не мужик? Мишутка тряпка? Так вот смотри – это все моих рук дело. Моих! Я – вот этими же руками, которыми сейчас тебя держу, – отсекаю эти головы, поняла? А самое главное – я за это не отвечу, потому что никто не узнает. Никто!

Анжелкин рот приоткрылся, глаза сделались круглыми и стеклянными от ужаса, она словно онемела и не могла произнести ни слова. Михаил же спокойно достал из шкафа меч и одним махом отсекал любовнице голову.

Тело он в ту же ночь вывез на пустырь за городом и сжег, а голову обработал и укрепил на подставке, невольно залюбовавшись – даже после смерти Анжела осталась красивой и выделялась на фоне обезображенных водкой, холодом и жизнью на улице бомжей.

Ольгу он заметил, когда выходил из подвала, собираясь домой. Та стояла между двух гаражей и явно пряталась от кого-то. У Михаила нехорошо засосало внутри – какого черта она тут делает? Он не говорил ей про существование этого места, да и вообще – по «легенде», он сейчас у больной мамочки в другом городе. «Больная» мамочка с очередным любовником, годившимся ей в сыновья, отдыхала на Мальдивах и ни сном ни духом не знала о том, где и чем занимается ее единственный сынок. Да и наплевать ей было на его проблемы уже много-много лет, с тех пор, как Михаил уехал из дома.

Он обошел гаражи с другой стороны и, остановившись за спиной Ольги, крепко ухватил ее за плечо. Та ойкнула от неожиданности и испуга:

– Кто это?!

– А ты кого здесь ждала? – спросил он, стараясь растянуть губы в улыбке.

– Я... н-никого, – пробормотала она, стараясь освободиться, но Михаил крепко держал ее за плечо.

– Следишь, значит? А с какой целью?

– Да не слежу я...

– Да? А какого черта тогда названиваешь и спрашиваешь, где я?

– Ты сказал, что уехал, я увидела тебя на улице, решила, что обозналась... – сбивчиво оправдывалась Ольга, но Михаил видел – врать не умеет, краснеет, путается.

– Решила, значит, в шпионку поиграть? А зачем? Жена Сашкина подслала?

– Что?

– Не понимаешь? Ладно, идем.

Решение созрело моментально – Ольга видела его у подвала, может сказать Сашкиной жене. Выбора не осталось – ее нужно убирать как лишнего свидетеля. Он тащил упирающуюся Ольгу к гаражу, та пыталась вырваться, попробовала закричать, и Михаил, не сдержавшись, ударил ее ребром ладони по шее. Ольга сразу обмякла,

упала на колени в снег, и тогда он перекинул ее через плечо и без лишних проблем затащил в подвал.

Он долго вглядывался в лицо лежавшей на полу девушки. Надо же, как все повернулось... Он почти любил ее, почти был готов предложить серьезные отношения, а она вот так неожиданно ушла на сторону Сайгачева. Ведь это же очевидно, что Ольга следила за Михаилом, и именно так и очутилась возле подвала. Она дружна с Сашкиной женой – Михаил несколько раз видел их вместе, да и в дом Сайгачевых Ольга продолжала приходить даже после ареста Акелы.

Паршинцева тем временем открыла глаза и начала испуганно озираться. Он вынул из шкафа меч, проверил остроту и вздохнул. Идеальный план мести пошел наперекосяк. Последнее убийство не укладывалось в схему, как не уложится и вот это, шестое. Это плохо, конечно, но выпускать Ольгу живой нельзя. Он долго беседовал с ней, чувствуя, как девушка пытается смягчить его, разговорить, возможно, разжалобить. Но – нельзя, нельзя поддаваться, он прекрасно понимал, что, выйдя отсюда, Ольга прямиком направится если не сразу в милицию, то к своей подруге – уж точно. И тогда ему несдобровать, и даже не поймешь, что хуже – срок за серийные убийства или месть головорезов Клеща.

Михаил не смог удержаться от картинного жеста и решил продемонстрировать Ольге напоследок то, чем он так сильно гордился.

Когда взгляд ее упал на полку с бундори, Ольга, узнав Анжелу, закричала пронзительно и громко, оглушив Михаила на секунду. Девушка забилась в истерике, что-то бессвязно выкрикивала, плакала, стоя на коленях посреди подвала. Именно этот крик позволил Александре безошибочно найти место, откуда он доносился.

Михаил не ожидал внезапного появления в гараже кого-то еще, а, кроме всего, затаскивая находившуюся без сознания Ольгу, он забыл закрыть дверь на засов. Замок-защелка не представлял большого препятствия, и потому Саша легко вырвала дверь, привязав к ручке цепь, а другой конец закрепив за багажник байка. Подвал был хорошо звукоизолирован, и Михаил даже не успел отреагировать, когда по лестнице буквально скатилась женщина в кожаной куртке и брюках, заправленных в берцы. В ее руке был пистолет, и по этой руке Михаил, успев ударить Ольгу по сонной артерии, махнул подвернувшимся мотком веревки. Когда и как женщина успела выхватить какую-то

плашку, напоминавшую кинжал, или она сразу ее держала в руке – он не заметил, а потому удар рукояткой в переносицу, а потом скользящее движение по шее пропустил. Когда же Михаил, инстинктивно схватившись за горло, упал на колени, женщина с размаху двинула ему берцем в лицо, попав снова в нос. Удар отозвался в голове маленьким взрывом, и второго удара – рукояткой пистолета по затылку – он уже не почувствовал, а очнулся крепко связанным, засунутым головой в щель между шкафом и тумбочкой, с растянутыми ногами и бутылью керосина между ними. Определенно эта миниатюрная девица обладала навыками спецназовца...

Александра

– Ну, ты и козел, – зло сказала я, когда Михаил наконец умолк.

Диктофон переключал с пола в карман куртки, я чувствовала себя выжатой и очень уставшей физически. Михаил поднял такую волну ненависти, что она, казалось, сейчас захлестнет весь этот подвал, затопит все вокруг, выбьет двери и выплеснется на улицу. Выходит, Никита оказался прав, корни зла следовало искать в далеком Сашкином прошлом, в том самом клубе единоборств. Как же давняя обида и зависть искорежили этому человеку всю жизнь, что он стал убийцей...

Я знала много всяких историй о неудачно сложившихся жизнях и о том, что толкает людей к криминалу, но такого, чтобы человек с детства из зависти кого-то ненавидел настолько, чтобы ослепнуть и очерстветь так, как Михаил, слышать не доводилось.

– Ну что? Ты узнала, что хотела? – прогнусил он. – Я все сказал. Давай договариваться.

– А я тебе не обещала ничего, – спокойно ответила я. – Не обещала – вон, Ольга подтвердит. Вызываем ментов.

Поток проклятий и угроз понесся из-за шифоньера, но это меня никак не трогало. Я спокойно набрала номер, коротко обрисовала ситуацию и сбросила звонок, следом сразу набрав дядю Моню. Адвокат никогда не помешает...

Дядя Моня приехал раньше – находился где-то недалеко. Когда, спустившись в подвал, он увидел «поле боя», ему стало весьма ощутимо нехорошо. Присев на стул, он вынул большой клетчатый платок и принялся обмахиваться им.

– Саша, деточка, майзл тов! Как ты могла? Разве можно так с молодым человеком, хоть он и отпетый бандит?

Сзади меня тихо прыснула в кулак Ольга – дядя Моня казался совершенно мирным толстячком, неспособным обидеть даже муху. Кто бы знал, что в свое время он сидел за махинации с какими-то красками для волос, от которых барышни лысели и приобретали кожное заболевание... Правда, было это в семидесятых годах.

– Дядя Моня, вот, знакомься – это и есть наш убийца в коричневой дубленке, за которого мой Акела парится на нарах, – светским тоном произнесла я, и дядя Моня сразу перестал быть благодушным и жалостливым.

– Так что ж ты ему причинное место не отстрелила до сих пор?

– Да, в принципе, это можно... – как бы сомневаясь, произнесла я, и с удовольствием увидела, как в испуге дергается Михаил. – Да ладно, это ему и без меня устроят – на зоне. Главное ведь – правильную информацию слить, да?

Дядя Моня только головой покачал. Как раз в это время приехали сотрудники, оцепили подвал, а к нам спустился старый приятель Карепанов вместе с «русичем» Наилем.

– Ба, какие люди! – протянул Карепанов, оглядывая нашу компанию. – Паршинцева, а ты-то тут как? – но, увидев зеленое Ольгино лицо и синяк на шее, перестал ерничать: – Досталось?

– Есть немного.

– Вы, Александра Ефимовна, как шкатулка с секретом – каждый раз разная, – галантно обратился он ко мне. – Подозреваю, что и антураж здешний – ваших рук дело.

– Что это меняет? – враждебно спросила я. – Вон там, в углу, лежит меч, похищенный из нашей квартиры. Если присмотритесь, то обнаружите на рукояти отсутствие того самого куска яшмы, который у вас – единственная улика против моего мужа. Вот это – знакомьтесь – и есть тот самый серийник по имени Михаил, ничего другого я, к сожалению, не выяснила. А вот это... – Я подошла к полке, закрытой шторой, потому что самое вкусное всегда приберегают на десерт, и дернула занавесь в сторону. – Вот это и есть бундори – отсеченные головы врага. Ну, в нашем случае это просто случайные бомжи и любовница господина имитатора.

Когда оперативники повернулись к полке, я испытала злорадное наслаждение – Карепанов зажал рукой рот, а «русич» Наиль побледнел так, словно вот-вот упадет в обморок. Дядя Моня что-то бормотал про себя – молился, видно, а Ольга просто закрыла глаза.

– Кошмар какой... – пробормотал Карепанов.

– Я бы заострила ваше внимание на том, что последняя голова – свежая, если это слово уместно в данном контексте, – продолжала я совершенно спокойно, хотя это давалось мне с трудом. – Это говорит о том, что мой муж не совершал убийств, и любой эксперт это подтвердит – вон хоть Ольга.

– Убийства, – поправил Карепанов. – Убийства, Александра Ефимовна, последнего убийства девушки. А Паршинцева теперь и вовсе лицо заинтересованное – судя по всему, тоже потерпевшая.

– Но не Сайгачев же меня сюда приволок! – воскликнула Ольга, но Карепанов только отмахнулся:

– Разберемся.

Я почувствовала, что сейчас кинусь на него и задушу, повалю на пол и буду сжимать на шее пальцы что есть сил, пока он не задергается и не затихнет. Этот человек упорно не хотел замечать очевидного, даже когда я принесла ему доказательства на блюдечке...

К счастью, дядя Моня неплохо меня знал, а потому тяжело поднялся со стула, обхватил меня рукой за талию и прижал к себе.

– Молодой человек... вы бы как-то полегче с людьми. У девочек стресс, им бы на воздух, а вы...

– Сейчас опросим и отпустим, – буркнул Карепанов и заорал, обращаясь к кому-то наверху: – Пусть сюда фотограф спустится, снимет все. И экспертам можно заходить.

Я почти физически почувствовала, как Ольга сжалась – видимо, по ее прикидкам, сюда должен сейчас явиться Нарбус. Так и вышло – Валентин Станиславович осторожно спускался по ступеням, неся тяжелый чемоданчик со всем необходимым. Увидев Ольгу, он чуть замешкался на последней ступеньке, но потом нашел в себе силы и приблизился к ней, подавая руку.

– Поднимайтесь, Оля, пол холодный. С вами все в порядке? «Скорая» не нужна?

– Нет, спасибо... я хотела...

Но он перебил:

– Извините меня, Паршинцева. Я обвинил вас совершенно огульно, а вы были правы. Мне на днях прислали диск с записью... Стася действительно связана с какими-то уголовниками, и деньги она взяла из сейфа, возможно, по их указке. Вы можете вернуться на кафедру, продолжать работу над диссертацией.

Я отметила про себя – и все равно он не допускает мысли о том, что его дочь сама виновна в том, что с ней происходит, и что деньги она тоже брала сама, лично для себя, чтобы покрыть долг. Но нет – отцовское сердце так и не смогло принять такую правду. Кто угодно виноват – но не его дочь.

Ольга же удивила меня:

– Спасибо, Валентин Станиславович, но... я не вернусь.

– Но как же... вы ведь уже готовы к написанию диссертации...

– Я не буду ее писать. И вообще – я отдохну полгода, а потом буду пробовать себя в нормальной анатомии.

Нарбус посмотрел на меня, и мне осталось только плечами пожать – я тоже слышала об этом решении Ольги впервые. Но пусть – может, ей так будет проще. На самом деле я не могла даже представить, как она будет приходить туда, откуда ее с таким позором выгнали, обвинив в том, чего она не совершала. Я бы не смогла...

Оперативники меж тем планомерно осматривали подвал, делали снимки, вели протокол – все своим чередом. Мне же страстно хотелось на воздух, на снег – упасть плашмя и лежать, глядя в темное ночное небо. Теперь Акела вернется домой, я в этом не сомневалась – не забыть бы только отдать этому Карепанову диктофонную запись. Там Михаил собственным голосом все подтверждал – и про убитых бомжей, и эту девушку, и про ненависть к моему мужу, и про острое желание доставить Сашке неприятности. Только бы прислушались, только бы не стали снова предвзято смотреть на моего Акелу – в прошлом связанного с криминалом мастера боевых искусств. Я не вынесу, если что-то пойдет не так...

– Дядя Моня, – шепотом пробормотала я, отвернувшись так, чтобы работавшие в подвале опера не смогли меня слышать, – а у меня ведь есть запись признаний этого Михаила, в кармане лежит диктофон. Что делать?

– Делай вид, что тебе плохо... – тоже еле слышно пробормотал старый адвокат. – Я тебя наверх выведу, и мы быстро в машине пленку

перекатаем, чтоб два экземпляра было.

Я так и сделала – уж что-что, а изобразить сердечный приступ моих актерских данных вполне хватило. Дядя Моня заботливо вывел меня из подвала, помахал адвокатскими корками перед носом бросившегося наперерез милиционера и увлек меня в свою машину. Там, на заднем сиденье, мы прокрутили сначала запись монолога Михаила, потом дядя Моня постучал водителю, и тот, порывшись в бардачке, подал ему какое-то устройство. Что уж он там делал, я не смотрела, занятая наблюдением за действиями милиционеров. В чуть приоткрытое окно до меня доносились обрывки чудовищных баек, в которых количество отрубленных голов достигло уже десятка. «Если так дальше пойдет, то доблестная милиция полгорода завалит, – подумала я злорадно. – Фантазеры...»

Дядя Моня толкнул меня в бок и протянул кассету:

– Держи. Копию себе оставляю, а эту давай-ка отнесем тому юноше в кожаном плаще.

Я фыркнула – «юноша» был примерно одних лет с моим Акелой, но, разумеется, для дяди Мони это никакого значения не имело. Мы вышли из машины, я отчаянно захотела вдруг курить, но вспомнила, что последнюю сигарету успела употребить в подвале.

– Дядя Моня, а из твоих пацанов кто-то курит?

– Филипп курит, гоноф, у него возьми, – сразу понял мою проблему адвокат и махнул телохранителю.

Широкоплечий черноволосый парень, похожий на выходца с Кавказа, оттолкнулся от машины, облокотившись на которую стоял, и подошел:

– Слушаю, Моисей Израилевич.

– Дай девочке сигаретку, пока она у нас тут не позеленела от избытка свежего воздуха, – со старческим брюзжанием проговорил дядя Моня, и передо мной мгновенно возникла открытая пачка сигарет.

– Спасибо.

Телохранитель щелкнул зажигалкой и вернулся на прежнее место, а я с удовольствием затянулась, хотя табак оказался крепковат.

– Долго мы еще тут торчать будем? – поинтересовалась я.

– Да кто ж их знает, – махнул рукой дядя Моня. – Как провозятся – можем и до ночи.

– Так не пойдет. Ольгу надо врачу показать, у нее синяк на сонной артерии, да и явно сотрясение мозга есть – как бы ей тут хуже не стало.

– Ну, это не от меня же зависит! – дядя Моня на миг стал похож на огромного добродушного Колобка, но в ту же секунду выражение глаз изменилось и стало прежним – жестким и внимательным.

– Плохо, что не от тебя, – вздохнула я, отправляя окурочок далеко на крышу гаража. – Ты вот скажи лучше, что теперь будет с Акелой? По сути – есть признание этого клоуна, есть меч, есть, в конце концов, головы отрубленные, одна из которых – уже после того, как Акелу в СИЗО укатали. Разве не достаточно?

Дядя Моня молчал, и мне в этом молчании чудилась какая-то пакость. По моим представлениям выходило, что теперь-то Сашкина невиновность абсолютно очевидна, и даже преступник пойман, так и какого же черта держать в СИЗО невиновного человека? Но дядя Моня, кажется, моих убеждений не разделял.

– Ты понимаешь, Саня... это ж дело такое... тонкое...

– Да что мешает-то?! – Я уперла руки в бока и, кусая от напряжения губу, смотрела на адвоката, который что-то явно темнил.

– Меч-то все одно Акеле принадлежит.

– И что?! – теряя терпение, уже почти кричала я. – И что?! Его украли – у-кра-ли! Понимаешь?!

Дядя Моня вынул платок и промокнул лоб и щеки, хотя на улице было довольно холодно – это я не замечала мороза, разгоряченная произошедшим.

– Ты это, Саня... не ори-ка на меня, – тоном, не предвещавшим ничего хорошего, заговорил адвокат. – Взяла привычку на голос брать – прямо как батя твой. Но он-то хоть по праву, а ты, соплячка?

О-го... даже кровь бросилась в лицо от подобной отповеди. Самое ужасное, что дядя Моня прав – я совершенно перестала себя контролировать. Надо срочно мириться, извиняться. Мгновенно поменяв тактику, я подхватила его под руку, прижалась всем телом к теплему боку и замурлыкала:

– Ну, дядечка Монечка... ну, ты ведь понимаешь, а? Я же не со зла... я потому что волнуюсь... ты только вот представь – муж в тюрьме, в руках доказательства его невиновности, а мне говорят – нет, мол, Саня, еще ничего не закончилось... Как терпеть-то? Прости, а? –

Я терлась носом о рукав его дубленки до тех пор, пока дядя Моня не вздохнул и не погладил меня по голове ладонью:

– Эх, всыпать бы тебе, Санька, да не по чину мне... ладно, мир. Но чур – больше глотку на меня не дери, поняла?

Я виновато кивнула. Не то чтобы я так уж боялась дяди Мони, нет – просто на самом деле стало стыдно за свое поведение. Дядя Моня всегда заступался за меня перед папой, кормил шоколадками и рассказывал иногда какие-то грустные еврейские сказки, когда я болела. И ведь именно дядя Моня с Бесо защищали меня и Акелу, когда выяснилось, что мы с ним любовники, а папа едва не пристрелил моего будущего мужа. И пристрелил бы – если бы не эти два толстяка, сумевшие уговорить его.

Нас отпустили только к ночи, папа успел оборвать мне телефон звонками, хотя дядя Моня терпеливо объяснил ему перед этим, в чем дело. Но нет – папенька желал лично убедиться, что со мной все в порядке, и я, сдерживая раздражение, отвечала на его вопросы, стараясь не очень углубляться в суть происходившего.

Я настояла на том, чтобы ехать не домой, а в больницу: Ольгино зеленое лицо не внушало оптимизма, а кроме того, ее отчаянно тошнило – в общем, все признаки сотрясения были налицо. И дядя Моня, вздохнув, повез нас в больницу, отрядив Филиппа отогнать мой мотоцикл к его коттеджу.

– Потом заберешь, – заявил он, когда я попробовала протестовать. – Хватит кровь из Фимы пить! Он от твоих байкерских штук только отходить начал, а ты снова за старое.

– Если бы не это старое, сейчас было бы много нового, – пробурчала я. – Например, мы бы дамочку не в больницу везли, а в морг – в черном таком пакетике.

Ольга, стоявшая рядом со мной, вздрогнула, ухватилась инстинктивно за мое плечо и пролепетала:

– Саш... ну чего ты...

– Что – страшно? – без улыбки спросила я, помогая ей забраться в машину.

– Конечно... у меня вся жизнь за секунду перед глазами пронеслась, – призналась она, когда я села рядом и взяла ее за руку. – Ты не поверишь, Саш, – так ужасно... ничего ведь не видела еще, даже не любила никого толком...

– Ну-ну, перестань. – Я обняла ее и прижала к себе, чувствуя, как Ольга в этот момент расплакалась. – Так хорошо держалась все время, и вдруг... Не надо, Олечка, не плачь. Уже все закончилось. Будешь теперь жить долго, говорят, что те, кто смерть так близко видел, потом долго живут. Вот и ты будешь. И влюбишься в хорошего парня, и замуж выйдешь, и детей заведешь. – Я раскачивалась на сиденье, как будто баюкала Соньку, и поглаживала Ольгу по вздрагивающим от плача плечам.

– Саша... я тебе так благодарна, – пробормотала она наконец, подняв зареванное лицо. – Ты мне жизнь спасла...

– Дурочка ты. Знаешь, как мой Сашка сказал бы? Что теперь я обязана тебе всем – поскольку взяла на себя ответственность за твою жизнь. «Спасший должен спасенному» – слыхала? Нет? Ну, вот я тебе говорю.

– Его отпустят теперь? – вытирая слезы рукавом куртки, спросила Ольга.

Я промолчала. Это была как раз та ситуация, в которой от меня уже ничего не зависело – я и так сделала больше, чем бригада оперов. Но, к сожалению, никакие мои старания не могли гарантировать, что вот сейчас я вернусь домой, отопру дверь – а там, на софе, лежит на боку Акела в домашнем синем кимоно и, подперев кулаком щеку, читает какую-нибудь книгу.

Я готова была отдать за это все – но увы...

И вдруг мне пришла в голову мысль – а ведь есть еще моя квартира и входная дверь, на которой Никита укрепил маленькую камеру слежения! И если этот Михаил приходил к нам в дом, имея слепок ключа, то его морда непременно окажется там, на записи! О, черт, почему я не вспомнила об этом раньше!

– Дядя Моня, поворачивай! – заорала я, глянув в окно и поняв, что мы достаточно далеко от моего дома. – Поворачивай, это важно!

Дядя Моня с пассажирского сиденья повернулся ко мне, всем своим видом выражая вселенское терпение.

– Деточка, ты зачем кричишь так, что у дяди Мони звенит в ушах? Ты ведь сказала – едем в больницу, вот Сережа и везет нас в больницу. Куда теперь поворачивать?

– Дядя Моня, ты не понимаешь! – не слушала я, пытаюсь нашарить в кармане Ольгиной куртки свой мобильный и не обращая

внимания на ее удивленное лицо и открытый в изумлении рот. – Мне надо домой, срочно, это важно!

Вывхватив наконец мобильный, я набрала Никите и заорала, едва тот взял трубку:

– Никита, быстро!!! Ноги в руки – и ко мне, к квартире! Ты срочно мне там нужен, срочно, слышишь?!

– Если будете орать, оглохну и точно слышать перестану! – отбрил он. – Все, уже выехал!

Сунув телефон в карман, я немного отдышалась и обнаружила, что мы никуда не повернули, более того – просто стоим на обочине.

– Ну?! В чем дело-то?

– Объяснись! – потребовал дядя Моня, гневно сверкая стеклами пенсне.

– Уф! Никто не верит сразу, всем подавай объяснения! Хорошо, слушай. На двери моей квартиры стоит скрытая камера наблюдения, ее Никитка воткнул еще первого числа. Так вот если этот Миша был у нас – там есть его изображение, понимаешь?

– Ну и что? Это было уже после того, как пропал меч.

– Да едрит... – не выдержала я, но тут же виновато захлопнула рот рукой: – Прости, дядя Моня, вырвалось... дело не в том, когда, дело в том – на фига вообще?! Он ведь отмыкал замки слепками с ключей, понимаешь? А откуда у него ключи от моей квартиры? Ну?!

– А-а! – понял дядя Моня и заорал на бедного водителя Сережу: – Какого черта ты стоишь, гоноф? Мы уже давно должны были подъезжать к месту!

Ольга не понимала вообще ничего, судя по ее округленным глазам и растерянному выражению, застывшему в них. Но ничего – я потом ей все объясню...

Никита ждал нас у квартиры, держа в руках небольшой ноутбук. Поздоровавшись с дядей Моней, он сразу обратился ко мне:

– Вот тут, в файлах, записи за все праздничные дни. Будем смотреть?

Я нетерпеливо топала берцем по мраморному полу площадки до тех пор, пока на мониторе ноутбука не появилось уже знакомое мне лицо Михаила, чуть искаженное углом наклона камеры.

– О-о-о! – протянула я почти в экстазе. – Это какое число?

– Второе. А есть еще пятое...

– Вот пятого я его тут и встретила, – тихо сказала Ольга, бросив беглый взгляд на монитор. – Я к тебе пришла, хотела поговорить, но увидела, что света нет.

– Это что-то зачастил он к нам – без приглашения-то, – процедила я. – Никита, это можно на диск сбросить?

– Не вопрос.

– А никто не обратил внимания случайно – на его дубленке все пуговицы были, а? – вдруг почему-то вспомнила я, хотя тут же подумала – если даже пуговица и была с дубленки Михаила, то вряд ли он ходил без нее шесть дней.

– На правом рукаве одной не было, – удивила меня Ольга, и я резко развернулась к ней:

– Что?! Ты точно видела?

– Точно. Он меня правой рукой за шею обхватил в подвале, как раз у самого лица эта часть рукава и оказалась, я еще тогда удивилась – как это Миша, такой педантичный в том, что касается одежды, без пуговицы ходит. Их там три пришито – одна над другой, рядом, вот той, что выше всех, и не было, только след.

– Я не понял, – вклинился дядя Моня, – о чем речь?

Пришлось коротко пересказать ему, как мы с Никитой обнаружили на полу в коридоре чужую пуговицу.

– Надеюсь, хватило ума не трогать?

– Хватило ума не снимать перчатки и положить потом ее туда, где нашли, – буркнула я, мысленно благодаря Савву за подсказку – ведь это он тогда велел вернуть пуговицу на пол.

– Ну, и то уже хорошо. Подозреваю, что у юноши все-таки есть мозги, – пробормотал дядя Моня, имея в виду, разумеется, Никиту, который делал вид, что не слышит и не обращает внимания, занятый возней с перезаписью видео.

Я почувствовала, как меня отпускает напряжение, но из-за этого подкашиваются ноги. Прислонившись к стене, я пробормотала:

– Что-то нехорошо мне... может, в квартиру зайдём?

– Нет, Саня, – категорически заявил дядя Моня, – не зайдём. Надо сюда оперов вызывать и до их приезда не следить там, не затаптывать.

Это заявление похоронило все мои планы на горячую ванну, махровый халат и отдых под теплым одеялом.

– Ладно, – со вздохом отозвалась я, поднимаясь на ноги, – только пусть все-таки кто-то Ольгу в больницу отвезет.

– Да я... – запротестовала было Паршинцева, но я категорическим тоном перебила:

– Оля, я тебя прошу – в больницу! И будет лучше, если ты там переночуешь, а твоей маме я позвоню. Все, поезжай с Сережей – да, дядя Моня?

Разумеется, ни у дяди Мони, ни у Ольги больше не осталось аргументов для возражений, и Паршинцева, поддерживаемая под руку Сергеем, покинула подъезд. Мы же так и остались на площадке, и Никита расстелил для меня на ступеньках тот самый кусок шкуры, что валялся в багажнике машины, – не поленился, сбегал. Я села к стене и закрыла глаза. Огромное нервное напряжение, в котором я находилась все это время, стало отпускать, и тело постепенно выходило из-под контроля. Хотелось свернуться клубком прямо тут, на ступеньках, и уснуть. Но нужно было ждать милицию, звонить Ольгиной матери, своему отцу...

До утра мне так и не удалось сомкнуть глаз, хотя я просто падала от усталости. Хорошо еще, что Никита, как я ни старалась отправить его домой, не согласился и остался. Именно его заботливые руки вовремя приносили чашку свежего кофе и меняли наполнявшуюся окурками пепельницу, именно они укутывали меня пледом, едва только я начинала зябнуть из-за сквозняка – Карепанов, тоже серый от усталости, решительно распахнул окно, устроив в квартире ледниковый период. Он уже не смотрел на меня с ехидцей, никак не комментировал минимум мебели в квартире, где полно дорогого оружия. Наоборот, пару раз в его вопросах я различила интерес и постаралась ответить как можно точнее.

– Я смотрю, вы тоже разбираетесь? – кивнув на книгу, оставленную мной на тахте, спросил Карепанов.

– Я просто стараюсь разделять то, что интересует моего мужа, вот и все, – я пожала плечами и потянулась за чашкой.

– Умная позиция. Это что же – у самурайских жен так было принято?

– Это, в принципе, должно быть принято у любых жен.

– Забавная у вас философия, – хмыкнул он. – Сами дошли или муж подсказал?

– А вот скажите, Борис Евгеньевич, – задумчиво проговорила я, глядя в кофейную чашку, – разве вам бы не было приятно, если бы ваша жена, допустим, на рыбалку с вами ездила? Или чем вы там увлекаетесь?

Карепанов снова хмыкнул и зачем-то потер шею:

– А черт его знает, если честно... Но вот иной раз говорю – Ленка, айда на выходные за город, палатку там раскинем, костерок, то-се. А она – нет, Боря, я цивилизованно хочу выходные проводить, ты уж сам поезжай. Ну, плюнешь и один валишь. Вроде как и не случилось ничего – а внутри скребет. Наверное, вы правы.

Я промолчала. Возможно, в чем-то я тоже заблуждалась, совсем уж растворяясь в увлечении мужа, но с другой стороны – а для чего тогда людям жить вместе? Если тебе неинтересно то, что твоему любимому, – то о чем разговаривать? О еде, о ремонте? Не знаю... Мне всегда казалось, что семья – это когда все вместе, рядом, когда тяжело одному без другого, когда все пополам. Папа так всегда говорил.

Опера уехали около шести, и Карепанов намекнул, что, возможно, на днях дело Акелы закроют за отсутствием состава преступления.

– А в багажнике «мерина» нашли следы крови, кстати. И юноша наш сознался, что вывез труп этой... как ее... ну, любовницы своей, в общем, именно на своей машине. Но Паршинцева все равно молодец, толковая девка оказалась, – сказал он уже на пороге, – это ведь она мне версию про самурая подкинула, как только первые два трупа осмотрела. Я и не знал, что она тоже увлекается этим всем. Жалко, что она с судебки ушла – была бы хорошим экспертом.

– Может, еще будет, – вяло отозвалась я, мечтая только об одном – чтобы все ушли, а я смогла спокойно лечь спать. Даже информация об уликах в багажнике машины и о признании Михаила меня сейчас никак не бодрила.

Акелу выпустили из СИЗО через сутки. Все это время я безвылазно провела дома, лежа в постели под одеялом. Меня вдруг охватила такая апатия ко всему, что я отключила телефон и даже не побеспокоилась сообщить об этом папе. Мой родитель решил вопрос кардинально – отрядил Никиту, справедливо рассудив, что никому другому я не открою. Никитка ломился в дверь до тех пор, пока я не устала слушать трели звонка и не выбралась из-под одеяла, чтобы открыть.

– Вы что вытворяете опять? – укоризненно спросил телохранитель, входя в квартиру и опуская на пол два объемистых пакета из супермаркета. – Ефим Иосифович рвет и мечет, между прочим.

– Да и пусть... – отмахнулась я, выуживая из пакета пачку сигарет. – Я так вымоталась за эти дни...

– Завтра Акелу отпустят, – как бы между делом сообщил Никита, унося пакеты в кухню, и я сразу пришла в возбужденное состояние.

– Да?! А чего ты молчал?!

– А как вам сказать, когда телефон отключен? – отбрил телохранитель. – Мы с утра уже знали, вот отец и начал вам звонить.

Черт... я узнала такую новость последней! Ну что за привычка...

– Никита, Никита, расскажи! – вцепившись в его рукав и даже забыв, что хотела курить, взмолилась я. – Расскажи, кто звонил, что сказал, во сколько его отпустят?

– Да погодите вы с вопросами! – отбивался Никита, пытаюсь одновременно еще и продукты из пакета на стол выгрузить. – Вы ж явно не ели еще ничего, мне Ефим Иосифович так и сказал – езжай, мол, голодная ведь сидит, ни за что в магазин не выйдет, раз одна осталась.

Издав стон, я отстала – прекрасно знала, что Никита сперва исполнит роль кухарки, а уж потом будет рассказывать, и мне никак не удастся его уговорить сменить очередность действий.

Прикурив сигарету, я забралась с пепельницей на тахту и подумала, что сегодня в последний раз позволяю себе подобную вольность, а уже завтра буду, как паинька, курить в кухне, открыв окно. Не скажу, что эта мысль меня расстроила...

– Я у вас останусь сегодня, – сообщил Никита из кухни, – Ефим Иосифович так распорядился, сказал, чтобы я вас завтра к СИЗО на своей машине вез, а они сами подъедут.

– Сами? – переспросила я.

– Да, с Бесо.

– А Соня?

– С Галей останется, не тащить же ребенка в такое место.

Ну, в общем, я так и думала, что папа не удержится и тоже поедет встречать зятя, а дочери моей сочинит какую-нибудь очередную сказку.

Да и Бесо, разумеется, поможет – он мастер на подобного рода выдумки.

Быстрее бы закончился сегодняшний день, думала я, рассеянно наблюдая за тем, как телохранитель, скинув пиджак и закатав рукава рубахи, ловко управляется с фаршированными блинчиками, посланными Галей, укладывая их в глубокий поддон, чтобы разогреть. В мойке у него уже обсыхали помидоры, огурцы и салатные листья, упаковка семги, вскрытая ножом, ждала своей очереди, длинный французский багет тоже вот-вот превратится в тосты – словом, Никита знал толк в кухонной работе.

– Галя блины прислала с творогом, как вы любите, – комментировал он, отправляя поддон в духовку, – и сказала, чем салат заправить. Есть сок лимонный?

– Над плитой шкаф, там бутылка из темного стекла.

– Нашел.

Ужин удался, и именно за едой Никита выложил мне все, что знал. Акелу должны были отпустить часов около одиннадцати, следовательно, к этому времени мы и собирались подъехать. Обвинения сняли, извинения, понятно, формально пробормочут, но кому они нужны, эти извинения? Человеку, проведенному довольно много времени вдали от семьи? Мне, перерывшей в городе почти все вплоть до асфальта, чтобы доказать, что мой муж не преступник? Глупость такая – эти извинения...

– Да, кстати – Савка звонил, – сообщил вдруг Никита, доедая последний блин с тарелки.

– Ну? – безо всякого интереса откликнулась я.

– Ну что – вы и сами знаете. Действительно, все началось в этом самом клубе, как я и говорил. Но даже не это интересно. А повод...

– А что – повод? Зависть, Никита. Зависть – черная, махровая зависть к более способному, более удачливому. Ты бы знал, чего и сколько мне наговорил этот Михаил там, в подвале... Я такой ненависти вообще никогда не видела, понимаешь? – Я отхлебнула чаю.

– Он готов был Сашку разорвать, если бы сил хватило. Настолько сильно ненавидел, что даже любовницу свою не пожалел, а девка, в принципе, и виновата ни в чем не была, разве что хотела, наверное, кусок пожирнее отхватить.

Никита помолчал пару минут, а потом вдруг спросил:

– Вы не будете против, если я Савке телефон Ольги дам?

– Зачем? – не поняла я. – Все закончилось, Акелу выпускают – зачем... – и тут только осеклась, поняв смысл: – А-а! Вон ты о чем... забавно.

– А чего? – не смутился телохранитель. – Он увидел ее фотку у меня в компе, там есть одна, я с вашего мобильного сбросил.

Я понимающе хмыкнула и написала на салфетке Ольгин номер. Собственно, почему нет? Савва – парень серьезный, увлеченный, и собой недурен. Вдруг получится...

Я давно не одевалась с такой тщательностью, как перед поездкой в СИЗО. Мне хотелось, чтобы, увидев меня, Акела забыл обо всем. Хотелось порадовать его своим видом, чтобы он увидел, какая я. Но в последний момент вдруг решила – а пропади все пропадом. Он меня любит любую – и нет смысла что-то выдумывать, надену любимые кожаные брюки и куртку.

Так и поступила, вызвав удивление у Никиты.

– Между прочим, Акела этого не одобрит, – заметил он, заканчивая готовить завтрак.

– Ой, Никита... – сморщилась я, забираясь на табурет. – Ну, перестань, а? Я полжизни провела в таком виде, Сашка слова не говорил. Это в последнее время...

– Вот-вот! – подхватил он, подвигая ко мне тарелку с омлетом. – И именно на это самое «последнее время» он и ориентируется. Он вас такой уже не помнит.

– Бред какой-то, – разозлилась я. – Вот ты свою девушку за что любишь? За то, какая она способная и тщательно одетая продавец-консультант в дорогом бутике? Нет ведь! Ты ее любишь потому, что тебе с ней так хорошо, что ни о ком и думать не хочется, а во что она при этом одета, ты вообще вряд ли замечаешь.

– Ну, прямо там! – возразил Никита, усаживаясь на табурет напротив меня. – Я всегда вижу, в чем она ходит.

– И если тебе не нравится, то что? Переодеваться отправляешь? Короче, хватит! – отрезала я. – Мой муж – как хочу, так и выгляжу.

Никита надулся и умолк, сосредоточившись на омлете и кофе. Я есть не могла – нервничала, вяло ковыряла вилкой в тарелке, разгребая в разные стороны зеленый горошек, ломтики красного болгарского перца, кусочки помидоров и листики петрушки.

Устав мучить омлет, я отодвинула тарелку, закурила и отхлебнула кофе. Время тянулось отвратительно медленно, как будто нарочно. Я готова была уже идти к СИЗО пешком, чтобы хоть как-то приблизить момент встречи с Акелой. Наконец и Никита закончил завтрак, потянулся и взял с подоконника кобуру с пистолетом, глянул на меня:

– Поедем, пожалуй?

Он не успел даже договорить, а я уже была в коридоре, шнуровала берцы.

Я буквально сверлила глазами ворота СИЗО, и если бы могла, расплавил бы их. Время шло, а Акела все не появлялся, и я уже всю нервничала, топталась на месте, как привязанная лошадь, истоптав рифлеными подошвами берцев снег на небольшом газончике, у которого мы припарковались. Никита терпеливо сидел в машине, отца и Бесо еще не было, и мне казалось, что все это – элементы вселенского заговора против меня.

Наконец показалась папина машина, и из нее, пыхтя в унисон, выбрались и папа, и Бесо. Я не кинулась навстречу, как сделала бы пару лет назад, не повисла на шее Бесо – я уже слишком взрослая, замужняя и даже мать, не пристало мне вести себя как ребенку.

– Давно ждете? – буркнул папа, подойдя ко мне и взяв за плечо.

Я неопределенно кивнула. Бесо зацокал языком, забормотал по-грузински, начал прохаживаться взад-вперед, заложив за спину руки.

– Моня не звонил? – Папа сунул в рот «беломорину» и зашарил по карманам в поисках зажигалки. Я молча протянула свою, он прикурил и повторил вопрос: – Моня, говорю, не звонил тебе?

– Нет.

– Да где же он, черт старый? – пробормотал папа, и я услышала в его голосе беспокойство. Это мне не понравилось.

– А дядя Моня тут при чем? Он зачем?

– Саня, ты не дергайся, ладно? Без тебя разберутся.

Я затопала ногами – папа, видно, забыл, что мне нельзя говорить подобное, я сразу прихожу в ярость и перестаю себя контролировать.

– Так! Говори, в чем дело!

– Ну-ка, нишкни! – зыркнул глазами мой родитель, и я слегка присмирела. – Сказано – Моня нужен! Все на этом! Марш в машину, синяя вон вся!

Пришлось подчиниться. Но, сидя в машине, я все-таки слегка приоткрыла стекло и услышала обрывок разговора отца и Бесо:

– ...больше бы ничего не накопили. Мало ли – знаешь ведь, чем занимались-то, – негромко говорил папа. – Время прошло, сказали – в одиннадцать, уже первый час, его нет.

– Ты Моне набрал? – спросил Бесо, покусывая костяшку пальца.

– Не отвечает, хоть гудки идут.

– Сашка не переживет, – вздохнул Бесо, – так надеялась, что выпустят.

Я вся обмерла и похолодела – это что же, получается, Акелу могут не отпустить?! Не отпустить – из-за каких-то старых папиных дел?! Меня затрясло. Такой убийственной информации я не ожидала. Могут не отпустить...

Я ткнулась лбом в спинку сиденья и закусил губу, чтобы не заплакать. Впервые за долгое время я чувствовала себя совершенно беспомощной. От меня больше ничего не зависело, и даже мое отменное умение стрелять и гонять на байке сейчас ничего не значит и ни на что не влияет. Я могу только сидеть в машине и ждать – ничего другого уже не будет.

Папа и Бесо наматывали круги вокруг машин, Никита молча сидел на водительском месте, скрестив на руле руки, но я чувствовала – тоже переживает. Он вообще трепетно относился ко мне и ко всему, что со мной связано, уважал моего мужа, а потому принимал наши проблемы очень близко.

Вдруг в открывшейся двери СИЗО показалась круглая фигура дяди Мони. Я видела, как застыли на мгновение Бесо и папа, рванула дверку и выскочила на улицу. В два прыжка я оказалась возле дяди Мони, схватилась за отвороты его дубленки:

– Ну?! Что еще случилось?! Где Акела?!

– Не надо так кричать, чтобы дядя Моня оглох! Отпусти шубу, скаженная! – Дядя Моня пытался отцепить мои руки от дубленки, но я держала крепко и не собиралась сдаваться. – Фима, твоя дочь хулиганка! Когда уже появится этот гоноф Акела и заберет у меня эту головную боль?!

Внезапно на мои руки легли огромные ладони, а затылком я уперлась в кого-то высокого. Откинув голову назад, я едва не завизжала – на меня сверху вниз, улыбаясь, смотрел муж.

– Все воюешь, малышка?

Я молча развернулась, отпустив многострадальную дубленку дяди Мони, и уткнулась лицом в Сашкину кожанку.

– Ну, что ты? Не надо расстраиваться. Все закончилось, я с тобой.

Сзади заскрипел снег – подошли папа и Бесо, и я услышала, как отец негромко говорит дяде Моне:

– Моня, ты в другой раз не испытывай мое терпение, оно ведь не того... не резиновое. Да и Сашка вон нервишки попортила.

– А что мог Моня? Что мог Моня, я тебя спрашиваю? Следователь приехал, какие-то бумажки тряс, расспросы вел. Моня должен был сказать – все, уважаемый, там Фима нервничает? Так Моня должен был сказать? – отбивался старый адвокат.

Я же, задрав голову, смотрела в лицо Акелы и не могла оторвать взгляда. Почему-то было ощущение, что мы не виделись вечность, и теперь я вспоминала, как он выглядит.

– Что, Аленька, небритый? Прости, сегодня не успел – с утра приехал следователь, – извиняющимся тоном проговорил муж, и я как будто только сейчас заметила щетину, росшую на его лице клочками из-за шрамов от ожогов.

– Ну, что ты... разве в этом дело? – Я подняла руку и провела ладонью по его щеке. – Я так соскучилась...

– И я, малышка. А где дочь? – оглядывая машины, спросил Сашка.

– У папы. Мы там все праздники провели.

Папа наконец устал ждать, пока зять соизволит оторваться от меня и решит поздороваться, и сам протянул руку:

– Ну, здоров, что ли. Как сам?

Сашка пожал протянутую руку, не выпуская меня:

– Спасибо, Фима, все хорошо. Обвинения сняли.

– Да уж в курсе я, что сняли. Теперь послушаешься меня? Вернетесь в поселок? С твоим добром вообще надо бункер иметь, чтоб дуракам неповадно было зариться!

– Мы подумаем, – серьезно ответил Акела.

Я про себя отметила, что муж явно много думал в СИЗО о будущей жизни. Папа несколько раз просил нас вернуться обратно в поселок, чтобы я и Соня находились поблизости и – чего уж скрывать – могли пользоваться его охраной, когда Акелы нет дома. Но Сашка упорно отказывался. Чувствую, что последние события заставили его

основательно пересмотреть собственное решение жить в городе. А что? Машины есть, мы с ним точно так же можем ездить на работу, просто вставать нужно будет чуть раньше, но для нас обоих ранние подъемы проблемой не были. Соню можно будет точно так же возить в школу – по очереди, а забирать может кто-то из охранников, тот же Никита, например. Так что резон был, и мне уже казалось, что Акела практически согласен.

Дома нас ждал пир горой – Галя с самого утра наготовила столько всякой еды, что я застонала. Соня, вертевшаяся с ней в кухне, просмотрела момент, когда в доме появился Акела, а потому он сумел неслышно замереть в дверях, ожидая, когда девочка повернется. Она, вся в муке и сладкой начинке для ватрушек, развернулась на какой-то звук и увидела отца. Издав почти индейский крик, Соня сорвалась с табуретки и повисла на руках Акелы, пачкая того мукой и джемом.

– Папа! Папа вернулся! Папа вернулся!

– А ты чего это такая сладкая? – целуя ее в щеку, улыбнулся Акела.

– А это я тебе пирогстряпаю. С апельсиновым джемом! – гордо объявила дочь и повернулась к Гале: – Видишь, баба Галя, как хорошо, что мои родители любят кожановые вещи? Папа тоже за муку не ругает!

– Кожаные, Сонька, – поправила я, украдкой стянув из-под белого полотенца пирожок с капустой.

– Ой, мам! – отмахнулась она. – Ну, какая разница? Главное, что не пачкаются!

Мы рассмеялись, и Акела, подхватив Соню на руки, щелкнул ее пальцем по носу.

– Огэнки дэс ка?[13] – спросил он неожиданно, но Соня не растерялась.

– Сугой![14] – громко заявила она, обнимая отца за шею.

– Сленг... – поморщился Акела, но по мелькнувшему в единственном глазу довольному выражению я заключила, что он не считает это ужасным, а скорее рад, что дочь знает и довольно свободную форму ответа на вопрос, чем та, что положена классическим каноном.

– Вагаооками[15], – прошептала я, с любовью глядя на мужа, и он, услышав, кивнул, как будто подтверждая – твой, мол.

– А по-русски все, не базарят в этом доме? – усмехнулся входящий в кухню Бесо, и я не удержалась от язвительного комментария:

– И это говорит человек, чей замусоренный словарь может служить объектом изучения для филологов! Мы хоть по-японски, а ты вообще по фене!

– Вай, Сашка! Укус-девка! – захохотал Бесо, колыхаясь животом, и Сонька изумленно распахнула глаза:

– Деда Бес! Что у тебя в животе?

– Комок нервов, Сонечка, комок нервов! – продолжал хохотать он, осторожно подергивая визжащую от удовольствия Соню за ногу.

Я уже давно не была так спокойна и счастлива, как сегодня. Мы сидели за огромным накрытым столом, и папа был доволен жизнью – все его любимые люди оказались рядом, пир горой, все такое. Я же постоянно держалась под столом за колено мужа, словно боялась, что, стоит мне разжать пальцы, и он исчезнет. Я так настрадалась без него, что даже мысль о разлуке казалась мучительной.

Ночью, уложив спать Соню, мы выскользнули из дома и забрались на чердак – там когда-то у меня было тайное убежище. Обнявшись, мы сидели на старом диване, и я рассказывала мужу обо всем, что произошло со мной и с Ольгой за это время. Акела внимательно слушал и все крепче прижимал меня к себе.

– Аленька, какая же ты у меня сильная, – хрипло проговорил он, когда я замолчала. – Ведь это же ты меня вытасила.

– Саш, ну ты о чем говоришь-то? – укоризненно спросила я, заглядывая ему в лицо, на которое падал свет от фонаря, висевшего прямо над чердачным окном. – Для меня в жизни нет ничего более важного, чем ты и Соня. Я землю готова была грызть, чтобы доказать, что ты невиновен! Ведь я знаю, что ты никогда не смог бы – на безоружного с мечом.

– Знаешь, Аля, это самое важное, когда тебе верит близкий человек. Вот когда наоборот – это все, жизнь закончилась.

– Ты мой волк. Я всегда буду верить тебе. Я стану прежней, Саша, – такой, как ты хочешь. Это просто сейчас... ты не смотри, мне пришлось... – сбивчиво заговорила я. – Просто иначе я не смогла бы, не сумела...

– Аленька, ну, что ты говоришь! – перебил он ласково. – Я люблю тебя люблю, это ведь совсем неважно, кимоно на тебе или кожанка и берцы. Я люблю в тебе другое, и ты это прекрасно знаешь. Я просто хотел как лучше, хотел, чтобы ты была женщиной... Но теперь понимаю – а мне не нужно, чтобы ты как-то менялась. Мне нужно, чтобы ты просто была. Была со мной. Ничто другое мне не важно.

...Я уже и забыла, какие у него нежные губы...

Соседи

Алиса Власьевна, сунув своего любезного Маркиза – кота персидской породы – за пазуху потертого пальто, поправила на голове белую шаль-паутинку, поглубже натянула заношенную беличью шапку и вышла из квартиры. Снизу по лестнице поднималась Саша Сайгачева с дочкой. Алиса Власьевна испытала что-то вроде неловкости: все-таки это именно она разнесла по всему двору слухи о том, что их «японец» – жестокий кровавый убийца. Первым желанием было вернуться в квартиру, но дверь уже захлопнулась, а рыться в кармане и искать ключ – долго. Внезапно ситуацию спас старый Маркиз. Он вывернулся из рук старушки и рванул прямо под ноги маленькой Сони. Девочка, стремительно согнувшись, ловко поймала кота и взяла на руки.

– Ты куда побежал, глупыш? На улице мороз, ты простудишься!

Саша, улыбаясь, смотрела на дочь, гладившую кота по дымчато-серой шерсти. Кот же, к полному удивлению Алисы Власьевны, ласково урчал, зажмурил глаза, и даже не делал попыток освободиться из детских рук.

Соня смело шагнула к старушке и протянула ей кота:

– Вот, держите! Он больше не будет убегать, он мне пообещал.

Алиса Власьевна не смогла удержать улыбку:

– Спасибо, Сонюшка, а то он такой непослушный у меня.

Саша сделала шаг в сторону, пропуская соседку, и Алиса Власьевна, робко взглянув ей в лицо, пробормотала:

– Ты не сердись на меня, Сашенька... по старости-то чего только не померещится... мы ж с самого детства пуганные, привыкли всего бояться-то.

Саша пожала плечами:

– Мне что? Да и вы ни при чем тут. Следствие закончено, Сашу оправдали – что еще? А слухи... ну, если на все обращать внимание,

так жить будет некогда.

Старушка мелко закивала головой и стала спускаться, придерживаясь за перила.

– Соня, помоги Алисе Власьевне во двор выйти, – распорядилась Саша, и девочка, обогнав соседку, предложила:

– Давайте я понесу котика, а вы пока по лестнице спуститесь. А то вам тяжело, он у вас упитанный.

Вечером, столкнувшись с управдомом, Алиса Власьевна вздохнула и рассказывала ему о том, как хорошо воспитана девочка у Сайгачевых, какая она разговорчивая, умная и уважительная к старшим. Андрей Ильич только усмехнулся про себя – как же быстро меняется мнение у этих старых сорок...

Эпилог

Я совершенно удивилась, когда через пару недель после освобождения муж вдруг заявил, что нашел покупателя на нашу квартиру.

– Мы переедем в коттедж через два дома от отца, – сказал он. – Там хорошее место, и ремонта нужно немного. А спортзал оборудую в полуподвале. Пока поживем у отца.

Меня это вполне устраивало.

Ольгу продержали в больнице неделю, до тех пор, пока с ее шеи не сошел кровоподтек. Врачей беспокоило, что у нее стал нарушаться сердечный ритм, но вскоре все пришло в норму, и ее отпустили.

Самым удивительным было то, что они очень быстро сошлись с Саввой. Никита держал меня в курсе событий, и именно от него я узнала, что Савва предложил Ольге стать его помощницей в детективном агентстве. Я не сомневалась, что Паршинцева согласится – ее всегда тянуло на подобные авантюры.

Михаила осудили на большой срок. К моему удивлению, Акела никак не комментировал ни свое с ним прошлое знакомство, ни то, что сделал этот человек, чтобы сломать ему жизнь. Как истинный самурай, Акела отнесся ко всему безразлично, процитировав мне наедине строчки монаха Рюэна:

Судьба неизбежна.

Ее избежать

Невозможно.

Я поняла, что он хотел сказать этим... Михаил получил то, что заслужил, – его юношеская подлость разрушила его душу, довела до преступления, и в конце концов он понес то наказание, которое было положено. Все справедливо...

Мы больше никогда не говорили об этой истории, словно старались вычеркнуть неприятные воспоминания из памяти.

Я же совершенно неожиданно для себя снова запихнула в дальний угол шкафа кожаные брюки и ключи от байка, облачилась в кимоно и увлеклась росписью по шелку – это я-то! Муж и отец были в легком шоке, глядя на то, как я, закусив от напряжения губу, вывожу кисточкой иероглифы на шелковом платке. Но меня это настолько затянуло, что я проводила все свободные вечера за новым увлечением.

Меч, кстати, нам вернули после окончания следствия, и к этому приложил руку папа и, как ни странно, опер Карепанов. Он лично привез тщательно завернутый в большое покрывало меч, передал его Акеле и неожиданно спросил:

– Если я сына к вам в клуб приведу – возьмете?

Акела невозмутимо ответил:

– Если он хочет серьезно заниматься, возьму.

Карепанов, казалось, ждал совсем другого ответа, а потому даже слегка растерялся.

– То есть... можно привести?

– А почему нет? – так же невозмутимо отозвался Акела, пристально осматривая меч. – У меня единственное ограничение – возраст. Не беру моложе десяти лет. В остальном препятствий не вижу.

Карепанов поблагодарил, спросил адрес клуба и время работы и откланялся. Я пошла провожать его, и на пороге он негромко сказал:

– Удивительный человек ваш муж, Александра Ефимовна. Такой... цельный, что ли? Редко такие бывают.

– Я знаю, – улыбнулась я, закрывая за ним дверь.

Акела не был каким-то уж совсем особенным, просто он жил по определенным законам, которых строго придерживался. К сожалению, многие из этих правил не были понятны большинству, а зря. Иной раз в старинных японских трактатах можно было найти совершенно правильные мысли, актуальные до сих пор.

Мне повезло – я была рядом с настоящим мужчиной, я разделяла его интересы, поддерживала его и любила. И эта любовь была

взаимной – что еще нужно для счастья?

